

Артур ЧИЛИНГАРОВ
Михаил ЕВСЕЕВ
Эдуард САРУХАНИЯ

Участники комсомольско-молодежной экспедиции СП-19

ПОД НОГАМИ

**ОСТРОВ
ЛЕДЯНОЙ**

Paulsen
2014

УДК 82-992

ББК 84-4

**Издание подготовлено к 75-летию
Артура Николаевича Чилингарова
по заказу компании «Совфрахт».**

Благодарим Дмитрия Пурима, Владислава Горенко
и Павла Селезнева за большую помощь
в подготовке книги.

Фото на обложке: *Виктор Чистяков*

В книге использованы фотографии

А. Награльяна, В. Чистякова, С. Хворостова, Г. Копосова

Из архива *Д. Пурима, В. Горенко, П. Селезнева, А. Меркулова.*

Текст публикуется по изданию 1986 г. «Ленинград, Гидрометеиздат»,
интервью членов экспедиции СП-19 по изданию 1972 г. «Молодая
Гвардия».

Чилингаров А. Н., Евсеев М. П., Саруханян Э. И.

Под ногами остров ледяной. Изд. 3-е, перераб. и доп.

М.: Paulsen, 2014. – 240 с., илл. – 112.

В ноябре 1969 года на ледяной остров, дрейфующий на севере Восточно-Сибирского моря, была высажена группа молодых специалистов Арктического и антарктического института. Остров толщиной 35 метров имел 14 километров в длину и 8 — в ширину. Казалось, никакая сила в природе не способна сокрушить этот гигантский ледяной монолит. Но случилось то, чего никто не мог ожидать...

Все перипетии экспедиции СП-19 были описаны ее участниками в книге «Под ногами остров ледяной», выпущенной в 1972 году издательством «Молодая гвардия». В новое издание включены воспоминания друзей и соратников Артура Николаевича Чилингарова, а также фотографии, часть из которых не публиковалась ранее. Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-98797-089-8

© 2014, Paulsen

Содержание

Хронология	7
Наш Чилингаров	8
Предисловие академика А. Ф. Трешникова	10
Глава 1. ПЕРЕД СТАРТОМ	22
Вспоминают	
Дмитрий Юрьевич Пурим	36
Фредерик Паулсен	39
Михаил Николаевич Красноперов	40
Александр Дмитриевич Жуков	43
Глава 2. ЕСТЬ СП-19!	46
Вспоминают	
Владислав Иванович Горенко	68
Павел Валентинович Селезнев	70
Юрий Сычев	72
Анатолий Кириллович Орлов	74
Анатолий Михайлович Сагалевич	97
Глава 3. ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ... ..	100
Вспоминают	
Константин Александрович Зайцев	124
Михаил Игнатьевич Гришанков	126
Глава 4. КОМСОМОЛЬСКОМУ «ДАЕШЬ!»	
ЗДЕСЬ НЕ ЗАРЖАВЕТЬ	130

Вспоминают	
Кирилл Шубский	136
Вячеслав Владимирович Рукша	138
Глава 5. САМОЕ ТЕПЛОЕ МЕСТО	
НА ЗЕМЛЕ	142
Вспоминают	
Владимир Михайлович Грузинов	152
Николай Александрович Корнилов	154
Глава 6. НАДО ЛЬДАМИ,	
ВО ЛЬДАХ И ПОДО ЛЬДАМИ	158
Вспоминают	
Владимир Николаевич Лизун	193
Юрий Константинович Бурлаков	194
Валерий Владимирович Лукин	196
Глава 7. БУДНИ	
И ПРАЗДНИКИ	200
Вспоминают	
Владимир Сергеевич Груздев	211
Владимир Иванович Скоропупов	212
Глава 8. ПРОЩАЙ,	
ЛЕДЯНОЙ ОСТРОВ!	216
Участники экспедиции СП-19 о себе	220

Дрейфующая станция • «Северный полюс-19»

Принята смена: 7 ноября 1969 г. 74°34' с. ш.; 161°48' в. д.

Окончена смена: 25 октября 1970 г. 77°55' с. ш.; 151°35' в. д.

Станция продолжала работу до весны 1973 г.

Личный состав:

Чилингаров А. Н. – начальник, Воробьев А. Н. – аэролог, Волдаев В. Н. – аэролог, Сафронов В. А. – аэролог, Ремез Б. М. – локаторщик, Евсеев М. П. – метеоролог-актинометрист, Прозоров В. Н. – метеоролог-актинометрист, Саруханян Э. И. – океанолог, Углев В. Д. – океанолог, Селезнев П. В. – гидрохимик, Сериков М. И. – ледоисследователь, Смелков О. Н. – ледоисследователь, Струин Ю. А. – ионосферист, Иванов Ю. Н. – радиоинженер, Молочников Ю. А. – радиоинженер, Васильев Л. В. – заврадио, Кривошеин В.К. – радиотехник, Быков А. Ф. – механик, Судаков М. Е. – механик, Горбунов Г. А. – врач, Дондуков В. Н. – повар.

Жилые и подсобные помещения: домики (15).

Транспорт: трактор Т-38 с бульдозерным устройством.

Общие сведения:

Продолжительность дрейфа 336 суток.

Дрейф в генеральном направлении со скоростью 1,29 км/сут – 453 км;

суммарный дрейф со скоростью 6,3 км/сут – 2223 км.

Размер льдины в начале смены 13 600 x 7400 м, толщина льда 3500 см.

В январе льдина села на мель (к юго-востоку от о-ов Де-Лонга) и раскололась. Станция оказалась на осколке айсберга, размеры которого 1500 x 1000 м. В марте лагерь перенесли на оставшуюся часть острова размером 12 000 x 6000 м. Завезено 342 т груза. Принято 283 самолета (Ли-2, Ан-2, Ил-14, вертолет Ми-4). Всего на льдине побывало 80 человек.

Наш Чилингаров

Фричьоф Нансен сказал, что «Романтика необходима людям. Именно она придает божественные силы, необходимые для совершения путешествия по ту сторону обыденности».

Именно путешествуя по другую сторону обыденности, можно встретить таких людей, как А. Н. Чилингаров. Знакомство с ним открывает глаза на ранее недоступные области внутреннего и внешнего мира. Его принцип существования простой – если не рискуешь, лишаешь себя самого главного удовольствия в жизни: шанса изменить ее.

Встреча с Артуром Николаевичем изменила мою жизнь. Я очень жалею, что мое знакомство состоялось уже в зрелом возрасте и я был лишен удовольствия общения с ним до 1999 года. Тем не менее и за этот короткий период он смог передать мне многое. Так, часто ловлю себя на мысли, что подражаю ему вольно или невольно. Использую его фразы, его движения пальцами рук... Я заражаюсь его отношением к людям, делам, поступкам, жизни... К сожалению, ритм этой жизни приближается сегодня к космическим скоростям. Мы не всегда принадлежим семье, работе, даже самим себе. Чилингаров никогда и никому не дает собой насытиться. Близкие испытывают острый дефицит общения с ним даже в выходные. Коллеги из-за его графика не имеют возможности для обсуждения накопившихся вопросов в том объеме, в котором они бы желали. Так же как и он, я стал жить в таком ритме. Поэтому иногда мы говорим о том, что хорошо бы съездить отдохнуть, несколько дней ничего не делать... Хотя знающие люди понимают, что и на отдыхе ритм останется тот же.

Почему я принял решение о переиздании книги о драматической истории станции «Северный полюс-19»? Можно ограничиться банальным ответом, что эта книга необходима для патриотического воспитания молодых людей, которые испытывают в сегодняшнем материальном мире недостаток примеров самоотверженности и героизма. Отчасти, конечно, и для этого тоже. Но если смотреть на события, описанные в книге, в фокусе современных подходов, то можно найти то, чему не научат в самых лучших университетах мира и школах выживания. Успешное завершение сложнейшей СП-19 состоялось и в результате применения эффективных тактических решений, и системной реализации стратегии. Решение задач в области обеспечения безопасности, оптимального использования имеющихся ресурсов, преодоления кризисных, в том числе психологических моментов, организация спасения – все это может стать основой для многих бизнес-кейсов. Создать в экстремальных условиях в замкнутом пространстве из обычных людей высокопродуктивную организованную команду – очень непростая управленческая задача. При этом неспособность решать задачи подобного рода стоила жизни не одной полярной экспедиции.

Именно во время экспедиции СП-19 выкристаллизовались те личные качества Чилинагарова, за которые его любят близкие, уважают коллеги и опасаются недоброжелатели. Тогда, мне кажется, сформировалась та основа, на которой возвышается наш Чилингаров.

Предисловие

А.Ф. Трешников
доктор географических наук,
профессор, академик АН СССР

Представляемая книга «Под ногами остров ледяной» была издана в 1972 году издательством «Молодая гвардия». Эту книгу написали участники комсомольско-молодежной научно-исследовательской станции «Северный полюс-19». В занимательной и вместе с тем в строго документальной форме описывается жизнь и приключения небольшого коллектива молодых людей, работавших год во льдах Северного Ледовитого океана. Книга читается как приключенческая повесть. Кроме того, она имеет большое воспитательное значение не только для новых поколений полярных исследователей, но и для людей, выбирающих свой путь в жизни.

Взрослеют новые поколения, а эта книга стала библиографической редкостью. Этим вызвано новое ее издание.

Сами участники этого дрейфа стали солидными людьми, деятелями науки, руководителями коллективов, просто хорошими работниками. Думаю, что многое в их последующей судьбе определилось тогда, когда жизнь каждого из них зависела от дружбы, взаимопомощи, взаимовыручки, уважения друг к другу.

В предисловии к первому изданию на вопрос, какими качествами надо обладать, чтобы стать полярным исследователем, я ответил так: «Современные полярные исследователи — это не „сверхчеловеки“, а обыкновенные люди, физически здоровые, образованные, хорошо освоившие ту или иную специальность. Постоянные низкие температуры воздуха, долгая полярная ночь, общение с ограниченным кругом людей, опасность внезапного разлома льдины, безусловно, влияют на психику человека. И необходимы определенные волевые усилия,

чтобы выдержать весь этот набор раздражающих обстоятельств. Помогают этой выдержке спаянность коллектива людей, общность интересов, направленных на лучшее выполнение поставленных задач. Отсюда вытекает необходимость взаимопомощи, взаимовыручки и взаимного прощения друг другу небольших слабостей».

Станция «Северный полюс-19», как показывает ее номер, была девятнадцатой по счету. Отсчет номеров ведется с папанинской дрейфующей станции, созданной впервые в Арктическом бассейне у Северного полюса в мае 1937 года. Четверка молодых ученых во главе с И. Д. Папаниным за девять месяцев продрейфовала на льдине на юг в Гренландское море, где была снята ледоколами весной 1938 года. С этого начался новый этап в изучении Центральной Арктики. Вторая мировая война вынудила отложить создание новых дрейфующих станций. Следующая дрейфующая станция была организована на дрейфующих льдах Арктического бассейна к северу от острова Врангеля в 1950 году. Она была названа «Северный полюс-2», или, сокращенно, СП-2. А папанинскую станцию было решено с 1950 года называть «Северный полюс-1» (СП-1).

Работы первых дрейфующих станций показали, что систематические исследования важны не только для изучения природных явлений самого Арктического бассейна, но и для обеспечения мореплавания по Северному морскому пути в арктических морях. Арктические моря являются лишь обширными заливами Северного Ледовитого океана, широко открытыми к северу. Языки гигантского ледяного массива Арктического бассейна в зависимости от особенностей дрейфа могут смещаться на юг и местами блокировать прибрежную трассу прохода караванов судов. А от этого зависят расстановка ледоколов и планирование перевозки грузов. Сводки погоды, передаваемые с дрейфующих станций, помогают специалистам следить за изменениями метеорологических условий, синоптической ситуации.

В 1954 году были созданы уже две дрейфующие станции — «Северный полюс-3» и «Северный полюс-4». С тех пор на льдах Арктического бассейна работают одновременно две, а иногда и три дрейфующие станции. Они обычно организуются на меридианах Восточно-Сибирского и Чукотского морей и дрейфуют в генеральном направлении на запад через район географического Северного полюса к проливу Фрама (пролив между Шпицбергенем и Гренландией). Срок существования дрейфующих станций — от одного до трех-четырёх лет. Состав станций меняется ежегодно.

Изучение дрейфа станций привело к открытию новой схемы генерального дрейфа льдов в Арктическом бассейне в виде двух течений: Трансарктического, выносящего льды из евразийских морей в сторону пролива Фрама, и Антициклонического круговорота (по часовой стрелке) над Канадской котловиной. В некоторые периоды Антициклонический круговорот расширяется, и большая масса льдов вовлекается в круговое движение, а Трансарктическое течение в это время становится уже. Затем круговорот сокращается, и Трансарктический вынос увеличивается. Это явление имеет цикл 5—6 лет, что дает возможность предсказывать накопление льдов или их вынос из Арктического бассейна.

Если дрейфующая станция попадает в цикл расширения Антициклонического круговорота, то она может совершать круговой дрейф. Впервые это было обнаружено по остаткам дрейфующего лагеря станции «Северный полюс-2». Состав этой станции был эвакуирован через год работы, весной 1951 года, вблизи от географического Северного полюса. А в 1954 году, когда к северу от острова Врангеля создавали станцию СП-4, брошенные палатки станции СП-2 были обнаружены почти в том месте, где она была высажена. Таким образом, льдина СП-2 совершила за четыре года круговой дрейф над Канадской котловиной.

Три таких круга совершил ледяной остров под названием «Т-3», на котором с перерывами создавали свою станцию американские исследователи.

Большинство дрейфующих станций создается на многолетних льдах толщиной 3—4 метра. Иногда при поиске льдины с самолетов удавалось обнаруживать очень мощные льдины, отличные по своему строению от многолетних морских льдов, площадью в несколько десятков километров и толщиной около 30 метров. Они получили название ледяных островов. Такие дрейфующие ледяные острова в прежние времена принимались исследователями за сушу, так как иногда их приносило близко к берегам, где они в районе мелководного шельфа садились на мелкие банки и находились на одном месте многие годы, пока не разрушались. Вокруг них нагромождались в виде огромных торосов морские льды. Вероятно, такие ледяные острова и породили версии о существовании неизвестных земель — Земли Санникова, Земли Андреева, Джиллиса и других.

Советские летчики еще в тридцатые — сороковые годы, летая на ледовую разведку, принимали иногда такие острова за вновь открытые земли в Арктическом бассейне.

В августе 1952 года группа гидрологов-прогнозистов — А. Ф. Трешников (автор этих строк), П. А. Гордиенко, И. А. Волков — совершали ледовую разведку на самолете под командованием известного полярного летчика И. И. Черевичного. На одном из галсов в районе Северного полюса самолет встретил многослойную облачность, и пилот вынужден был подняться над облаками. Но уже за полюсом Черевичный по настоянию гидрологов пробил облака, и на высоте 50 метров сквозь пряди свисавших облаков мы увидели под собой мощную льдину и на ней — две группы коричневых камней, очень похожих на вершины островов. Самолет сделал два круга над ними, но горючего было в обрез, только чтобы долететь до берега, и пилот, пробивая слои облаков, повел самолет вверх, так как было сильное обледенение и лететь на бреющем полете было рискованно.

Нам показалось тогда, что мы открыли два островка в самом центре Арктического бассейна. Штурман В. И. Аккуратов до сих пор уверен, что это были острова. Об этом он писал много лет спустя в журнале «Вокруг света». И в самом деле — трудно было отказаться от этого открытия. Дело в том, что незадолго до этого, в 1948 и 1949 годах, мы открыли подводный хребт Ломоносова; совершая посадки на льды, мы промерами установили, что отдельные вершины этого хребта поднимаются сравнительно близко к поверхности. Так, недалеко от Северного полюса, в точке $87^{\circ}07'$ северной широты и $145^{\circ}55'$ восточной долготы я со своим напарником гидрологом Л. Л. Балакшиным обнаружил промером с помощью троса глубину 1005 метров. Это была минимальная глубина над хребтом Ломоносова. Естественным тогда было предполагать, что могут быть и меньшие глубины и даже вершины хребта, выходящие на поверхность.

Эта мысль долгое время не давала мне покоя. Эта мысль засела и в голове летчика И. И. Черевичного. Летом 1954 года, когда я был начальником дрейфующей станции «Северный полюс-3», однажды прилетел он к нам на льдину. Мы находились недалеко от того места, где два года назад увидели с воздуха два островка. Черевичный предложил обследовать с самолета тот район. В ясную солнечную погоду мы полетели и частыми галсами прочесали этот район. Галсы проходили друг от друга на таком расстоянии, чтобы не пропустить между ними какие-либо объекты на льдах. До боли в глазах мы вглядывались в поверхность льда, но ничего отличного от льда не обнаружили. Был разгар полярного лета, снег на поверхности льдов стоял, видны были снежницы и ручьи между ними. В другое время

года острова были бы покрыты снегом и их можно было бы спутать с торосами, но сейчас, в разгар летнего таяния, снег на темной поверхности камней или скал давно бы растаял под влиянием солнечной радиации. С сожалением мы вынуждены были констатировать, что тогда, в 1952 году, мы наткнулись на дрейфующий ледяной остров, который, вероятно, за два года вынесло в пролив Фрама в Северную Атлантику, и там он растаял. А может быть, он попал в круговой дрейф и в последующие годы американцы на нем организовали дрейфующую станцию «Арлис-II».

На ледяном острове в 1956 году была создана советская дрейфующая станция «Северный полюс-6». На этом ледяном острове проработали четыре смены исследователей. Первую смену возглавил К. А. Сычев, вторую — В. М. Дриацкий, третью — С. Т. Серлапов и четвертую — В. С. Антонов. Остров был обнаружен к северу от острова Врангеля. Продрейфовав вначале вдоль материкового склона Евразии, он затем был вынесен в западный район Арктического бассейна. Дрейф четырех смен на ледяном острове проходил, как на твердой земле, но к концу работы четвертой смены появились признаки разрушения острова, вокруг него стали появляться обширные разводья. На выносе через пролив Фрама в сентябре 1959 года станция была ликвидирована: далее ледяной остров попадал в зону сильного дрейфа и сжатий, интенсивных штормов и мог быть разломан, и эвакуация людей и имущества потребовала бы ледоколов. В 1898 году в этом районе вышло из ледового плена норвежское судно «Фрам», а в 1958 году экспедиция на дизель-электроходе «Лена» почти на чистой воде выполняла океанологические станции.

Подобный ледяной остров площадью около 100 кв. км (14 x 8 км) был найден с самолета ледовой разведки весной 1969 года к северу от Чукотского моря. За островом следили ледовые авиаразведчики, а осенью на нем было решено создать станцию «Северный полюс-19». Комсомольско-молодежную. Тогда остров находился на 74°30' северной широты и 160° восточной долготы, на центральном меридиане Восточно-Сибирского моря. Это было над шельфом, где глубины были 40—60 метров.

Снаряжая молодых ученых, руководство Арктического и антарктического института исходило из того, что на мощном ледяном острове жизнь и работа их будет более спокойной, подобно тому как было на станции СП-6.

Мы предполагали, что найденный ледяной остров будет дрейфовать на север, в сторону больших глубин. Но он, делая зигзаги, пошел почти на запад, к островам Де-Лонга, где были глубины 30 метров и менее. Ледяной остров наскочил на одну из отмелей, и несколько кусков ледяного острова откололось по трещинам в районе лагеря станции.

«И тут открылась картина, по сюжету схожая с „Гибелью Помпеи“, — пишет один из участников дрейфа. — Правда, не было огня и дыма, лишь слабый электрический свет да суматошные ракеты освещали эту великолепную и жутковатую работу природы... Огромные куски льда, по которому совсем недавно ходили с чувством твердой и непоколебимой почвы под ногами, неожиданно осели и отошли. У ног разверзлось море».

Один из крупных обломков, на котором находился домик радиостанции, перевернулся. Сметены льдом были и некоторые другие вещи. Особенно пострадало океанографическое имущество, так как лунки и палатки для океанографических работ находились на морском льду, припаянном к острову. Это случилось в середине полярной ночи. Катастрофическое положение станции вызвало у нас беспокойство. Было дано указание послать самолет для обследования ледяного покрова. Разведка показала, что большой кусок ледяного острова не разломало, и участники дрейфа с помощью трактора и присланного вертолета перебазировались на него.

От участников дрейфа потребовались поистине героические усилия, дружная работа, чтобы справиться с последствиями катастрофы, с честью выйти из тяжелых испытаний и восстановить регулярную работу станции. Я не стану повторять описания событий жизни и работы комсомольско-молодежного коллектива. Это превосходно сделали сами ребята. Они оказались достойными продолжателями лучших традиций советских полярных исследователей. Они проработали на ледяном острове почти год и передали станцию новой смене. Еще две смены работали на станции СП-19, последняя смена была эвакуирована на подходах к проливу Фрама.

Откуда же берутся ледяные острова в Арктическом бассейне?

У острова Элсмир Канадского Арктического архипелага существует пояс шельфового ледника, края которого, по данным исследований канадских ученых, в некоторых местах лежат на грунте, а в некоторых — на плаву.

По сравнению с гигантскими шельфовыми ледниками, окаймляющими Антарктиду, шельфовый ледник у острова Элсмир небольшой,

он является остатком более мощного давнего оледенения Арктики. Когда-то, в ледниковую эпоху или в периоды похолодания после нее, с гор арктических архипелагов спускались языки ледников и, растекаясь над шельфом, превращались в шельфовые ледники. Шельфовые ледники в Арктике образовались над неглубокой прибрежной частью моря, там, где имеются отмели и небольшие острова. Такие условия и существуют у берегов острова Элсмир в Арктике. В нашу климатическую эпоху питание этого ледника с суши практически прекратилось, так как горные ледники на Земле не растут, а отступают, но, как и все этого типа ледники, он подпитывается за счет превращения в лед снега, выпадающего на его поверхность. Движущиеся мимо массы морского льда откалывают куски шельфового ледника и увлекают его с собой под влиянием ветров и течений. Таким образом, ледяные острова — это плоские айсберги. Раньше, вероятно, этих айсбергов было больше. В наше время найти такой айсберг среди дрейфующих льдов случается очень редко. Советские, американские и канадские полярные исследователи «охотятся» за ними — на них безопаснее работа научных станций, за дрейфом таких приметных образований легче следить с самолетов и спутников для изучения дрейфа массива льдов.

Последней советской дрейфующей станцией на ледяном острове была станция «Северный полюс-22». Она была основана осенью 1973 года к северу от Чукотского моря на 76° северной широты с помощью ледокола «Владивосток» и дизель-электрохода «Капитан Кондратьев». Более 7 лет работала эта станция. В Антициклоническом круговороте она совершила полный оборот и, к сожалению, на втором витке попала в Трансарктический вынос.

Еще на ледяном острове станции СП-19, а затем на острове станции СП-22 работали океанологи-аквалангисты. Они установили, что толщина таких островов составляет 30—40 метров, нижняя поверхность почти ровная, чуть холмистая, с выступами всего сантиметров тридцать, в теле острова находятся слои грунта разных эпох. Это снесенные с суши галька, глина, небольшие валуны. Систематические измерения показали, что с нижней поверхности остров за год стаивает на величину около 50 сантиметров. На такую же величину стаивает остров с поверхности. Таким образом, ледяные острова «худеют» по мере дрейфа примерно на 1 метр в год.

В заключение мне хочется сказать о дальнейшей судьбе некоторых героев этой книги.

Чилингаров Артур Николаевич — после дрейфа принимал участие в 17-й Советской антарктической экспедиции (САЭ), где возглавлял работу станции «Беллинсгаузен» в 1971—1973 годах. В 1973 году он руководил созданием СП-22 с борта ледокола «Владивосток» и некоторое время был ее начальником. В 1974—1979 годах был начальником Амдерминского управления Госкомгидромета СССР. Кроме руководства управлением он возглавлял океанологические и ледоисследовательские работы при зимних морских операциях по доставке грузов для разведки нефти и газа на полуострове Ямал в районе мыса Харасавей. За эту работу с группой моряков А. Н. Чилингаров был удостоен звания лауреата Государственной премии, а на основе собранных тогда научных материалов успешно защитил диссертацию на ученую степень кандидата географических наук. В сентябре 1979 года он был назначен начальником управления кадров и учебных заведений Госкомгидромета СССР и членом его Коллегии. В 1985 году, когда в море Росса у антарктической станции «Русская» попало в вынужденный дрейф научно-исследовательское судно «Михаил Сомов», А. Н. Чилингаров был послан начальником спасательной экспедиции в Антарктику на ледоколе «Владивосток». За успешное проведение операции по выводу «Михаила Сомова» из ледового плена ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Саруханян Эдуард Иосифович — после дрейфа участвовал в экспедициях в Арктику и Антарктику по программе «ПОЛЭКС» на научно-исследовательских судах «Профессор Визе» и «Профессор Зубов». Возглавил международную экспедицию под названием «Полынья» в море Уэдделла. Был начальником отдела «ПОЛЭКС» в ААНИИ. На основе собранных при его участии научных материалов по Южному океану успешно защитил диссертацию на ученую степень доктора географических наук. С 1983 года работает в секретариате Всемирной метеорологической организации в Женеве, осуществляя координацию международных океанологических исследований.

Евсеев Михаил Павлович — работает по своей специальности — метеорологом в Арктическом и антарктическом институте. Кандидат наук. По совместительству преподает курс динамической метеорологии в Высшем инженерно-морском училище им. адмирала Макарова, которое он когда-то окончил. В 21-й САЭ работал начальником аэрометеорологического отряда на станции «Молодежная». Эксперт ООН по вопросам метеорологии и охраны окружающей среды.

Волдаев Владимир Николаевич — после дрейфа окончил Ленинградский университет. Принимал участие во многих экспедициях в Антарктику и Арктику. Коммунисты ААНИИ избрали его членом партийного комитета.

Кривошеин Валерий Константинович, Сафронов Владимир Александрович — окончили Ленинградский университет и продолжают работать в экспедициях в Арктику и Антарктику.

Селезнев Павел Валентинович — много лет работает в Арктике в Тиксинском управлении Госкомгидромета СССР. Здесь, в Тикси, его родина. Летает в ледовые авиаразведки и обслуживает ледовой информацией караваны судов, плавающих по Северному морскому пути.

Сериков Михаил Иванович — защитил диссертацию на ученую степень кандидата географических наук. По-прежнему увлеченно работает в лаборатории и экспедициях в Арктике и Антарктике над изучением физических свойств морских льдов.

Горбунов Геннадий Александрович — несколько раз зимовал на дрейфующих станциях, где выполнил интересные работы по психологии людей, работающих в экстремальных полярных условиях. Его исследования, опыт и знания дают возможность подбирать людей для работы в полярных экспедициях. Между экспедициями он обрабатывает материалы тестов и наблюдений в отделе полярной медицины ААНИИ.

Смелков Олег Николаевич — по возвращении из дрейфа поступил в Высшее художественное училище. Окончил его и работает художником.

Я не ставил перед собой задачи описать судьбу всех участников героического дрейфа СП-19. Многих из них я не смог повидать, так как они снова уехали в экспедиции. К сожалению, ушли из жизни А. Н. Воробьев, А. Ф. Быков, В. Д. Углев. Все полярники вспоминают этих замечательных людей с теплым чувством.

Все они прожили интересную жизнь. Теперь уже не комсомольцы, а зрелые люди, многие из них коммунисты, они передают опыт новым поколениям полярных исследователей.

Сейчас в Северном Ледовитом океане снова работает комсомольско-молодежная станция, СП-28. В апреле этого года я участвовал в специальном рейсе ленинградской газеты «Смена» на Северный полюс. На СП-28 мы прилетели одним из первых самолетов, когда даже еще не все зимовщики прибыли на свою льдину (официальное открытие станции состоялось 21 мая).

— Вам приходилось работать на СП во время разломов? — спросил я одного из молодых полярников, заслышав идущий откуда-то издали гул ломающихся льдов.

— Приходилось.

— Ну, тогда хорошо. Тогда, значит, к таким ситуациям готовы, — сказал я.

Летал с нами и Артур Чилингаров. С собой он взял выпел ЦК ВЛКСМ, врученный СП-19. Этот выпел он передал новому молодежному коллективу.

Я желаю молодым исследователям быть достойными преемниками лучших традиций предшественников. Так держать!

*Из издания книги
«Под ногами остров ледяной»
1986 года*

*Нету нам и тридцати,
Если взять на круг,
Каждый из семнадцати — брат,
И если вдруг
Будет туго, друг за друга —
Закон основной,
Так велит нам остров ледяной.*

*Текст песни участника
дрейфа «СП» В. Пигузова.*

Глава 1

Перед стартом

Михаил Евсеев:

Экспедиция «Северный полюс-19», или просто СП-19, началась для меня в то июльское утро 1969 года, когда в вестибюле Арктического и антарктического научно-исследовательского института меня остановил Артур Чилингаров и спросил:

— Миша, ты председатель Совета молодых специалистов?

Едва дождавшись утвердительного кивка, он быстро продолжал:

— Комитет комсомола ААНИИ проявил инициативу в деле организации новой комсомольско-молодежной станции СП-19. Ты как председатель Совета молодых специалистов мог бы помочь нам отобрать достойные кандидатуры в эту экспедицию.

Артур выжидательно смотрел на меня, неторопливо поглаживая черные блестящие усы.

— Что же... — ответил я, — давай обсудим.

Мы вышли из вестибюля в небольшой скверик перед зданием института. Пригревало утреннее июльское солнце, пахло прелой землей и свежей зеленью, по набережной Фонтанки сплошным потоком двигалась бесконечная вереница грузовиков.

Я молчал и думал о том, как бы лучше помочь Артуру, и вдруг поймал себя на том, что мои мысли сосредоточиваются на другом: что бы, например, я мог делать на дрейфующем льду. Хватило бы у меня сил жить и работать на дрейфующей станции? Что я сам мог бы предложить нового в научных исследованиях в высоких широтах?

— Артур, — сказал я, — конечно, я постараюсь помочь тебе всем, чем смогу. — И, немного помолчав, добавил: — А меня ты не возьмешь с собой?

Он сразу оживился, усы зашевелились, глаза заблестели, и он сразу стал похож на того Артура, которого я знал десять лет назад, когда мы вместе учились в ЛВИМУ имени адмирала Макарова.

— Старик, — возбужденно заговорил он, — давай! Это, наверное, самая лучшая идея, которая когда-либо приходила тебе в голову. У нас как раз есть великолепная мысль послать во главе метеорологического и гидрологического отрядов молодых кандидатов наук. Ты понимаешь, ведь это будет не совсем обычная станция. Мы хотим, чтобы там не только наблюдали, но и проводили интересную и нужную научно-исследовательскую работу. Да, ведь я хочу забрать еще и Эда Саруханяна; представляешь, какую работу мы сможем там делать!

И он с увлечением продолжал говорить о задачах будущей станции.

«А Артур совсем не изменился, — подумал я. — Такой же горячий и экспансивный, каким был и раньше. В этом он похож на Эда...» И я мысленно перенесся на десять лет назад, когда мы все трое были курсантами ЛВИМУ.

От всех

Да, тогда мы все трое были курсантами Ленинградского высшего инженерно-морского училища. Ежедневное общение в курсантской среде сдружило нас крепко и надолго. Не сразу и не легко возникают узы этой дружбы. Обнаженность курсантской жизни — это, пожалуй, то основное, что отличает училище от любого другого вуза. Здесь ты все время на виду, на твою жизнь смотрят товарищи, не уйти, не укрыться от их внимательных глаз; тебя, все твои поступки, твою правду и твою фальшь видят и оценивают твои однокашники. И как порою бывает горько от их справедливых слов, и как иногда ругаешься с ними, в душе сознавая, что ты неправ, но из глупого самолюбия отстаиваешь свою лжеправоту и потом все же сдаешься.

Жизнь разбросала нас по разным местам. В последние годы один руководил комсомолом на Севере, работая секретарем райкома в далеком заполярном поселке Тикси; другой, защитив диссертацию, трудился в Институте Арктики и Антарктики, а третьего судьба, казалось, совсем увела от полярных широт: уже два года Эд работал в Институте биологии внутренних вод, что в небольшом академгородке на берегу Рыбинского водохранилища.

Случалось, мы годами не виделись, но это ни в коей мере не мешало нам всегда помнить друг о друге, тревожиться о каждом и радоваться успехам. И вот теперь жизнь снова сводила нас и давала в руки увлекательное дело.

С самого начала было ясно, что речь идет о не совсем обычной дрейфующей станции. Необычен, во-первых, состав экспедиции: преимущественно молодежь в возрасте до 30 лет, притом большинству предстояло впервые зимовать на дрейфующем льду. Необычен, во-вторых, выбор льдины, на которой будет создана станция, — это не поле морского пакового льда трех-четырёхметровой толщины, а гигантский дрейфующий ледяной остров, состоящий в основном из пресного льда, площадью около 100 квадратных километров и толщиной примерно 30 метров. Необычно, в-третьих, время высадки — организация и строительство станции планировалось на октябрь — ноябрь, то есть в зимнее время, в условиях полярной ночи, что создавало для участников экспедиции особые трудности. Участие в экспедиции молодых ученых, кроме того, значительно расширяло научные задачи, поставленные перед коллективом. Предстояло выработать новые программы научных наблюдений и исследований, ранее никогда не проводившихся на дрейфующем льду.

Начинать следовало с самого начала...

Евсеев:

Людмила Александровна Дыдина, доктор географических наук, руководитель сектора долгосрочных прогнозов погоды малой заблаговременности ААНИИ (в настоящее время лаборатория), мой непосредственный начальник, с интересом выслушала мой весьма сумбурный рассказ, закончившийся просьбой отпустить меня на целый год в экспедицию, и задумалась.

— Ну хорошо, — произнесла она наконец, — пожалуй, я вас отпущу. Я давно думала организовать в Центральном Арктическом бассейне, в районе вашей высадки, специальную программу изучения атмосферных процессов на высотах от трех до десяти километров. Вот вы и займетесь там осуществлением этой программы.

На стол Артура легло заявление с просьбой зачислить меня в экспедицию СП-19 на должность младшего научного сотрудника.

— Отлично, Миша, — сказал он, пряча заявление в ящик стола, — Давай работать. Первая наша задача — подбор кадров. Вот, кстати,

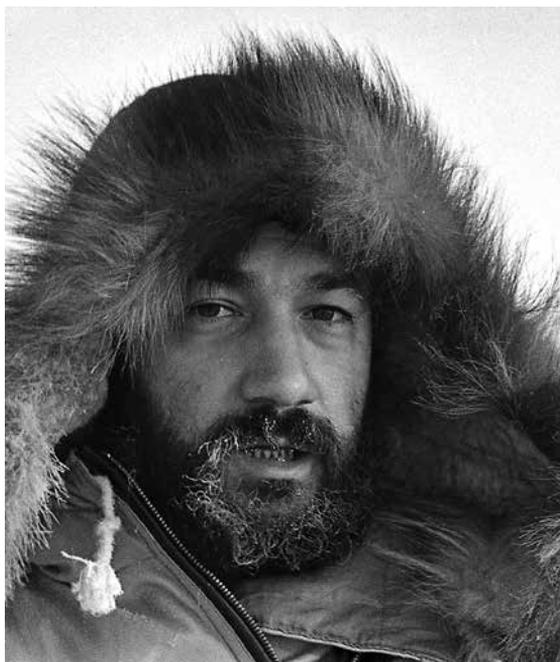
сегодня звонил Эд, дал согласие. На днях приезжает и включается в работу. Надо начинать подготовку приборов и оборудования. Времени у нас мало. В середине октября мы должны улететь из Ленинграда.

Артур Чилингаров:

Высадка станции на дрейфующий лед, создание нормальных бытовых и жилищных условий, организация научных наблюдений в настоящее время невозможна, при всем желании, без участия в экспедиции опытных специалистов-полярников, неоднократно прошедших суровую школу зимовок в Арктике и Антарктике.

Одна из самых важных должностей на дрейфующей станции — должность старшего инженера-механика. На эту ответственную должность назначается человек, прежде всего знающий в совершенстве дизельные установки, машины, моторы, имеющий большой опыт вождения автомашин и тракторов. Но этого еще далеко не достаточно. Главный механик должен уметь быстро и четко устранить любую неисправность, возникшую в сложной системе дизелей и электрогенераторов; он должен быть конструктором и мастером на все руки: из минимума материала уметь сделать необходимые приспособления и устройства для нормальной работы всей энергетической установки. Но и это еще не все. Старший механик должен руководить строительством ВПП (взлетно-посадочной полосы) для приема самолетов на льду, самой ответственной, сложной и трудоемкой операцией на дрейфующих станциях, от выполнения которой зависит вся дальнейшая организация и работа станции.

На эту должность отдел экспедиций ААНИИ рекомендовал нам Анатолия Федоровича Быкова, опытнейшего полярника, неоднократно зимовавшего в Арктике и Антарктике. Ему в помощники был направлен Михаил Судаков — опытный шофер, механик и электрик,

Артур Чилингаров – начальник СП-19

участник археологической экспедиции в Мангазею в 1969 году. Михаил лихо катал нас на «газике» то на склад института на улице Фрунзе, то в поликлинику им. Чудновского у Калинкина моста, где каждый полярник перед отъездом в Арктику проходит тщательный медицинский осмотр.

Тяжелое это дело — организация экспедиции в Центральную Арктику. Надо выписать со склада огромное количество оборудования и снаряжения, перевезти и упаковать его в ящики и мешки. Ленинградский торговый порт обеспечил нас продовольствием, научно-исследовательская гидрологическая станция института на Ладожском озере — баллонами для газа и сборными деревянными домиками, магазины — канцелярскими товарами, склады Гидрометеоздата — специальной литературой и бланковым материалом.

От всех:

Громко стучат молотки. Под ногами шуршит деревянная стружка, в нос набивается едкая пыль. Здесь, в подвале большого девятиэтажного дома на улице Фрунзе, начиналась станция СП-19, сюда свозились оборудование и приборы, запаковывались в ящики и готовились к дальней дороге.

Дружные ребята — аэрологи. Рано утром приходят сюда Володя Волдаев, Володя Сафронов и Борис Ремез.

Володя Волдаев, высокий плечистый парень с длинными мускулистыми руками и открытым простодушным лицом, вытаскивает из угла самый большой ящик, с грохотом кидает его на середину и весело восклицает:

— А ну, давай работать!

Под работой он, очевидно, имел в виду нечто, на его взгляд, гораздо более сложное и тяжелое, потому что кидать ящики для такого могучего парня просто детская забава.

Володя Сафронов отбирал приборы и оборудование, привезенные накануне на склад, и аккуратно складывал все это в приготовленный ящик. Володя — почти полная противоположность своему тезке. Молчаливый, даже несколько замкнутый, он хорошо уравновешивал темпераментного Волдаева.

Борис Ремез, невысокого роста крепыш, брал в руки блокнот, вынимал изо рта обгрызанный карандаш и не спеша, деловито записывал каждую деталь, каждый прибор, упакованный в ящик.

После того как ящик наполнялся доверху, Володя Волдаев накрывал его крышкой и, от радости, что есть наконец куда девать энергию, изо всех сил забивал в нее огромные гвозди. Помещение наполнялось ядовитой пылью, с потолка сыпалась известь, и все начинали чихать и кашлять. Наконец Володя с победным возгласом заколачивал последний гвоздь, легко, как игрушку, переворачивал ящик длинными руками, забивал для верности несколько гвоздей с противоположной стороны и бережно нес его в другой угол, где уже скопилась целая гора готовых к отправке ящиков.

И так — с утра до вечера. Стук молотков, грохот отодвигаемых ящиков, шум грузовиков на дворе, подвозящих очередную партию приборов и оборудования.

Быстро и бесшумно входил заведующий радио будущей СП-19 Леонид Васильев. Из комсомольского возраста он вроде бы уже вышел, но стоило только услышать его негромкий, с хрипотцой голос, увидеть широкое скуластое лицо, небольшие с лукавинкой глаза, как становилось ясно: этот человек сможет найти общий язык с двадцатилетними. Леонид каждый раз втаскивал в подвал небольшие, но очень тяжелые ящики и сам их маркировал: Р-1, Р-2, Р-3...

«Р» — это значит радио, а 1, 2, 3 — порядковые номера ящиков.

— Здесь передатчики, — сказал он однажды. — Самая необходимая вещь на станции, — добавил он и улыбнулся широкой улыбкой.

В один из сентябрьских дней на складе появился самый «старый» член нашей экспедиции — Михаил Иванович Сериков. Он один из опытейших ледоисследователей института. Вероятно, ни одна крупная арктическая экспедиция не обходилась без его расчетов и указаний, касающихся физико-механических свойств льда. С самого начала, когда в научную программу нашей станции были включены ледоисследовательские работы, нам стало ясно, что без Михаила Ивановича не обойтись. Появившись первый раз на складе, Михаил Иванович внес большой длинный сверток, обшитый мешковиной. В нем — самые необходимые орудия труда ледоисследователя: ледовые буры различной конструкции и назначения. Михаил Иванович бережно положил сверток на пол, вывел на нем кисточкой красной краской «Л-1» и сам проследил, как Боря Ремез записал в блокнот огрызком карандаша: «Л-1 — ледовые буры».

Со второй половины сентября появился наш доктор. Невысокого роста, очень подвижный, с выразительными живыми глазами, Гена Горбунов быстро нашел общий язык со всеми полярниками.

В отличие от остальных, ему предстояло первый раз отправиться в Арктику, и, надо сказать, он готовился к ней весьма тщательно: все ящики с медикаментами и приборами запаковывал сам, не доверяя этой работы никому.

Иногда в шуме голосов в подвале слышался громкий и требовательный голос Артура. Он появлялся всегда внезапно, быстро осматривал ящики и отрывисто спрашивал:

— Сколько ящиков упаковали?.. Все ящики маркируете? — и тут же, не дожидаясь ответа: — Борис... где Борис?.. Здесь он... Борис, сколько у нас хозяйственных ящиков?

Борис начинает искать куда-то затерявшийся блокнот. В подвале поднимается суматоха. Кто-то считает ящики...

— Тридцать два хозяйственных! — кричит Волдаев.

Борис наконец находит свой блокнот, быстро перелистывает его и замирает, обнаружив там только 31 ящик. От волнения он начинает заикаться.

— П-почему тридцать два? — спрашивает он и с недоумением смотрит на Волдаева.

— А так, тридцать два! — радостно сообщает тот.

Борис засовывает в рот огрызок карандаша, впивается глазами в блокнот и лихорадочно листает страницы.

— Кто п-подписывал п-последний ящик? — наконец вопрошает он, стремясь перекричать гул голосов. Не дождавшись вразумительного ответа, он отчаянно машет рукой, бросает блокнот и сам влезает в груды ящиков. — А вот он, не п-подписан! — раздается вскоре его торжествующий голос. — Артур!.. Артур!.. Вот он!

Но Артур уже давно исчез из подвала, так же внезапно, как и появился.

Все участники экспедиции приходили на работу к восьми утра, собирались у маленького флигеля, притулившегося во дворе к зданию института. От этого невзрачного одноэтажного флигеля ежегодно отправляются экспедиции в Арктику и Антарктику, отсюда делаются первые шаги к обоим полюсам Земли.

Ребята усаживались на большой деревянной скамейке, что возле дома напротив флигеля, курили, негромко переговаривались, обсуждая последние новости. Ровно в восемь из домика выходил Артур и, поглажая усы, не спеша подходил к скамейке. Здравовался, закуривал. Молча курил, потом решительно бросал окурки и начинал давать указания.

— Так... Сегодня Валя в Морпорт, получать продукты, — обращался он к Вале Дондукову, повару экспедиции. Валя — один из самых молодых участников экспедиции, ему всего 21 год. В Арктику и вообще в экспедицию он едет впервые. Ему все очень интересно. Слегка приоткрыв рот, он смотрит на Артура и согласно кивает головой.

— Аэрологи и радисты — на склад, забивать ящики, — продолжает Артур. Леонид плотнее заматывает шарф и ищет глазами своего помощника, второго радиста, Валерия Кривошеина, только что пришедшего в наш коллектив.

— Судаков готовит машину, мы с Горбуновым едем в магазин. Саруханян и Евсеев — стажироваться по астрономии и актинометрии. Воробьев — заниматься хозяйственными делами.

Анатолий Николаевич Воробьев, старший аэролог и парторг будущей станции, докуривал в стороне сигарету. Немногословный, всегда спокойный — еще одно ценнейшее приобретение нашего коллектива. Огромный опыт арктических экспедиций и зимовок, большая выдержка, мужество и скромность Анатолия Николаевича не раз выручали его в труднейших испытаниях в Арктике. Он, заместитель Артура по общим вопросам, занимался приемкой всего оборудования и довольствия станции. Все, начиная от маленьких сверл и кончая трактором, должно быть соответствующим образом оформлено и учтено.

На этом распределение на работу кончается. Все расходятся по своим местам.

Чилингаров:

И так изо дня в день — сентябрь, октябрь. Наконец вроде бы все упаковано, разложено и записано. В середине октября четыре самолета Ан-12, доверху набитые экспедиционным грузом, стартуют в Ленин-

Михаил Евсеев — метеоролог-актинометрист

Эдуард Саруханиян – океанолог

градском аэропорту и берут курс на перевалочную базу на пути к ледяному острову. Наш вылет назначен на 27 октября.

Последние дни самые напряженные, приходится срочно дodelывать то, что не успели или не смогли сделать раньше. В эти дни к экспедиции присоединились еще трое: океанолог Вадим Углев, метеоролог Виталий Прозоров и инженер-ледоисследователь Олег Смелков.

Накануне отлета по традиции мы собрались в просторном кабинете директора института, Героя Социалистического Труда, доктора географических наук, ныне академика, Алексея Федоровича Трешникова. Почти все экипажи СП начинали свой путь к полюсу из этих стен. Присели перед дальней дорогой.

— Ну как, жены всех отпускают? — спросил Алексей Федорович.
 — С радостью, — ответил кто-то, и мы рассмеялись.
 — А ведь я не шучу, — улыбнувшись, продолжал Трешников. — И у остающихся, и у отъезжающих должно быть легко на душе. Сообщайте родным о себе почаще, не заставляйте их волноваться и приходить в институт, чтобы узнать о вашей судьбе. И еще одно пожелание, — помолчав, добавил он. — О нас, полярниках, любят писать. Будут писать и о вас. Будут называть вас мужественными, отважными. Но я надеюсь, что головы у вас не закружатся и вы прежде всего будете скромными. Ну, а в остальном все, кажется, ясно. Народ вы молодой, здоровый, трудностей не боитесь. Так что все должно быть нормально... В добрый путь...

Рано утром 27 октября все члены экспедиции собрались в аэропорту. Настроение немного грустное — все мы покидаем родных на целый год. Объявлена посадка. Все... До свидания, Ленинград, до свидания, родные.

Евсеев:

Москва встретила нас ненастным серым утром. Под ногами хлопала вода и разбрасывался в стороны мокрый снег, первый снег осени 1969 года.

Идем по многолюдным московским улицам. В эти последние часы как-то особенно запомнились уличные шум и суета, кафе и гостиница «Юность», где продавались горячие сардельки и кофе. Вся эта привычная городская жизнь уходит от нас на долгое время.

Аэропорт Внуково. Родные и знакомые многих полярников приехали провожать нас в Москву. Запомнилась мать Эда — маленькая худенькая женщина, неотрывно смотревшая на сына.

Мерно гудят моторы Ил-18. Хорошенькая стюардесса разносит минеральную воду, шумит вентилятор над головой. А мысленно я еще дома. Вспоминается последний день перед отъездом, лица родных и знакомых.

Слева от меня через проход сидит Олег Смелков. Для него, высокого и здорового парня, путешествие в самолете истинное мучение: некуда деть ноги. Он сидит боком в кресле, перекинув ноги через поручень и выставив их в проход. На лице — мировая скорбь.

В соседнем кресле — Эд. Интересно, о чем он думает?

Эдуард Саруханян:

В самолете мной обычно овладевает состояние отрешенности от всех мирских забот. На несколько часов ты подвешен между небом и землей и должен либо спать, либо предаваться воспоминаниям. Но спать не хочется...

Итак, опять дорога. Помнишь, как под самую печальную музыку на свете — музыку прощальных гудков — начинались наши экспедиции? Суда гудели по-разному: высокие ноты брали дизель-электроходы, сипло, как простуженные старики, подавали голос морские буксиры и пронзительно свистели гидрографические суденышки. Торжественно печальная музыка.

Сегодня гудков не было. Не будет их и при высадке на дрейфующий лед — станция высаживается самолетами. Впервые в условиях полярной ночи. А пока, на прощанье, московский таксист уже в аэропорту спросил вдруг:

— Ты что, в самом деле на полюс? — И, получив утвердительный ответ, радостно воскликнул: — Ну, труба! Замерзнешь!

Очень оптимистическое начало. Посмотрим, что будет дальше.

А ведь, казалось, с Севером простился навсегда. После нескольких лет зимовки в Тикси забрался в самую глубинку — к Рыбинскому морю. Но и здесь нашло письмо Артура. Вспоминая прошлые годы дружной совместной работы в Тикси, Артур приглашал принять участие в дрейфе СП-19. Разбередил душу. И хотя нелегко было оставлять интересную работу, Галю с сыном, которому едва минуло полгода, — решился. И теперь лечу в Арктику.

Евсеев:

Через три часа — короткая остановка в Амдерме. Здание аэровокзала. Все мне знакомо здесь до мельчайших подробностей. В том же порядке, как и год, и два тому назад, стоят кресла, за буфетной стойкой — традиционный томатный сок, все на том же месте висит реклама — улыбающаяся девушка настойчиво советует вам летать самолетами Аэрофлота.

Снова в воздухе. Смотрю на часы и мысленно прикидываю расстояние, которое мы пролетели. Вот под нами должен быть Диксон... сейчас будет Хатанга.

— Товарищи пассажиры, самолет делает короткую остановку в Тикси, — сообщила в микрофон наша милая стюардесса. Стремительный спуск, короткая пробежка — и в люк врывается холодный арктический воздух. Темно. В свете прожекторов виднеются аэродромные сооружения и здание аэровокзала — точное подобие амдерминского. Вдали, на фоне звездного неба виднеются вершины сопки, окаймляющих бухту Тикси.

Заправившись горючим, наш самолет снова взлетает и берет курс на перевалочную базу. Начало светать. Из-за горизонта выкатился красный диск солнца и осветил бескрайние белые просторы арктической тундры. Прошел всего час — и под нами уже Индигирка, широкой извилистой лентой протянувшаяся по безлюдной равнине. У широкой излучины — маленькая группа домиков. Самолет разворачивается и идет на посадку. Едва останавливаются моторы — пассажиры нетерпеливо вскакивают со своих мест и устремляются к выходу.

Здесь стоит уже настоящая стужа — 30 градусов ниже нуля. С непривычки дух захватывает. Бежим все к зданию аэровокзала — небольшому одноэтажному приземистому строению. Маленький зал ожидания сплошь занят пассажирами, чемоданами, мешками.

Через маленькую дверь с задней стороны вокзала я вышел из душного помещения на воздух. Скрипел под ногами снег, искрились

на солнце мельчайшие ледяные кристаллы, образующиеся в воздухе при ясной и очень морозной погоде. По обе стороны широкой дороги низенькие одно- и двухэтажные деревянные домики.

Вот большое здание школы. На площадке перед входом играет группа ребятшек, якутов и русских. Раскрасневшиеся лица, расстегнутые пальто и шубы, громкий смех и крики.

Удивительна приспособляемость детей в условиях Крайнего Севера к жестоким морозам и метелям. На острове Диксон мне приходилось наблюдать, как шести-семилетние дети играют на улице и катаются с ледяных горок на санках при морозе ниже 30 градусов и скорости ветра 10–15 метров в секунду. И надо отметить, что дети здесь почти не болеют простудными заболеваниями.

На другой стороне улицы виднелось длинное одноэтажное здание пассажирской гостиницы. Здесь мы и разместились. Длинный гостиничный коридор мгновенно заполнился топотом ног, гулом голосов, стуком чемоданов.

— Внимание! — стараясь перекричать всех, обратился к ребятам Артур. — План на сегодня такой: пообедаем, отдохнем, а вечером соберемся в большой комнате, где нас проинформирует о состоянии дел Павел Афанасьевич Гордиенко.

Вечером располагаемся в маленькой комнатке, где с трудом умещается пять коек и небольшой деревянный стол. Кидаем в угол мешки и чемоданы и спешим вновь выйти на воздух из душного помещения.

На улице заметное оживление. Видимо, наступило время обеденного перерыва. Мимо быстро проходят мужчины, одетые в рабочие ватные куртки или шубы, на ногах унты, валенки, сапоги. Женщины стараются не отстать от моды. Многие из них, невзирая на холод, идут в модных шубках и сапожках, точно в таких же, в каких ходят женщины в Ленинграде, Москве...

От всех:

Вечером все собрались в большой комнате пассажирской гостиницы. Расселись на койках, на мешках. Вошел Павел Афанасьевич Гордиенко, или ПАГ.

ПАГ — опытный полярник, доктор географических наук, руководитель крупной высокоширотной экспедиции «Север-21», которая осуществляет в этом году научно-исследовательские работы на всем обширном пространстве Арктического бассейна. В ее задачи входит

также организация новой дрейфующей станции СП-19 и смена составов уже дрейфующих СП.

Приколов к стене кнопками большую карту с данными последней ледовой разведки в районе ледяного острова, ПАГ начал свое сообщение негромким, чуть хрипловатым голосом:

— По данным ледовой разведки, ледяной остров находится сейчас в районе с координатами $74^{\circ}30'$ с. ш. и 160° в. д. На остров высажена группа Константинова, которая подготавливает ВПП вот в этом месте, — с этими словами он развернул другую карту с планом ледяного острова. — ВПП решено сделать на речке, она здесь довольно широкая и прямая. Можно считать, что нам повезло, природа дала нам почти готовый аэродром.

— Вообще этот остров изобилует речками, — продолжает Павел Афанасьевич. — Вот, посмотрите, сколько речек пересекает остров: одна, вторая, третья, четвертая. В будущем, я думаю, вы сами сможете устроить ВПП на одной из них.

Первоочередной задачей для вас является доставка на лед трактора. Трактор уже на аэродроме, разобран и готов к отправке. До ноябрьских праздников запланировано четыре рейса Ли-2. Самолет может брать тонну груза, трактор весит около четырех тонн — как раз четыре рейса. Кроме трактора, обязательно надо доставить один домик. Весит он немного, и мы перевезем деревянные щиты вместе с трактором.

Хочу вас предупредить, что трактор нужно доставить обязательно до праздников, иначе сорвете весь план перевозок и застрянете здесь на неопределенное время.

— Сколько всего груза надо перевезти? — спросил Углев.

— Всего нами запланировано перевезти на вашу станцию свыше семидесяти тонн грузов. Сразу после праздников придут сменные летные экипажи, и самолеты Ил-14 будут летать на остров круглосуточно, делая по пять-шесть рейсов за сутки.

— Как долго мы будем сидеть здесь? — задал вопрос Валера.

— Завтра на остров для разведки вылетаем Артур и я, остальные полетят недели через две, когда будет переброшена основная часть грузов.

Чилингаров:

Первое ноября. 11.00 Москвы. Летим с ПАГом на ледяной остров. В кабине Ли-2 — командир Нижне-Колымского объединенного авиаотряда Владимир Александрович Седляревич и командир летного отряда Лев Афанасьевич Вепрев.

Груз — продовольствие, палатка КАПШ. Летим навстречу солнцу. Внизу бесконечные белые поля, трещины, будто штрихи на белом листе бумаги. Под ровный гул моторов я задремал...

Самолет сделал глубокий вираж. От толчка я проснулся — и сразу к иллюминатору. Солнца не было. В сумеречном свете я отчетливо увидел остров. Его нельзя было не увидеть. Он разительно отличался от окружающих льдов. Среди белой заснеженной пустыни выделялся громадный серый монолит почти правильной четырехугольной формы. Три его грани мне были хорошо видны, четвертая терялась вдали... Остров был огромен. По краям его тянулся вал торосов. Отчетливо виднелись русла рек.

Вот и конец маршрута Ленинград — Москва — СП-19. Я дома, ведь на долгие 365 дней ледяной остров станет для меня и моих товарищей домом.

Вспомнилось, как перед отъездом грузили домики в Ленинградском аэропорту. К окну одного из них прилип желтый листок клена. «Как марка на конверте», — подумал я.

— Интересно, каким он будет, наш дрейф? — спросил тогда кто-то из ребят. Никто не ответил, но все подумали о том же. Каким он будет, дрейф СП-19?

Внезапно возникшая перед самолетом красная ракета прервала мои мысли. Самолет резко выпрямился и пошел на посадку...

На краю ледяного острова у небольшой бухточки две палатки КАПШ. В них вторую неделю живет группа Юрия Константинова. В течение последних лет Юра руководил тремя дрейфующими станциями, а сейчас возглавляет группу, которой поручено подготовить полосу для приема самолетов Ил-14. Наш Ли-2 пока сел на лыжах прямо на лед бухты. Две недели назад таким же образом здесь была высажена группа Константинова. В нее входят участники экспедиции «Север-21» Иван Михайлович Шариков, Толя Николаев, Володя Гвоздков. Из нашего состава здесь Толя Быков.

Ребята встречают нас у самолета. После короткого совещания Гордиенко улетает, а я остаюсь здесь, на острове.

● *Дмитрий Юрьевич Пурим*
председатель правления ОАО «Совфрахт»

Магия Чилингарова

Общение с Артуром Николаевичем по делам Ассоциации Полярников, организации экспедиций дает бесценный практический опыт, который я стараюсь применять на практике. Работать с ним – это огромный труд и огромная ответственность, потому что этот человек ради достижения порой одному ему известной цели не терпит легкомысленного от-

ношения или непрофессионализма. Его личная ответственность – за успешную реализацию, за жизни всех членов экспедиций, за честь страны – не дает ему спать в прямом смысле слова за много месяцев до самой экспедиции. У него непримиримое отношение к тому, что может быть противопоставлено достижению очевидной для него цели. Это могут быть субъективные и объективные обстоятельства, или отношение к делу человека, который не выкладывается на 100%. Такая требовательность делает его похожим на Амундсена, при этом у Артура Николаевича есть свои факторы отработки рисков, которые, возможно, еще предстоит изучить науке.

Первый – человеческий фактор. Умение подбирать людей, проверенных и надежных – одно из главных качеств опытного руководителя успешных экспедиций.

Второй – технический фактор. Он привлекает специалистов высшего класса, при этом во многие технические тонкости с немалой степенью глубины погружается сам и право на окончательное решение оставляет за собой. Его лучшее слово одобрения: «Годится!» – звучит зачастую по аналогии с гагаринским «Поехали!». Известно, что его эрудиция в технической области распространяется от океанологии до дирижаблестроения.

Но я хотел бы остановиться на третьем факторе – умении влиять на «обстоятельства непреодолимой силы». Возможно, этот тезис вызовет улыбку, но только не у тех, кто был свидетелем или участником «особых критических ситуаций». Беспрецедентные экспедиции – такие, как перелеты в Антарктику на ИЛ-76 (1986–1992 гг.), сверхдальние перелеты на Ми-26 в Арктике (1999 г.) и Антарктике (2007 г.), спасение «Михаила Сомова» (1985 г.) – не могли состояться без его личных отношений с «небесной канцелярией». Иначе как чудесным не назовешь возвращение со дна океана экспедиции на «Мирах» в 2007-м. Так, из-за удара о поверхность льда аппарат остался без связи и видеосигнала, а затем чуть не вышел под работающие винты «Академика Федорова», были и другие сложности, которые нам с мостика не было видно. Наперекор всему триумфальное возвращение со дна Северного Ледовитого океана завершилось благополучно. Как происходит магическое воздействие Чилингарова на обстоятельства? Думаю, что этого он сам не знает точно и (или) не расскажет никогда. Но этот механизм работает, ведь каждая из упомянутых экспедиций зависела от миллиона непредвиденных критических обстоятельств. Любое из них могло стать решающим.

Мне достоверно известна ситуация, произошедшая во время сверхдальнего полета на одномоторном Ан-3Т (2002 г.), который проходил в нереально тяжелых погодных условиях, почти без видимости. После многочасового перелета через Южный океан и над Антарктикой опытный пилот запросил у Чилингарова разрешение на возвращение в связи с плохим прогнозом. Велика была вероятность того, что район посадки на Южном полюсе из-за отсутствия видимости обнаружен не будет и на возвращение запаса топлива уже не хватит. Чилингаров уверенно сказал, что видимость будет, и приказал продолжать полет по заданному курсу. Сам при этом снял звезду Героя, сжал в кулаке и руку положил в карман. «Чтобы легче было опознать», – как он объяснил позже. Потом обернулся на своего не менее отчаянного спутника – Фредерика Паулсена. Тот читал книгу по репродукции и материнству, связанную с профессиональной деятельностью. «И в этот момент я подумал, – уже через много лет признался Артур Николаевич, – какой он счастливый человек: не знает, что жить нам, возможно, осталось несколько часов...» Я уверен, что это был внутренний Чилингаровский юмор, а не мысль обреченного человека. Храбрый тот, кто не теряет самообладания в любой ситуации. На что положился Артур Николаевич – на свои способности или интуицию – неизвестно, но он принял такое решение... Умение договариваться не только с техникой и людьми, но и с тем, что я аккуратно

называю «обстоятельства непреодолимой силы», безусловно, дано Чилингарову. Самое удивительное, что через 30 минут видимость стала приемлемой для продолжения полета и совершения посадки на голову американцам. Это не пример безрассудства или авантюризма. Такие способности даются единицам, и его друзья иногда этим пользуются. Если «Локомотиву» предстоит сложный матч, ему лично звонит президент или первый вице-президент РЖД и просит, чтобы Артур Николаевич сходил с ним на футбол. А вот на **зимнюю Олимпиаду** он не попал. К счастью, на **летней в Сочи** присутствовал и болел за наших. Я говорю об этих фактах не без некоторой иронии, но я в магию Чилингарова верю.

**Раиса Яковлевна! Корректор пишет, что
здесь что-то напутали с олимпиадами (зимняя
и была в Сочи)!!!**

ВСПОМИНАЕТ

● **Фредерик Паулсен**
 президент компании «Ферринг», почетный консул РФ в Лозанне,
 Почетный полярник России

Впервые я встретил А. Н. Чилингарова на Северном полюсе, где он помогал организовать экспедицию. Трудно сказать, кто он больше – ученый в политике или политик в науке. На мой взгляд, это устроитель, организатор. Он осуществляет связь между наукой и политикой и обеспечивает возможность проектам становиться успешными. За годы дружбы и общения с ним для меня стали очевидны некоторые правила,

которым Чилингаров следует без изменений. Он никогда не останавливается, никогда не перестает путешествовать, никогда не перестает работать и никогда не перестает заниматься новыми проектами. Нестандартных и оригинальных решений в его жизни было немало, и он всегда достойно ведет себя в критических условиях. Например, мне вспоминается ситуация, в которой мы оказались, когда летели на Южный полюс в одномоторном самолете Ан-3. Такое было впервые, обстановка довольно сложная, и мы заблудились в облаках. Запомнилось, как Чилингаров, не теряя самообладания, смог всех успокоить и избежать паники.

Работать с любимым выдающимся руководителем бывает либо очень трудно, либо радостно и неожиданно. Я полагаю, что работа на Чилингарова всегда очень стимулирует людей, и любому, кто станет его подчиненным, не будет скучно. Если говорить о планах, о том, что мне было бы интересно сделать вместе с Чилингаровым, то в обозримом будущем мы задумали осуществить перелет с побережья Сибири через Северный полюс на дирижабле.

Могу добавить, что в моей жизни немного было нестандартных людей, сравнимых с ним. Единственный, с кем я встречался и кто напоминал бы Артура, – это Санта Клаус.

ВСПОМИНАЕТ

● *Михаил Николаевич Красноперов*

*руководитель полярных экспедиций,
представитель А. Н. Чилингарова в Европе*

Первый навсегда

1959 год. Помню как нас, 25 новобранцев-курсантов училища, поселяют в комнате, где наутро появляется энергичный усатый паренек Артур, который начинает всех будоражить и вокруг которого сразу все закипает и крутится. Вскоре все 25 человек подружились между собой, особенно – мы с ним, потом стали дружить и наши родители, а теперь дружат уже и наши дети.

С юности я вижу, как Артур всегда стремится быть первым. Как-то раз готовимся к спартакиаде, а у нас в училище был такой курсант Михайлов, чемпион Ленинграда по бегу на короткие дистанции. На спартакиаду от нас выставили Артура. Тот парень так вальяжно вышел, ну чемпион же, мол, чего мне тут с ними состязаться, а Артур вдруг раз, его и обогнал! Это был для того парня такой позор! На протяжении пяти лет, пока мы учились, он уговаривал Артура при каждой встрече еще раз посоревноваться, но Артур отказался и так и остался победителем.

Хоккей: Артур – южный человек, обмотается шарфом, наденет шапку, ноги еле стоят на коньках, но он – капитан команды. Это стремление к лидерству в нем сохранилось на всю жизнь, и, к счастью, быть лидером у него получается.

Красота – страшная сила

Однажды у нас в училище выступала известная в то время певица Тамара Тауба. Артур как-то пробился открывать и закрывать на сцене занавес, меня взял с собой подручным. Открывался занавес с помощью ручной лебедки и собачки в качестве фиксатора, и если ее отбросить, лебедка начинала раскручиваться, поэтому надо было все время за этим следить.

И вот стоим мы за сценой вдвоем (один держит – другой заменит, если устал). Выходит Тамара Тауба – красивая, яркая, известная, Артур как открыл на нее глаза, так и смотрит, не отрываясь, и в этот момент отпустил ручку, которую крутил, и забыл набросить собачку. В итоге ручка пошла назад! И вот этой металлической ручкой ему перебило нос! На всю жизнь подпортилась восточная красота. Кровь льется ручьем! Что делать? «Мишка, – говорит, – поехали в клинику скорей, пока кровь идет!» – «Почему?» – спрашиваю. – «А мы же застрахованы! Надо узнать, сколько за страховку заплатят!» Нас тогда страховали на пять рублей в месяц. Вот так молниеносно он принимал решения и, несмотря на беду, умел сразу же заглядывать вперед.

Сидим мы как-то раз в училище после увольнительной. Когда после увольнения кто-то опаздывал (например я), командир роты спрашивал: «Почему опоздал, курсант Красноперов?». Я начинал придумывать всякие истории, например: «Там у бабушки кран сломался, вода потекла, нужно было отремонтировать...» Обычно командир роты говорил: «Все понятно, три наряда вне очереди!», и я шел их отрабатывать. Если приходил Чилингаров и ему командир роты задавал такой же вопрос: «Курсант Чилингаров, вы почему опоздали?», он очень откровенно, с открытой улыбкой говорил: «Да я проспал...» – «Ну что ж, – вздыхал командир, – садитесь, курсант Чилингаров». Благодаря его очаровательной улыбке и обаянию ему все сходило с рук!

Забава молодости

Когда он был начальником дрейфующей станции СП-19, я в этот момент был начальником ледового морского патруля. Мы работали на чистой воде на научно-исследовательском судне «Азимут», обследовали положение кромки льда для судоходства и передавали данные, с учетом которых суда направлялись, огибая опасные участки. Лед двигался с севера на юг, а их ледяной остров подходил к этой кромке очень близко, и мы приняли такое мальчишеское решение – встретиться! Забава молодости. Это происходило в самом начале экспедиции, мы поговорили по рации, он был веселый, ледовая обстановка сложилась очень легкая, и я попросил: «Давай-ка Артур, подготовь нам баньку!» Там был механик – Толя Быков, с золотыми руками парень, сделал баню-сауну, которую все очень любили. И вот уже по этому пути на станцию СП-19 мной был направлен пароход. Конечно, это было бы нарушением трудовой дисциплины с моей стороны,

что там говорить, но это был такой мальчишеский авантюризм. Артур не мог править льдиной, а я, обойдя все инструкции, пошел навстречу. Но – в последний момент была дана команда сверху: «Прекратите заниматься забавами, возвращайтесь и занимайтесь своей работой!». Так нашу встречу пришлось отложить.

Таких людей, как Артур, я больше не знаю, это штучный товар. Но у нас есть наставник – всеми любимый Николай Александрович Корнилов, он примерно такого же характера, тоже штучный товар. Работать под Чилингаровым я бы не хотел, но вот полететь с ним на аэростате в точку Северного полюса в 2017-м – годовщину погружения «Миров» на дно Ледовитого океана – мне было бы интересно. В этом случае я готов выполнять любые поручения!

ВСПОМИНАЕТ

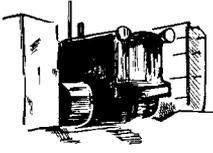
● *Александр Дмитриевич Жуков*
Первый заместитель Председателя Госдумы,
Президент Олимпийского комитета

Как и все граждане России, знаю Артура Николаевича Чилингарова давно. Познакомились мы в начале 90-х, вместе работали в Первой Государственной Думе.

Хорошо помню нашу первую совместную поездку на футбольный матч Госдумы с украинской Радой. Играли на центральном стадионе. Трибуны полны, в том числе пришло все тогдашнее руководство Украины. В конце матча, когда счет был 3:0 в нашу пользу, тренер меня заменил. Я пошел, сел на лавочку, а вместо меня на поле вышел Артур Николаевич. Ему дали мяч, и он сразу же прорвался по краю поля к воротам соперника и нанес удар страшной силы. Попал в штангу. И на весь стадион раздал громкий звон. Сзади меня сидели две молодые украинские девушки. И тут одна другой и говорит: «А если бы деда раньше выпустили, какой бы сейчас счет был?..»

Артур Николаевич очень любит спорт, и мы с ним очень много разных спортивных проектов реализовывали. Но эта история запомнилась мне на всю жизнь.

*...Пусть легла на лица нам
Арктики печать.
Сердцем нашей станции
Дизеля стучат...*

*Текст песни участника
дрейфа «СП» В. Пигузова.*

Глава 2

Есть СП-19!

Евсеев:

Красный диск солнца медленно закатывается за горизонт. На бледно-голубом, совершенно чистом небе зажигаются звезды. Поселок мягко охватывает ночная тень. Морозный воздух обжигает лицо. На воротнике шубы и на козырьке шапки серебрится пушистый иней. Под ногами протяжно скрипит снег.

Рядом с аэродромом стоит приземистый деревянный сарай с покосившейся дверью. Там часть нашего груза, очень небольшая часть. Основной груз, доставленный сюда из Ленинграда, лежит рядом под открытым небом. Хаотически разбросаны щиты от домиков, ящики, бочки... Все это надо разбирать, раскладывать, выбирать груз, необходимый в первую очередь...

На следующее утро принялись за работу. Леня, Эд, Валера и я пошли в сарай, искать и отбирать нужные грузы. Сарай забит ящиками снизу доверху. Немного свободного места осталось только у самого входа. Карбакаемся по ящикам под самый потолок и протискиваемся в глубь сарая. Тотчас раздается грохот стаскиваемых ящиков, скрип железа, смех, шутки.

— Химия! — кричит Валера сверху, высвобождая ящик из-под мотков кабеля. Это он нашел ящик Эда с гидрохимическими материалами.

— Где Р-1? Кто видел Р-1? Да где, скажите же, черт возьми, Р-1? — горячится и сердится Леня, пытаясь найти ящик с передатчиками. Он перекапывал добрый десяток тяжелых ящиков сверху вниз, его самого уже не видно, только доносится откуда-то из середины его голос.

— Ребята, никто не видел связку буров? Длинный такой сверток, в мешковине? — допытывается Михаил Иванович.

— Что это за ящики, откуда они взялись? — не выдержал Эд, оттаскивая в сторону третий, набитый чем-то тяжелым ящик. — Ох уж эти радисты, набрали тут бог знает что, теперь разбирайся за них! Вот буква «Р» написана, значит, их, — горячился Эд.

Из узкого промежутка между ящиками показалась голова Леонида Васильева. Он недоверчиво посмотрел на ящики и покачал головой:

— Не мои.

— Как не твои? — воскликнул Эд. — Чьи же тогда?

Работа прекращается. Все вылезает из своих углов и рассматривают неизвестные ящики.

— Да что на них смотреть, давайте вскроем! — предлагает Валерий. Леонид берет топор и вопросительно смотрит на меня и Эда.

— Вскрывать?

— Давай! — соглашаемся мы.

Несколько ударов топором — и крышка сбита. Все с нетерпением разрывают бумагу. Показываются детали какого-то прибора. С минуту все молчат, соображая, что бы это могло быть.

— Да ведь это же эхолот, — наконец воскликнул Леня. — Саруханян, твои ящики!

— Да я и не видел их раньше почему-то! Ей-богу, не видел, — смущенно говорит Эд под общий хохот.

— Еще раз!.. Еще раз!.. Еще взяли! — разносится над аэродромом громкий голос Волдаева.

Маленький Ли-2 содрогается и скрипит под усилиями десятка людей, пытающихся протащить через узенький люк широкую, весом около тонны, ходовую часть трактора. Тяжелая махина прочно застряла в люке — передняя ее часть более чем наполовину вошла в самолет, а задняя, оказавшаяся несколько шире, чем отверстие люка, опирается на кузов грузовика. Усталые, вспотевшие люди пятый час заталкивают это громоздкое и неуклюжее сооружение в самолет. Восемь человек, находясь в самолете, тянут за крепкие канаты. Четыре человека изо всех сил подталкивают эту махину сзади, из машины.

— А ну, еще взяли!.. Раз-два, взяли... — снова, в который раз командует Володя. Дрожат от напряжения канаты, руки и плечи ребят. От разгоряченных тел идет пар. Всем жарко, несмотря на тридцатиградусный мороз. Проклятое железо не поддается ни на миллиметр.

— Володя, ну что ты так без толку командуешь? — раздраженно начал Эд. — Надо ведь за одну сторону тянуть сильнее, а вторую только поддерживать. Иначе ничего не получится, хоть до утра тут возись!

Володя бросает канат и обиженно смотрит на Эда:

— Ну и командуй сам, если ты такой умный! — недовольно говорит он.

Эд берет канат и кричит:

— Левая сторона — подготовиться тащить! Правая — поддерживает снизу! Раз-два, взяли!.. Еще взяли!

Самолет сильно накренился в сторону, что-то затрещало, но тяжелая машина словно приросла к месту. На этот раз заспорили все сразу, каждый обвинял другого в неумении и нерасторопности. Наконец, накричавшись, устроили перекур. Страсти улеглись. Молчание...

Паузу нарушил Миша Судаков:

— Мужики, надо не так, — спокойно и негромко начал он. — Всем надо сначала набок его... а потом поднажать сзади...

— Да пробовали уже, Миша, не получается! — устало сказал кто-то.

— Надо еще раз попробовать!

Все молча заняли свои места.

— Сюда еще кто-нибудь, — попросил Миша, — вот так. Тяни кверху за эту часть, — говорит он Горбунову. — Сарухания, командуй, больно уж у тебя голос зычный!

Все рассмеялись.

— Раз-два, взяли! — командует Эд. Стальная машина вздрогнула. — Еще взяли!.. — изо всех сил закричал Эд. Неповоротливое сооружение медленно, со скрипом влезло наконец в самолет...

Вечером я сидел в теплой и уютной комнате Александра Ивановича Паршина. Впервые я встретил его на острове Диксон в 1962 году, где под его непосредственным руководством делал свои первые шаги в оперативной прогностической работе. Александр Иванович — страстный любитель-охотник и рыбовод. Все свободное время он отдает реке и тундре. В награду за труд Арктики отдает ему свои богатства: жирных, необыкновенно сочных гусей, омуля, чира, нельму.

Александр Иванович сидел на широкой тахте, положив на стол крепкие мускулистые руки, и расспрашивал меня о Москве, Ленинграде, моей работе и планах на будущее. Он давно не выезжал на Большую Землю, отпуск проводил на реке, в тундре.

— У меня там выстроена настоящая дача, — добродушно улыбаясь, говорит он. — Даже душ сделан. Летом, когда у нас в тундре бывает жара, придешь с рыбалки потный, мокрый, разденешься и поливаешь себя

прохладной водой из душа. Вот только комарья много. Без накомарника далеко не уйдешь. Приехал бы ты ко мне летом, вот бы порыбачили!

Вошла Анна Никитична, супруга Александра Ивановича, и поставила на стол тарелку со строганиной.

— Давай, Миша, отведай моей строганинки, — сказал он.

Здесь, в Арктике, под строганиной понимают мелкую стружку из свежемороженой рыбы, приправленной особым образом приготовленным соусом, состоящим из перца, томатного соуса и чеснока. Строганина у Александра Ивановича просто изумительная. Операция ее приготовления доведена до искусства. Рядом с тарелкой Анна Никитична поставила чашку с соусом. Я взял тонкий замороженный ломтик рыбы, окунул его в чашку и положил в рот. Холодный ломтик с соусом сразу растаял во рту, оставив нежнейший аромат. Никто не умеет так делать строганину, как Александр Иванович. Обычно строганина хоть немного, но пахнет сырой рыбой, часто попадаются кости и хрящи, соус бывает то слишком острый, то, наоборот, лишен своего специфического аромата. У Александра Ивановича, видимо, есть секрет приготовления... А впрочем, секрет ли? Наверное, просто большой опыт рыбака и страстное увлечение любимым делом.

Поздно вечером возвратился я в гостиницу.

— Что слышно от Артура? Как он там? — спросил я Эда.

— Ничего пока нет, ждем телеграмму...

От всех:

«...Первая ночь на льдине, — записывал в это время в свой дневник первые впечатления Артур. — Первые неполадки. Вышел из строя приемник, промучились всю ночь и решили, что сгорела лампа. Но запасных пока нет. Говорят, приехал начальник — и все стало ломаться.

...3/XI-1969 г. С утра ждали самолет. Уже отчаялись. Пошли с Константиновым смотреть место для лагеря, прошли два с половиной километра вместо физзарядки. Вдруг шум — летит Ли-2. Побежали обратно. Привезли основную часть трактора. Стало легче, видимо, план выполним. Молодец, Лев Афанасьевич!»

В столовой все жадно выспрашивали Артура о первых впечатлениях об острове.

— Нормально, хорошо устроились, — улыбаясь говорил Артур и тут же, посерьезнев, добавил: — Ребята, к седьмому ноября надо открывать

станцию. Завтра полетит «стартовая пятерка»: Прозоров, Углев, Васильев, Сериков и я. Наша задача там собрать трактор, домик, смонтировать как следует радиостанцию и начать четырехразовые метеорологические наблюдения. Работы очень много. Нам помогут Константинов со своей группой.

Утром на аэродроме провожаем товарищей. Настроение у всех бодрое, приподнятое — близка цель, к которой все стремились с осени. Ребята по металлическому трапу взбираются в самолет, звучат напутственные слова. Взревев моторами, Ли-2 взлетел с заснеженного аэродрома и взял курс на север...

«...Сегодня должен быть собран трактор, — записал в дневнике Артур 6 ноября. — Это движение и жизнь станции. Группой 8 человек цепочкой с волокушами двинулись на ВПП. Тащим детали к трактору. На полосе разделились: Быков, Жарков, Николаев — на трактор, остальные — на сборку первого домика. Прошу Михаила Ивановича все запоминать, так как потом хочу его сделать старшим по сборке. Собрали домик, затопили печку. Почувствовали себя как дома. Сборка трактора задержалась. Решили идти с Юрой Константиновым пешком, посмотреть место для лагеря. Нашли в полчасе ходьбы на одной из последних речек. На берегу хорошая площадка для лагеря. Вбили колышек и дали ракету. Пошли обратно встречать трактор. Идти по целине тяжело, раза три садились — берега речки крутые, и мы по пояс зарываемся в снег».

Чилингаров:

7/XI-69 г. В ноль часов по московскому времени дали в эфир первую метеосводку. Станция СП-19 открыта! Первые координаты — 75°04' с. ш., 160°02' в. д. 04 час. 40 мин.— митинг у флага. Открываю я. Потом Константинов тепло поздравляет нас.

05 час. 00 мин. — подъем флага, салют из всех ракетниц.

Евсеев:

Утро 8 ноября. Самолеты не летают, поэтому отдыхаем. Погода великолепная. На совершенно чистом небе низко над горизонтом висит желтый диск солнца. Полный штиль. Воздух необыкновенно прозрачен и чист. Мороз почти не ощущается. Стоит один из тех дней, которые представляют Арктику во всей первозданной красоте.

После завтрака все идем на Индигирку. За последними домиками начинается крутой спуск к реке. И сразу же нас охватила полнейшая тишина. Спит подо льдом Индигирка, блестят на солнце белые вершины невысоких сопок. Будто злой волшебник вдруг заколдовал и заморозил эти места, и все вокруг застыло в напряженном и безмолвном ожидании, не в силах скинуть с себя злые чары.

Тишина — одно из удивительнейших свойств природы этих суровых мест. С ней вы сталкиваетесь почти в любом месте Арктики, как только выйдете в хорошую погоду за пределы поселка. Я вспомнил свое первое знакомство с этим удивительным явлением.

Стоял разгар арктического лета. Самолет ледовой разведки приземлился на одном из островов Северной Земли. Пообедав и немного отдохнув после непрерывного двенадцатичасового полета над Карским морем, я вышел из домика. На безоблачном небе ослепительно сверкало солнце. И так же был полный штиль. Перешагнув через весело журчащий ручеек, я зашагал по заболоченной кочковатой низине, на которой то тут, то там виднелись кучки мхов с микроскопическими синими цветочками, такими маленькими, что для того, чтобы рассмотреть их, надо было встать на колени и почти в упор разглядывать сероватые клочки. Преодолев низину, я вскарабкался на довольно крутой каменистый гребень, обрывавшийся с другой стороны прямо к морю, прошел по нему несколько шагов и... остановился, внезапно пораженный тишиной. Тишина была необыкновенная, поразительная, оглушающая. Не было слышно ни единого звука, словно я очутился в каком-то ином мире. Ослепительное солнце, голубое небо, сияющая бледно-зеленая поверхность льда создавали обилие света. От нагретой темной поверхности каменистого гребня вверх струился теплый воздух, отчего далеко на горизонте сверкающие белые шапки далеких островов медленно колыхались, отрываясь от горизонта, и казались фантастическим видением неведомого мира.

Меня охватило чувство какого-то необычного восторга и радости. Я один в этом необыкновенном крае, где существует только свет, где все подвластно ему: и это небо, и эти скалы, и этот лед. Я один вошел в этот мир, открыл его, понял и вместе со всем покорился величию света, подчиняясь общему закону безграничной тишины. Открывшийся мир был прекрасен и суров. И то, что я открыл его, могу его ощущать, могу слушать его тишину, рождало во мне удивительное чувство свободы, легкости и счастья... Долго стоял я на одном месте и, затаив дыхание, наслаждался этим чудным ощущением,

боясь потревожить этот мир хотя бы одним движением. Наконец, переполненный необычайными ощущениями, я медленно пошел дальше по гребню, осторожно переступая с камня на камень, боясь нарушить тишину...

Чилингаров:

8.XI-69 г. Дежурный по острову — Вадим Углев. Рабочий день. Дал немного поспать ребятам. Потом Гвоздков и Сериков остались шить чехол на капот трактора. Мы взяли гладилку и поехали на полосу. Проехали очень хорошо, прошлись по полосе. Будем катать. Поставили кабину. Обратно неслись, как на «волге». Константинов, Николаев и Жарков остались ночевать в домике на ВПП.

9.XI-69 г. Катаем полосу. Вылетел Ан-2 с группой руководителя полетов (РП). Зажгли площадки, но самолет сел на льду бухты. Иду пешком домой, видимость паршивая, иду и все время оборачиваюсь, нет ли медведя. РП отправили на полосу.

10.XI-69 г. Прилетел Ли-2 из Черского. Пошел на ВПП с Володей (из «Смены»), потащили волокушу с продуктами. На борту Вепрев и группа РП. Ребята веселые. Володя неплохо построгал рыбку.

12.XI-69 г. Работы по приемке грузов вошли в ритм. По 8 бортов днем и ночью.

От всех:

Двенадцать часов работы, двенадцать часов отдыха. Две бригады работают круглосуточно. Самолеты Ил-14 делают по 6—8 рейсов в сутки. Восемь человек в каждой бригаде обязаны загрузить и отпавить все самолеты, приходящиеся на их смену.

Мелькают ящики, щиты от домов, бочки... До чего же тяжелые все эти ящики! Хоть бы один полегче попался, что ли. Наконец очередная машина нагружена полностью. Теперь можно вытереть пот с лица и передохнуть минут пять, пока машина едет со склада на летное поле к самолету. Вот над нами уже крыло самолета. Четверо лезут в самолет, четверо остаются в машине. Снова те же ящики, только теперь их надо выгружать и укладывать в самолете в строгом порядке: самые тяжелые — в нос, полегче — на середину и в хвост. Пар от дыхания заволакивает весь самолет. На иллюминаторах и металлических частях оседает рыхлый иней. Температура воздуха

сегодня опустилась до минус 36 градусов. Втащили последний ящик, обвязали груз канатами. Теперь можно пойти погреться в аэровокзал. Через полчаса прилетит еще Ил-14...

Евсеев:

Тринадцатое ноября. Сегодня я вылетаю с очередным рейсом Ил-14 на ледяной остров. Два мешка с вещами и чемодан погружены на самолет еще с вечера. Последнее утро на базе. Кроваво-красная заря охватила полнеба. Солнце еще за горизонтом, оно взойдет позднее, но я его не увижу: на широте ледяного острова уже полярная ночь.

Последние минуты на твердой земле, покрытой снегом, вымороженной свирепыми морозами, но все-таки земле. А впереди только лед и вода, вода и лед.

В зале аэровокзала необычно пусто. Стучусь в окошечко и спрашиваю у дежурного диспетчера о готовности самолета к вылету.

— Все в порядке, — отвечает диспетчер. — Экипаж уже пошел в самолет. Только вас ждут.

По длинному коридору быстро выхожу на летное поле и спешу к самолету. Кто-то из экипажа машет мне рукой: «Скорее!». Бегом преодолел последние двадцать метров, по металлическому трапу влез в самолет. Протиснувшись между ящиками, пролезаю в переднюю часть и устраиваюсь поудобнее на одном из ящиков. В иллюминатор вижу, как от самолета отъезжает бензозаправщик. Запущены моторы. Тяжело нагруженный Ил-14, нехотя отрываясь от земли, берет курс на ледяной остров.

Корнелий Колчунов, командир Ли-2:

Для летчиков полеты в высокоширотной экспедиции — это экзамен на зрелость. И в то же время — школа, хорошая жизненная школа. Полеты на дрейфующий лед — тяжелы и ответственны. Но одновременно они приносят прекрасное чувство радости борьбы и победы над Белым Безмолвием.

...Пять человек, объединив свою волю, силы свои и умение в один узел, который называется экипажем, выполняют сложный полет в ночи. Стрекочет секстантом штурман Анатолий Александров. Второй пилот Олег Охонский помогает штурману определиться. Бортмеханик Герман Полетаев принес для пробы кусок тушеной оленины. Скоро будет готов ужин: строганина, оленина, крепкий чай. Правда, это где-то около

80 градусов северной широты на высоте 2000 метров. Конечно, не ресторан на Останкинской башне, но интерьер подходящий: Северный полюс, океан, полярная ночь, северное сияние.

Каждый занят своим делом. Но больше всех сейчас забот у бортради-ста Петра Степанова. Великолепный специалист, зимовавший в Антарктиде и на дрейфующих станциях. Человек, в полной мере познавший нравы Арктики. Сквозь неумолкающий треск помех ловит он тонкую ниточку морзянки с СП. Как у них с погодой? Погода — королева Арктики. Очень капризная королева и коварная. Нужно быть всегда готовым к любому сюрпризу.

Проходят три часа полета. Подходим к станции. Где-то в океане на льдине несколько домиков и короткая, очень короткая посадочная полоска, очищенная руками зимовщиков от передувов и торосов.

— До точки пять минут, — докладывает Анатолий.

— Алексеич, проси ракету!

— Ракета пошла, — через секунду докладывает радист.

Мы до боли в глазах ищем ее, эту ракету. В черноте ночи равнодушно мерцают звезды. Горизонта нет, и кажется, что звезды и над тобой, и впереди, и внизу.

— Еще ракету!

— Пошла.

Как хочется ее увидеть. Она должна быть вот здесь. А может быть, это она? Нет.

— Как с погодой?

— Они передают, что ясно, но только на небольшой высоте — пленка тумана; однако звезды просматриваются.

— Еще ракету.

— Пошла.

Черт. Сколько же времени могут тянуться эти пять минут?

Смотрю на часы: прошло всего две минуты...

— Командир, справа впереди, десять градусов, по-моему, она, — неуверенно говорит бортмеханик.

Четыре пары глаз буравят темноту. Жарко что-то в кабине, душно.

— Вот она! — кричит штурман.

— Точно, она.

— И я вижу!

— Теперь порядок.

Увидели. Нашли. Быстро читаем контрольную карту: проверить, включить, выключить...

И теперь уже видны огоньки домиков станции.

— Заходим на посадку.

Проходим над полосой. Включен секундомер. Курс. Высота. Скорость.

— Где же эта проклятая пленка?

Команда штурмана:

— Разворот. Курс. Высота. Скорость.

— На посадочном. Полоса не видна.

— Курс. Высота. Скорость.

— Выпустить шасси!

— Есть.

— Закрылки.

— Есть.

— Фары.

Два тупорылых луча медленно выползают из крыльев и упираются в белесую пленку. Мгновенно в кабине делается светло — экран.

— Выключить фары.

Секунды прессуются в мгновения.

— Курс. Скорость. Высота.

Высота.

Высота.

— Когда же кончишься ты, пленка?

Ни земли, ни неба.

Высота.

Высота.

Земля близко. Земли нет.

— Приготовиться к уходу на второй круг.

«Может, еще пониже?» — мелькает мысль.

Нельзя.

— Уходим на второй.

Ревут моторы. Штурвал на себя. Вверх.

— Полоса под нами. Хорошо просматривается, — докладывает штурман.

Киваю головой: «Вижу. Где же ты была секунду назад?»

Жарко. По спине струйками бежит пот.

— Будем заходить другим курсом.

Включен секундомер. Разворот.

Все сначала.

Курс. Высота. Скорость.

Вошли в пленку тумана.

Высота. Высота.

— Полоса по курсу.

— Вижу. Фары.

— Есть.

— Закрылки.

— Есть.

Сразу за кромкой торосов колеса мягко коснулись полосы. Через сотни и тысячи километров полетела радиограмма в Москву, в Черский:

«Борт такой-то! Посадка на СП».

Евсеев:

Моторы остановлены. Люк открыт, и я с волнением впервые ступил на дрейфующий лед. Здесь, на северной окраине Восточно-Сибирского моря, было на 10° теплее, чем на материке. И это естественно; зимой в Центральном Арктическом бассейне теплее, чем на расположенной южнее суше: в Сибири или на Канадском арктическом архипелаге. Это объясняется большой теплоотдачей моря в атмосферу, а также частым притоком теплого воздуха в Арктику из Атлантического и Тихого океанов.

Рядом с ВПП уже стояли три собранных домика. Поодаль собирались еще два. В одном домике разместились группа руководителя полетов, состоящая из четырех человек, в другом помещались все остальные. В третьем домике находился камбуз, и из него доносился запах жареного мяса.

Неумолчно тарахтел движок. У каждого домика горела электрическая лампочка. Рядом с домиками громоздились горы грузов: ящики, доски, мешки.

Подъехал на тракторе с волокушей Толя Быков. Поздоровались, и я с уважением посмотрел на его обветренное лицо, успевшее уже зарости густой черной бородой; как-никак по сравнению с нами он здесь старожил — живет и работает более двух недель. Подходят Углев, Прозоров и еще несколько человек из состава экспедиции «Север-21». Я спешно жму всем руки и хватаюсь за ящики — волокушу надо скорее разгрузить. Снимаю с волокуши ящики, ставлю их в снег. Вокруг ничего не видно: ослепляет яркий свет прожектора с трактора. Закончив разгрузку, пошел на камбуз. Там при свете можно рассмотреть товарищей и прийти

в себя от необычных впечатлений. Повар И. М. Шариков, опытнейший полярник, участник многих экспедиций на дрейфующий лед, предлагает мне горячие сосиски и лангет.

В домике площадью около десяти квадратных метров помещается газовая плита с баллоном, рабочий стол повара и три обеденных столика со стульями. На стенах развешаны ракетницы, карабины, ножи, ватники и шапки.

Входит Артур. В кожаной куртке, подпоясанной широким ремнем, с пистолетом на бедре. Расспрашивает меня об оставшихся на базе ребятах. Коротко знакомит с проделанной работой и дает задание. С 7 ноября станция считается официально открытой, а поэтому наряду с погрузочно-разгрузочными работами и работами по сборке домиков надо еще выполнять метеорологические наблюдения.

Саруханян:

Последний самолет садился на ледяной остров глубокой ночью. Впрочем, понятие «глубокая ночь» было уже относительно. Всего два часа робко алел на востоке горизонт. Это и был полярный день. Серые сумерки затем быстро переходили в черноту ночи.

Сели мягко, без толчков. В раскрытую грузовую дверь Ил-14 я увидел собравшихся у самолета ребят. Здесь была, наверное, вся станция, ведь мы с Борисом «приледнились» последними. Для ребят понятие дня и ночи тоже, очевидно, смешалось — работали почти круглосуточно.

В темноте, рассекаемой лишь лучами фонариков, лиц не разобрать. На этот раз от разгрузки нас великодушно освобождают. Мной завладевает Вадим Углев, мой непосредственный напарник по работе, за ним — Виктор Рачков, прибывший помочь наладить гидрохимические исследования. Они ведут меня в домик.

— Пойдите, ребята, — придерживаю я их, — дайте хоть попробовать остров на прочность!

И с силой ударяю ногой по насту.

— Не волнуйся, надежен, как земля.

Действительно, никакого ощущения, что ты на поверхности океана. Тридцатиметровый слой льда под ногами незыблем.

— Такой не сломаешь! — говорит Виктор, которому довелось пережить один из самых драматических разломов — разлом на СП-14. Тема прочности ледяного острова обсуждается не впервые. Помнится, еще в Ленинграде бывалые полярники говорили мне:

— Ты на ледяной остров? Ну, это жизнь! Ложись на боковую и дрейфуй. Его не ломает.

Главный инженер института, к которому мы пришли на инструктаж по технике безопасности, начал так:

— Что самое страшное на дрейфующих станциях? Разломы и пожары. Но вас ломать не будет, поэтому поговорим о пожарах.

Словом, за свой фундамент мы могли не беспокоиться. Хотя была и обратная сторона медали — в тридцатиметровой толще льда лунку для океанологических работ не сделаешь. Придется, вероятно, выходить на припай, морской лед двухметровой толщины, козырьком отходящий от острова.

— Вадим, припай смотрели?

— Да, не волнуйся, — успокаивает Вадим, которому ясен ход моих мыслей. — Смотрели, бурили. Толщина метра два. Завтра сходим вместе.

Подошли к кают-компаниии. Молодцы, парни! Они уже успели собрать с десятков домиков, и главное — из двух соорудить кают-компанию. Она пока не благоустроена, наполовину занята ящиками с овощными консервами, мешками с картошкой — все это нужно сохранить в тепле, — но уже поставлены столики, и мы ужинаем в довольно комфортабельных условиях.

Заглядывает Артур:

— Эд, остановишься в домике гидрологов. Окончательно решим потом. Отдыхай.

В домике гидрологов жарко натоплена угольная печь. Тепло здесь берегут. Это я понял по тому, с каким пылом накиннулись Вадим и Виктор на Володю Сафронова, который зашел за молотком и забыл закрыть дверь.

Обстановка походная — четыре раскладушки, гора рюкзаков и теплой одежды и рукомойник. Это понятно, ведь и сам лагерь здесь временно. Через пару дней мы будем перебираться поближе к краю острова, поближе к припаю, чтобы была возможность работать нам, гидрологам.

— Ну, будешь отдыхать или возьмем звездочки? — спрашивает Вадим.

Вопрос дельный. Под впечатлением первых минут знакомства с островом я как-то забыл, что станция уже две недели ведет регулярные наблюдения. Каждые сутки Вадим определяет координаты ледяного острова по звездам. До моего приезда ему помогали Юра Константинов или Виктор. Пришла пора включаться и мне.

Сажусь у хронометра, надеваю наушники, а Вадим, накинув ватник, выходит к теодолиту на тридцатиградусный мороз. Через минуту слышу его голос в наушниках:

— Сейчас поставлю уровень и начнем. Поехали. С Денеба...

Денеб, Вега, Алиот — наши путеводные звезды. Наведя трубу теодолита на одну из них, Вадим командует:

— Приготовились... ноль! — и я беру отсчет времени по хронометру. Зная высоты светил и точное время, легко рассчитать место льдины в океане. А это важно для всех работ дрейфующей станции.

Вадим входит весь заиндевелый.

— Ну как?

— Пока без павильона ветерок поддает, слезу выжимает. С павильоном будет нормально.

— Звезды хорошо видны?

— Светят, как лампочки. Да ты выйди, попробуй взять хоть одну.

Рискнем. Прошел же я стажировку в институте. Но, выскочив на мороз из жарко натопленного помещения, я вмиг забываю, чему научился: где какие винты, как брать отсчеты.

— Ну и колотун!

— Что? — в наушниках голос Вадима.

— Погоди, Вадим, дай вспомнить. — Постепенно что-то соображаю. Наспех отнаблюдав звезду, бегу в домик.

— Для первого раза сойдет, — говорит Вадим, — потом потренируешься.

Вадим в Арктике, как дома. Окончив в 1950 году Ленинградское арктическое училище, он пришел работать в Арктический институт. Плавал в ледовом карауле, дрейфовал на четырех СП. Заочно окончил Гидрометинститут. И тут не изменил Арктике — защитил диплом по теме «Дрейф льдов в Арктическом бассейне».

Когда встал вопрос о выборе второго гидролога, лучшего специалиста, чем Углев, желать было трудно.

Наутро, если можно назвать утром полную темноту, двинулись вдвоем за четыре километра к краю ледяного острова. Нас сопровождает собачий коллектив. Клички собак мне уже известны. Впереди солидно, чуть прихрамывая, трусит пес Варнак. Варнак давно уже завоевал лавры почетного полярника, наша дрейфующая станция по счету восьмая, на которой ему приходилось зимовать. Этот пес никогда не видел травы, не знает запаха земли. Полярник, что называется, до мозга костей. Рядом с ним — комок черной свалыв-

шейся шерсти, именуемый Мухой. Более неряшливой собаки мне не приходилось видеть. Но и более неутомимой. Вадим, которому Муха знакома по дрейфу на СП-17, рассказывает, что она часами может носиться по льдине без отдыха и так же часами просиживать у черной полосы разводья, карауля нерпу.

А вокруг нас резвятся три щенка: Генка, Жанка и Жох. Они родились месяца три назад на СП-18. Станция тогда дрейфовала вблизи островов Генриетты, Жаннетты и Жохова, отсюда и их клички.

Дорога до бухты укатана трактором, шагается легко, и вскоре мы уже у края острова. Здесь остров плавно переходит в припай. Метров через пятьсот припай оканчивается, и там тянется цепь торосов. За ними морские дрейфующие льды с разводьями и трещинами. Только теперь, глядя на них, начинаешь ощущать, что ты в океане.

До рассвета еще далеко. Освещаем местность парой ракет и выбираем место для бурения. Лед, подходящий для устройства гидрологической лунки. Удобно и то, что бухточка прикрыта от торосов небольшим обломком острова, так называемым «щенком». Припай здесь должен держаться.

Пока мы бурим лед, я беспокоюсь оглядываюсь. Еще до отъезда сюда слышался немало историй о медведях. И теперь жду, что они вот-вот появятся. Вадим спокоен. После некоторых колебаний все же спрашиваю:

— Как ты считаешь, медведь может появиться?

— Конечно.

— А что же ты не смотришь?

— Ты не замечаешь. Время от времени я поглядываю. Да и Варнак лежит спокойно, а ему я доверяю. И смотреть нужно не вообще кругом, а в сторону, куда дует ветер. Медведь обычно приходит с наветренной стороны.

Успокоил. Закончив работу, собираем бур, вьюшку, которой измеряли глубину, и движемся к острову. Варнак поднимается и трусит за нами.

— Как место? — встречает нас Артур.

— Годится. Будем делать лунку в бухте.

— Отлично. Тогда завтра подготовка к переезду, а послезавтра — в новый лагерь.

К переезду готовятся все. Эта жизнь с пересадками уже порядком надоела. Хочется наладить быт и приступить к нормальной работе.

От всех:

Если вы когда-нибудь бывали в холмистой, заснеженной степи, то легко представите себе поверхность нашего ледяного острова. Она вся рассечена неширокими параллельными «реками», по которым весной талые воды сбегают в океан. И хотя сейчас долины речек занесены снегом, отчетливо ощущаешь, как домик вслед за трактором ныряет с бугра, пересекает долину, а затем выползает на очередной «водораздел». В полной темноте тебя мотает от стенки к стенке, домик скрипит и раскачивается, как корпус корабля, попавшего в шторм. Иногда от толчка распаивается дверь, и тогда видно, как, раздвигая фарами темень, наш тракторишко, урча, влезает на следующий бугор. Переезжаем весь день. К вечеру на месте колышков, вбитых Артуром, беспорядочно стояли домики. Пробросили временную проводку, и окошки затеплились желтым светом. Стало веселее.

Отметить новоселье собрались в кают-компании. В этот вечер наша каюта напоминает корчму у дороги. Жарко натоплена печь, над самой головой еще жарче светит трехсотваттная лампа, которую кто-то окрестил «солнце Армении». В печном и табачном дыму расплываются раскрасневшиеся лица, с глухим звоном сдвигаются стопки. Первый тост за «новую деревню», потом за 75-ю параллель, которую мы только что пересекли. Традиция СП — отмечать каждый градус широты, пройденный по пути к полюсу. Спирт при этом разводят «по широте». Но льдина — не атомоход, поэтому это событие довольно редкое. Голоса все громче. Пока еще заводили в этом клубе рассказчиков — бывалые полярники. Они начинают обычно со слов: «А у нас...»

— А у нас на пятнадцатой, — говорит Володя Гвоздков, — домики так не поставишь. Друг от друга подальше. Льдина потрескивала. Здесь вы можете спать, как боги: тридцать метров. А там лежишь и прислушиваешься. Услышишь противное шипение — значит, где-то прошла трещина. Выскакивай и смотри.

— Ну, а на четырнадцатой мы вообще над трещиной жили, — вспоминает Рачков. — Помню, вертолетчики прилетели нас на Жохова перебрасывать. Пришли в наш домик. Один вышел и тут же обратно: «Ребята, под домиком трещина!» — «Знаем, уже месяц». — «Ну нет, — говорят, — здесь нам не климат. Будем базироваться на Жохова».

В углу, где сидит Толя Быков, взрывы хохота. Толя неистощимый рассказчик. Истории, которые с ним приключались, из рода

фантастических. Рассказывает он со вкусом, пересыпая речь забористыми словечками, с усмешкой поглядывая из-под очков на слушателей. И почти во всех рассказах вместе с ним фигурирует его «красавица», как любовно называет он свою «Волгу». Потом, в благодарность, мы изберем его Президентом клуба рассказчиков, и он до конца дрейфа будет с честью оправдывать наше высокое доверие.

Наутро над лагерем раздавался зычный голос начальника:

— Тяни к себе! Натягивай! — Артур, как председатель колхоза, носился от домика к домику, вместе с доктором размечая места для их расстановки. Все делалось с помощью веревки и кольшков. На размеченные места Толя трактором перевозил домики. Постепенно выстраивалась улица. По одну сторону встали дизельная, домик механиков и кают-компания. По другую — домик доктора и повара, домик начальника и домик гидрологов. В конце улицы, поперек нее, расположились домики радистов и метеорологов, перед ними радиомачты и мачта с государственным флагом СССР. И чуть в стороне, в полусотне метров от лагеря (по инструкции), — хозяйство аэрологов.

Выглядело все это очень неплохо, но Артуру хотелось еще поставить у входа в лагерь две глыбищи голубого льда. Тогда, по его мнению, архитектурный облик нашего городка был бы полностью завершен.

За домиками там и сям разбросаны склады с горючим газом, продовольствием, хозяйственным оборудованием. Хотя разлом острова не угрожает, но, как говорится, береженого бог бережет. Поэтому, как и полагается на дрейфующем льду, склады рассредоточены.

Теперь нас охватила строительная лихорадка. Человеку свойственно создавать себе хотя бы минимум комфорта. Полярники смотрят на это серьезнее — жить на льду предстоит не день, не два, а год, и нужно устроиться так, чтобы мелочи быта не омрачали жизнь.

И тут мы поняли, что дрейфующая станция — это не только научные наблюдения или, на худой конец, погрузка и выгрузка. Это еще и большое строительство. Нужно строить павильоны для наблюдений, склады для продовольствия, тамбуры у домиков, чтобы в дверь не задувал морозный ветер. Нужно строить нары, для того чтобы спать, столы, чтобы работать, и, наконец, умывальники и туалеты. Нужно сделать электропроводку и установить соляровую печь, обтянув трубу. И делать все это нужно самим.

Саруханян:

На горизонте разлилось голубое сияние. Это льды отражают холодный свет луны. А вдаль, в километре от нас, теплом светят огни станции. Здесь, на припае, мы вчетвером: Вадим, Михаил Иванович, Олег и я. Собираем палатки для гидрологических и ледоисследовательских работ. От прикосновения к обжигающим на морозе дюралевым трубам пальцы немеют. Вадим советует отогревать их на шее.

В перекурах рассказываем друг другу о поездках на юг: от этого нам вроде становится теплее.

Закончив с палатками, принялись за лунку. Вырубили три отверстия, заложили заряды — и Вадим рванул. В воздух поднялся десятиметровый столб воды и ледяного крошева — и рухнул вниз. Подошли к лунке. Ее разнесло метра на четыре. Едко пахнет порохом. Как большие белые рыбины, плавают в громадной проруби льдины. Вылавливаем их сачками одну за другой.

В азарте ухватив внушительных размеров обломок, я волоку его к краю. Но кусок не по зубам, на лед не поднять.

— Подожди! — бросается на помощь Олежка. Но льдина не поддается. Тогда, бросив сачок, я падаю перед ней на колени и хватаю прямо в воде. Пыхтя, выволакиваем. Вадим не дремлет:

— Рукавицы можешь выбросить. После соленой воды греть не будут.

Опять промах.

Но что за прелесть открылась перед нами. Голубовато-зеленая фосфоресцирующая вода — и в ней масса живого. Опустив в воду трехсотваттную лампу, мы увидели бесчисленное множество рыбешек, медуз, рачков. Они проносятся перед нами в сильной струе, похожие на разноцветные елочные игрушки. В последние дни скорость дрейфа увеличилась, и сейчас остров движется подобно могучему ледоколу, оставляя за собой кильватерную струю. Картины меняются, как кинокадры, и можно часами рассматривать этот неутомимый мир.

— Ну ладно, пора двигать, — говорит Вадим. — Теперь пусть покроется ледком, потом сделаем колодец, поставим палатку.

У станции всю светят прожектора. Идет сборка аэрологического павильона — последнего строящегося сооружения. Аэрологи спешат, с 1 января решено начать наблюдения по полной программе.

От всех:

Первое января совсем близко. Заканчивается второй месяц дрейфа — одна шестая срока, который нам отведен. Уже была первая метель, первый день рождения и первое профсоюзное собрание. И вот теперь приближается первый Новый год на дрейфующей льдине. Его наступления мы ждем с особенным нетерпением — накануне к нам должен прибыть самолет с елкой, с подарками, а главное, с письмами. Хотя мы уже обжили эту «новую землю» и не чувствуем себя новоселами, но мыслями все еще там, на материке, с родными и близкими. Поэтому все мы очень ждем писем, и 28 декабря станция с утра в возбуждении — к вечеру будет самолет.

Сразу после завтрака на взлетную полосу уходит группа гидрологов. Дорогу освещают фары трактора, который движется следом. Всю неделю мела пурга, и местность вокруг приобрела новые очертания: долины речек занесло еще больше, у бугров образовались длинные шлейфы сугробов.

Замело и дорогу. Ее удалось отыскать лишь по бочкам, выставленным на обочине. Два дня подряд Миша Судаков ездил по ней на аэродром и, по десять-двенадцать часов не вылезая из трактора, укатывал полосы, срезая заструги и уминая снег «гладилкой». Сейчас полоса укатана довольно плотно, но снега по краям достаточно. Электростарт — цепь посадочных огней — занесен полностью. Начинаем его откапывать. Полное безветрие. Темное небо расцвечено сполохами полярного сияния. Столбы света, красного, оранжевого, фиолетового, исходят из одной точки, образуя купол. Он зыбок, непостоянен, цвета и оттенки переливаются — и эта подвижность еще более подчеркивается застывшим в покое ландшафтом ледяного острова.

— Больше всего я люблю на Севере вот такие ночи, — говорит Володя Волдаев.

У этого парня, аэролога, тонкая душа. Он уже много лет занимается балетом в народном театре, играет на аккордеоне, поет. Для станции — просто находка. Правда, эта находка иногда преподносила сюрпризы. В период завоза вместо хорошей рыбы приобрел по собственной инициативе 200 килограммов ряпушки, за что схлопотал выговор. Но, как говорится, кто не без греха. Сейчас он всю шурует лопатой, очищая от снега кабель электростарта. На пригорке механики возятся с «абешкой» — небольшим бензиновым движком. Через несколько минут движок заработал — и полосу осветили голубые и красные огни.

К прилету самолета на полосе была почти вся станция, за исключением дежурного и вахтенных.

Собравшись кругом, мы озабоченно вертели головами: каждому хотелось первым увидеть огни самолета.

— Летит! — закричал Володя. На юго-востоке небосклона будто зажглись три новых звезды. Они медленно перемещались по небу, приближаясь к земле. Через пару минут послышался гул моторов, и над головами пронесся «Ил». Тут же раздался залп — и в небо полетели ракеты.

— Вы что, очумели?! — закричал Воробьев. — Если палите, так хоть вдоль линии, а не по самолету!

Самолет уже садился. Не ожидая, пока остановятся моторы, мы бросились к трапу. Впереди неслись собаки.

— Спокойно, спокойно, не все сразу, — уговаривал бортмеханик, — самолет раздавите...

— Почта есть?

— Есть! Все есть. И посылки, и елки-палки...

— Весь груз на волокушу! — командует Артур. — Разбираться будем в лагере.

Выгрузка закончена. Прощаемся с парнями. Улетают в Ленинград Витя Рачков, Володя Гвоздков и Толя Николаев. Свою задачу они выполнили отлично — в сложный период организации и строительства станции оказали нам неоценимую помощь. Расставаться с ними грустно.

Последние дружеские объятия, последние слова: зайди, позвони, расскажи. Через пару дней они будут уже в Питере, увидят наших родных, передадут живые приветы.

Самолет уже на старте. Взлет — и прощальный круг над головами. Снова ракеты, но уже вдоль полосы. Следующий самолет будет скоро. Только весной. А до этого времени нас остается здесь семнадцать человек.

Волокуша загружена до предела. А наверху воцарилась зеленая пушистая ладожская елка. В этом краю снега и льда ее живая зелень кажется противоестественной. Облепив волокушу со всех сторон, ухватившись за ящики, за веревки, мы двинулись в лагерь.

Два дня станция жила в возбужденно-радостном состоянии. В домиках и кают-компаниях все разговоры только о новостях, полученных с материка. Кроме писем и посылок от родных и друзей, пришла большая посылка от комсомольцев Арктического института.

Пакет с многочисленными посланиями, стихами, рисунками при-
слали ребята из 336-й ленинградской школы — члены клуба имени
Г. Я. Седова. Среди них нас особенно растрогало одно, посвященное нам:

*Пустыня белая без края,
Живет в соседстве дед Мороз,
Стоят на страже неизменно,
Мороза не боясь угроз:
Васильев, Быков, Чилингаров,
Сафронов, Ремез, Судаков,
Евсеев, Сериков, Волдаев,
Сарухания и Дондуков.
И Воробьев, и Кривошеин,
И Углев, Прозоров, Смелков,
А на защите их здоровья
Стоит Геннадий Горбунов.
Пусть ваша льдина будет прочной,
Пусть дрейф спокойно ваш идет,
Пусть дед Мороз к вам будет добрым
И всем вам счастье принесет!*

Отвечать на такое послание можно было только стихами, и через
некоторое время рация СП-19 передавала в эфир:

*Вы себе и представить не можете,
И, наверно, понять до конца,
Сколько чуткости нежной заложено
В ваших милых ребячьих сердцах!
К нам сюда на земную окраину
Вы доставили столько тепла,
Что во льду появились проталины,
Наша льдина чуть-чуть протекла.
Мы спокойны за вас, дорогие,
Верим, вырастет славная рать,
Ведь у вас педагоги такие,
Что работают только на «пяť».
Мы вас ждем, прилетайте весною.
Наша льдина — надежный ваш дом,
А путевка на Северный полюс*

*Добывается только трудом!
Сколько слов еще нужно сказать вам,
Да боимся — не выдержит рация.
Обнимают вас старшие братья,
Комсомольцы СП-19...*

.....

СРОЧНО ЛЕНИНГРАД КРУТСКИХ ПОЛНОСТЬЮ
ЗАВЕРШИЛИ СТРОИТЕЛЬСТВО ЛАГЕРЯ НАУЧНЫХ
ПАВИЛЬОНОВ ТЧК ПРИПАЕ ОБОРУДОВАНА ГИ-
ДРОЛОГИЧЕСКАЯ ЛУНКА ВЫПОЛНЕНА СТАНЦИЯ
ТЧК ПРОБУРИЛИ ШАХТУ 8 МЕТРОВ ДЛЯ НАБЛЮ-
ДЕНИЙ ТЕМПЕРАТУРОЙ ЛЕДЯНОГО ПОКРОВА
ТЧК ПЕРВОГО ЯНВАРЯ ПУСТИМ ПЕРВЫЙ РАДИО-
ЗОНД ТЧК ВСЕ ОТЛИЧНО НОВЫЙ ГОД ВСТРЕЧА-
ЕМ БОДРОМ ЖИЗНЕРАДОСТНОМ НАСТРОЕНИИ
ТЧК ДАЕМ ПЕРВЫЙ ПОЛЯРНЫЙ КВН ТЧК ГЛУБО-
КО БЛАГОДАРНЫ НОВОГОДНИЙ РЕЙС ЕЛКУ ПО-
СЫЛКИ ТЧК С НАСТУПАЮЩИМ ПУСТЬ ОН БУДЕТ
СЧАСТЛИВЫМ ДЛЯ ВСЕХ ЧИЛИНГАРОВ

.....

● **Владислав Иванович Горенко**
*руководитель отдела открытого акционерного общества
 «Совфрахт»*

Актер, танцор и жизнелюб

В конце 70-х Артур Чилингаров собирался поехать на международный конгресс метеорологов на Филиппины и пришел в наше представительство советско-филиппинской компании «Филсов» по агентированию советских судов. Тогда Чилингаров был одним из руководителей Госкомгидромета СССР, но так как сам он по сути своей – моряк, всегда старался иметь дело с моряками, потому что в этой среде он всегда легче находил общий язык, точки соприкосновения и личных, и деловых интересов по организации экспедиций. В те годы я был управляющим представительства наших компаний в юго-восточной Азии, так мы и познакомились. Его поездка и участие в конгрессе прошли хорошо, мы подружились, а вскоре выяснилось, что у нас сыновья и жены примерно одного возраста, и мы стали дружить семьями, дружим и по сей день. С тех пор мне довелось узнать его именно с этой стороны жизни: видеть его трепетное отношение к семье, огромное расположение к друзьям и веселый, заводной характер. Часто мы отдыхали вместе, выезжали на дачу, где у него собиралась интереснейшая и многонациональная компания. Среди нас были и грузины, и армяне, и татары, и украинцы, и никогда ни для кого не было никаких ограничений, была тесная дружба, а он всегда был лидером, которого мы поддерживали.

Мне запомнилось, как в один из Первомайских праздников мы с Артуром вместе с сыновьями стояли на трибуне Красной площади. Шла демонстрация, мы приветствовали колонны трудящихся, ученых и физкультурников. А после демонстрации приехали на дачу, где уже собрались наши семьи. Заходим во двор, а они все приветствуют нас, как на Первомайском параде: встали в пирамиду, будто физкультурники в советские времена. Девушки, как положено, в спортивных шортиках и маечках, а пирамида

у них – трехэтажная! Вот такое организовали приветствие. Мы были поражены, что наши девушки устроили нам парад физкультурников – дома! И с тех пор было еще много интересных вечеров, на которых и Артур, и члены его семьи проявляли свою фантазию, творчество, даже театральные способности. Однажды в доме появился подаренный кем-то узбекский халат, и бывало, что все становились участниками импровизированного представления – Артур надевал халат и превращался в падишаха, а вокруг него создавалась свита. Особенно хорошо девушки изображали его служанок и наложниц падишаха, танцевали и веселились. Очевидно, что у Артура есть незаурядные театральные способности и яркий артистизм. Я навсегда запомнил, как он очень здорово станцевал лезгинку на свое 70-летие! Это было торжественное празднование юбилея, в большом красивом зале собралось несколько сотен друзей. Его ярко и много поздравляли, а один из гостей даже привез в подарок белого медведя. Человек пятнадцать занесли огромного живого белого медведя в клетку прямо в зал! Артур сразу подарок этот передарил в городской зоопарк. Среди гостей были и городские руководители, поэтому все состоялось там же, так что медведь вскоре попал в приемлемые для себя условия, Артур и об этом позаботился. И вот в какой-то момент музыканты заиграли знаменитую восточную мелодию. Музыка нарастала, и тогда Артур вышел и просто прекрасно станцевал лезгинку. Настолько прекрасно, что мы все поразились! Движения – плавные, четкие, в такт музыке, с присущим ему артистизмом и необыкновенным обаянием. Мы увидели, что его характер, его эмоции выражаются и в движениях, и в действиях, и в поступках. Все еще раз убедились, что никакой возраст на него не действует – он все такой же радостный и жизнелюбивый!

● *Павел Валентинович Селезнев*
Почетный полярник, помощник А. Н. Чилингарова

Порт Артур

Недавно у нас прошел слух, что вместо многочисленных разрозненных комиссий при различных структурах будет создано министерство по делам Арктики, а министром станет А. Н. Чилингаров. Слух пока не подтвердился, но то, что он был бы хорошим министром, ни у кого сомнений не вызвало.

Очевидно, как за последние годы поднялся престиж Арктики, как повернулись лицом к этой теме в правительстве страны. Уже второй год мы с гордостью отмечаем День полярника. Этот официально признанный праздник, утвержденный Указом Президента России, безусловно, можно считать заслугой А. Н. Чилингарова. Сколько было предварительных разговоров, согласований, утверждений, и в конце концов решение принято. Дело в том, что День полярника уже много лет стихийно отмечается на Севере и в Арктике, только периоды разные – где-то празднуют в июне, а где-то в сентябре. Официальный праздник с 2013 года отмечается 21 мая. В 1937 году это был день высадки четверки Ивана Папанина на льдину и начало работы первой дрейфующей научно-исследовательской станции «Северный полюс», которая позднее была названа «Северный полюс-1».

Помню, как в 1991 году, когда была самая длинная полярная ночь и мы работали в Антарктиде, в стране пришел к власти ГКЧП. Чилингаров прилетел за нами на самолете на станцию «Молодежная», это была первая и единственная посадка в полярную ночь в Антарктиде в августе. Прямо оттуда он тогда послал сообщение в столицу, что полярники осуждают действия ГКЧП. Когда прилетели в Кейптаун, Артур пытался найти какую-то информацию и проанализировать, правильно ли он все понял и сделал. Мы его стали поддерживать и сказали, что сделал он все правильно. А поскольку у нас тогда в распоряжении экспедиции было три судна, два вертолета, самолет Ил-76, мы решили: «Артур, ты не переживай, если что –

мы организуем компанию «Артур и сыновья», а порт Кейптаун переименуем в Порт Артур!

В отличие от многих, я на Север не приезжал, а родился там, там мой дом. Специальность с Чилингаровым у нас была одна – океанологи, и мы вместе работали в штабе морских операций Центрального сектора Арктики в поселке Тикси, летали на ледовые разведки и осуществляли проводку морских и речных судов по трассе СПМ. Четыре десятилетия совместной работы с ним были разными – трудными, с постоянными спорами и поисками лучшего решения, но всегда – необыкновенно интересными.

СПМ???

Севморпути????

ВСПОМИНАЕТ

● *Юрий Сычев,*
директор Государственного океанографического института
им. Н. Н. Зубова

«...Но закал все тот же»

Любая экспедиция в Арктику – всегда опасна и неожиданна. Надо быть немножко... параноиком, все время готовым к неприятным случайностям. И именно потому, что ты все время к чему-то готов, – ничего и не случается, Чилингаров нас этому научил.

На мой взгляд, самый сложный и непредсказуемый проект – это погружение в 2007 году в точке географического Северного полюса на глубоководных аппаратах «Мир». И дело здесь не только в научных результатах (а проект выполнялся в рамках научной программы Международного полярного года). Это погружение неожиданно возымело огромный политический резонанс и стало одним из главных спусковых крючков, изменивших отношение мирового сообщества к Арктике. В частности, приобрел совершенно колоссальный вес Арктический совет. Было много возмущенных возгласов, и прежде всего от Канады: вот, мол, русские захватили Северный полюс! На что Чилингаров резонно заметил: «Американцы поставили флаг на Луне – это же не значит, что они захватили Луну? Если кто-то хочет – места на Северном полюсе полно, поставьте рядом!» Пока никто не поставил.

Чилингаров, как человек старой закалки, часто повторяет заключительную строку поэмы Альфреда Теннисона «Улисс». Эти слова написаны на кресте, поставленном на холме Обсервер в Антарктиде в память выдающегося британского полярного исследователя Роберта Скотта. Трагическая ирония – Скотт проиграл в Антарктической гонке 1911–1912 годов, придя к Южному полюсу на месяц позже великого норвежца Руала Амундсена, и погиб на обратном пути, не дойдя одиннадцати миль до базового лагеря.

Строка из «Уллиса» стала девизом книги Вениамина Каверина «Два капитана», на которой вырос и Чилингаров, и не одно поколение после-

военных мальчишек. Я думаю, последняя строфа поэмы как нельзя лучше подходит нашему Командиру:

*Мы – это мы; пусть время и судьба
Нас подточили, но закал все тот же,
И тот же в сердце мужественный пыл –
Бороться и искать, найти и не сдаваться!*

*(...that which we are, we are;
One equal temper of heroic hearts,
Made weak by time and fate, but strong in will
To strive, to seek, to find, and not to yield.)*

Всякий раз, когда мы бываем с ним на Северном полюсе (а мы делаем это практически каждый год), я вижу, как он оживает, как чувствует себя в своей среде. Это всех бодрит, как будто происходит некое качественное изменение. Одновременно восторг и мурашки по коже. Ведь на два метра под ногами лед, а дальше – 4 км глубины! Это всегда ощущается по-особенному, и лед звенит и так потрескивает...

● **Анатолий Кириллович Орлов**
*капитан дальнего плавания,
 генеральный директор судоходной компании ОАО «Интеркод»*

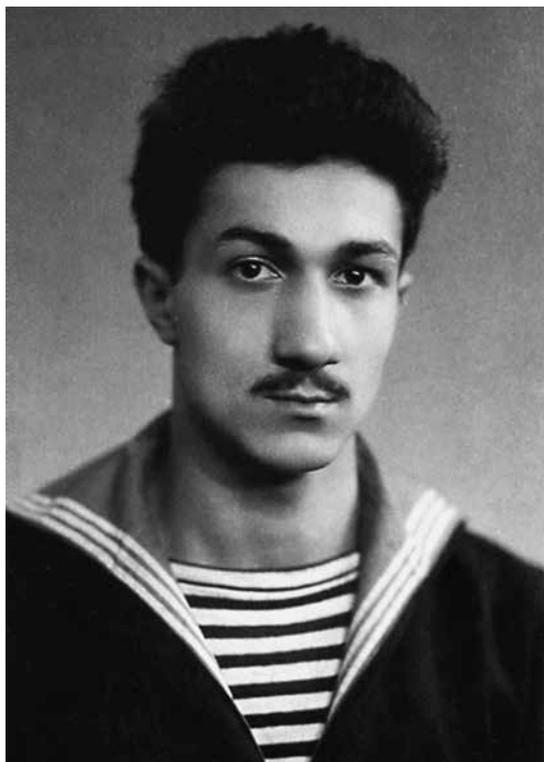

Успеть в нужный момент

Если в какой-то стране я заговорю о Чилингарове – обязательно найдется человек, который скажет: «О! Я знаю его, это мой друг!». Такое впечатление он оставляет о себе у множества людей, которым когда-то помог, в проекте или судьбе которых принял участие.

Однажды, когда мы высаживались из вертолета на Северном полюсе, я неожиданно попал под мощную струю ветра, усиленную потоком воздуха от вертолетных лопастей. Не знаю, чем могло это закончиться, если бы Артур Чилингаров вовремя не успел схватить меня и с силой оттащить в сторону. Меня всегда удивляло, как у него хватает внимания и силы везде успевать в самый нужный момент. Это можно сказать не только о небольших эпизодах, подобных этому. Если посмотреть на историю и последствия погружения «Миров» в точке Северного полюса – эффективность и результаты организованной им экспедиции просто поражают. Ведь Канада предъявила свои права на Северный полюс еще в конце 50-х годов прошлого века. Тогда Международный суд отказал Оттаве, но постановил, что эта территория может отойти к Канаде, если в течение 100 лет никто не докажет, что дно Северного Ледовитого океана принадлежит ему. И вот – благодаря инициативе и организаторскому таланту Артура совершенно это уникальное погружение, на дне Ледовитого океана установлен флаг, взяты пробы грунта, работа по освоению Арктики продолжена. Когда мы встречали участников этой экспедиции, Чилингаров выпрыгнул из самолета с флагом России в руках и всем, кто встречал их, как героев-папанинцев, еще раз твердо сказал, что Север будет российским, что он отдал этому свою жизнь и на этом не остановится.

На днях президент наградил его орденом «ЗА ЗАСЛУГИ ПЕРЕД ОТЕЧЕСТВОМ» IV СТЕПЕНИ, и в своей приветственной речи Артур Николаевич произнес почти те же слова. Он по-прежнему верен себе, своему делу, своему призванию и своей стране.

*Курсант-выпускник
Артур Чилингаров*

*Открытие фестиваля молодежи Якутии. Делегация Булунского района
во главе с первым секретарем РК ВЛКСМ А. Чилингаровым*

Танец с саблями

Артур Чилингаров, Андрей Вознесенский, Юрий Сенкевич в пос. Чешский перед вылетом на Северный полюс. 1979

На полярной станции о. Жохова

Швартовка к льдине во время высокоширотной экспедиции атомохода «Сибирь» к Северному полюсу. 1987

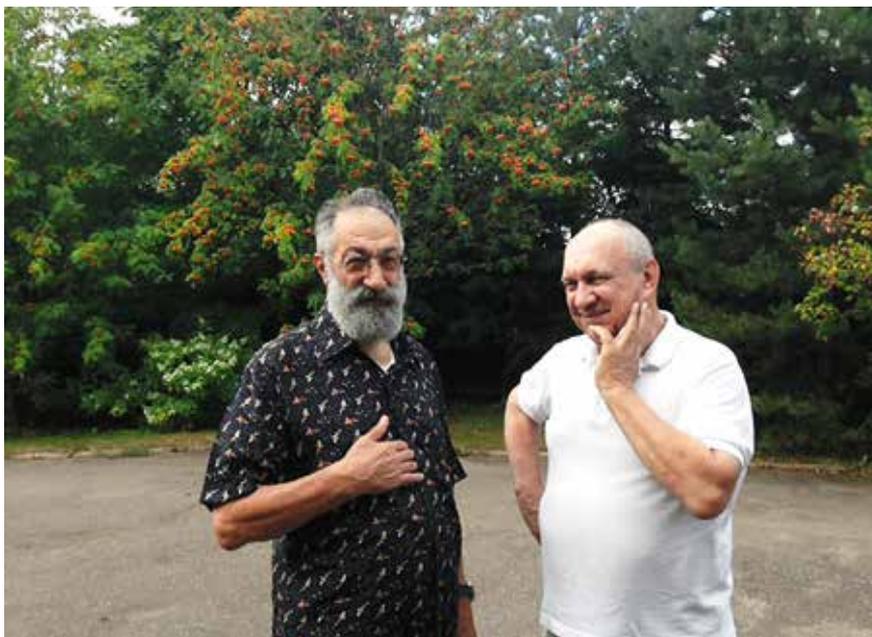
Перелет в зимнюю Антарктику

Артур Николаевич Чилингаров и Дмитрий Юрьевич Пурич

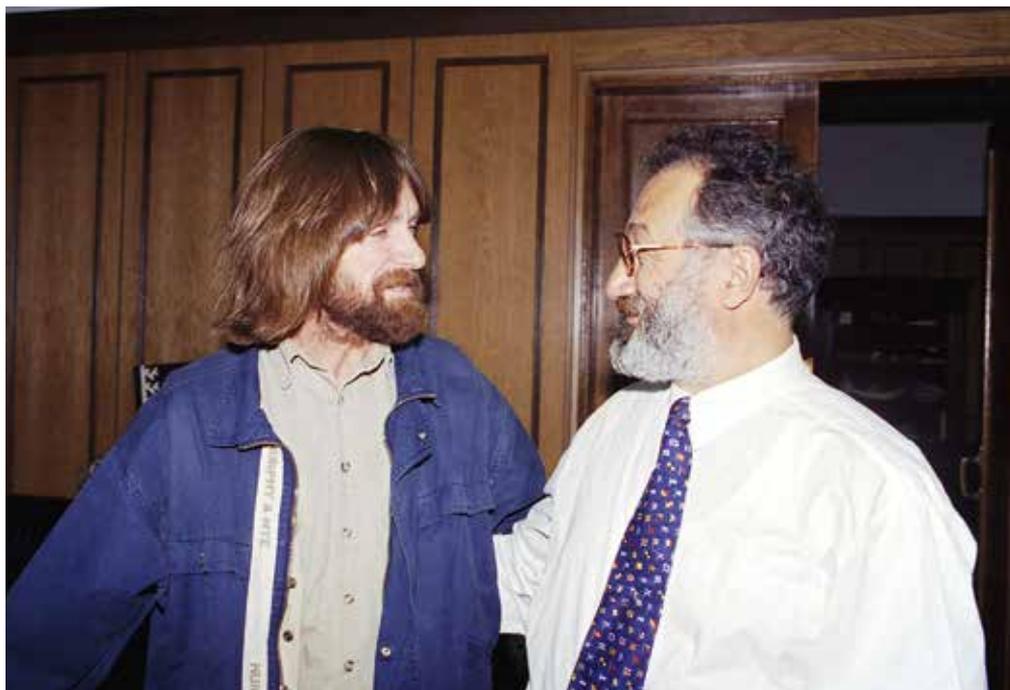
Дмитрий Юрьевич Пурим, Артур Николаевич Чилингаров и Н. К. Сетиа

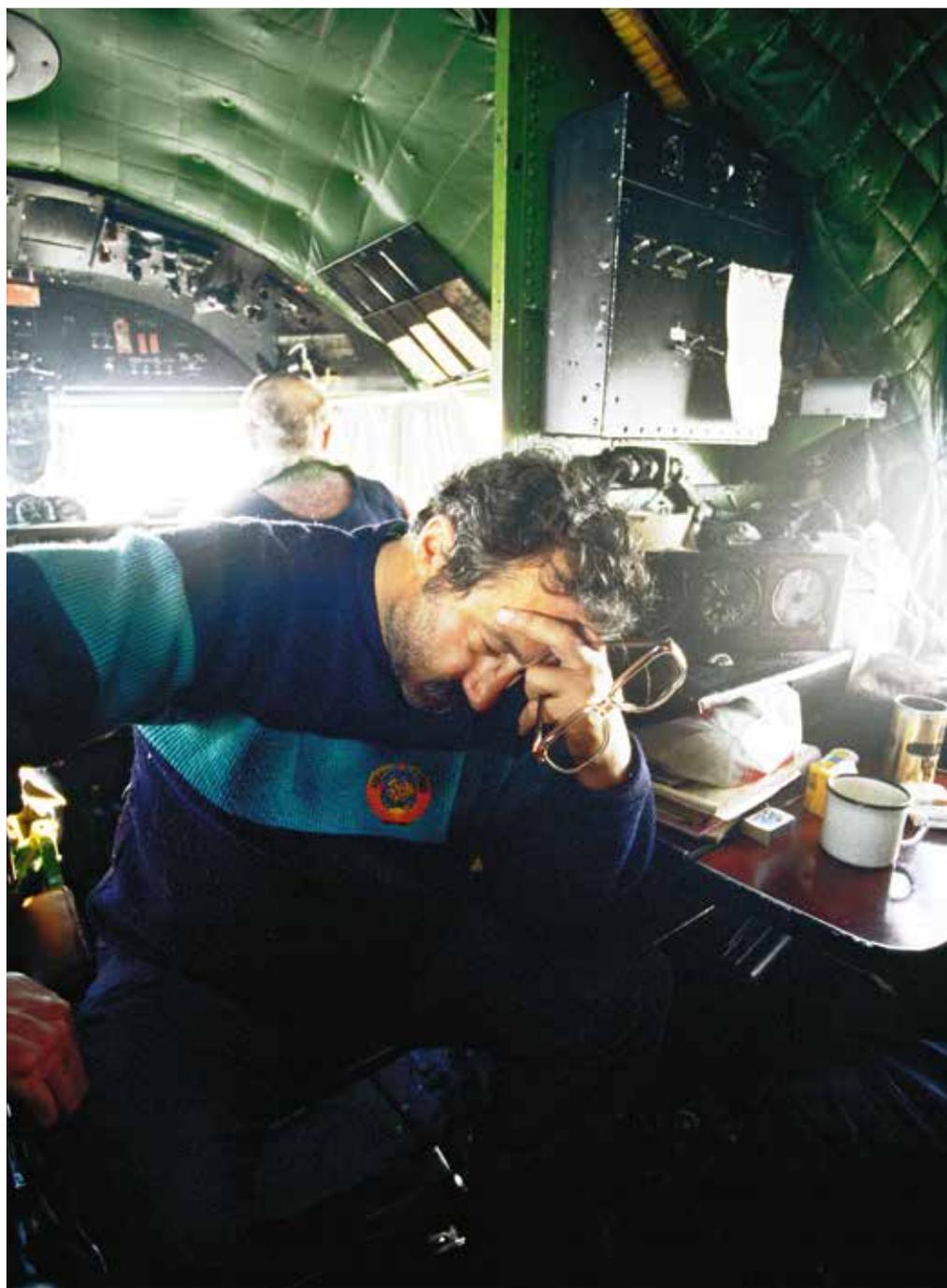
Артур Николаевич Чилингаров и Владислав Иванович Горенко

Артур Чилингаров и Юрий Сенкевич

Артур Чилингаров и Федор Конюхов

Устал

Минуты сна в вертолете. Полярник Артур Чилингаров. 1988

Красота высоких широт

Артур Чилингаров на Северном полюсе. 1979

Атомоход «Сибирь»

Атомоход «Сибирь» на Северном полюсе. 1987

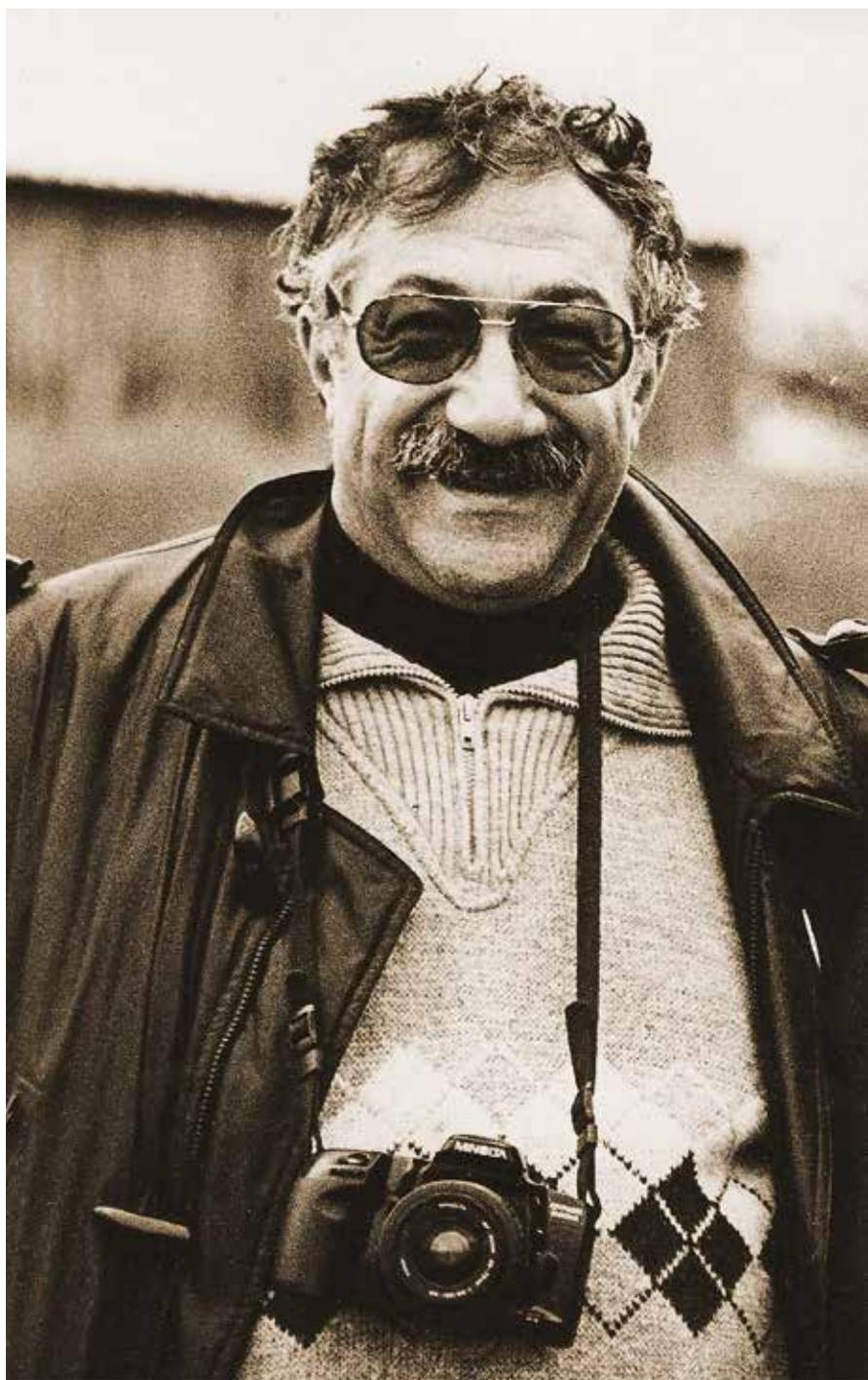

Посадка полярников на атомоход «Академик Федоров». 1988

Круг почета в честь прибытия атомохода «Сибирь» на Северный полюс

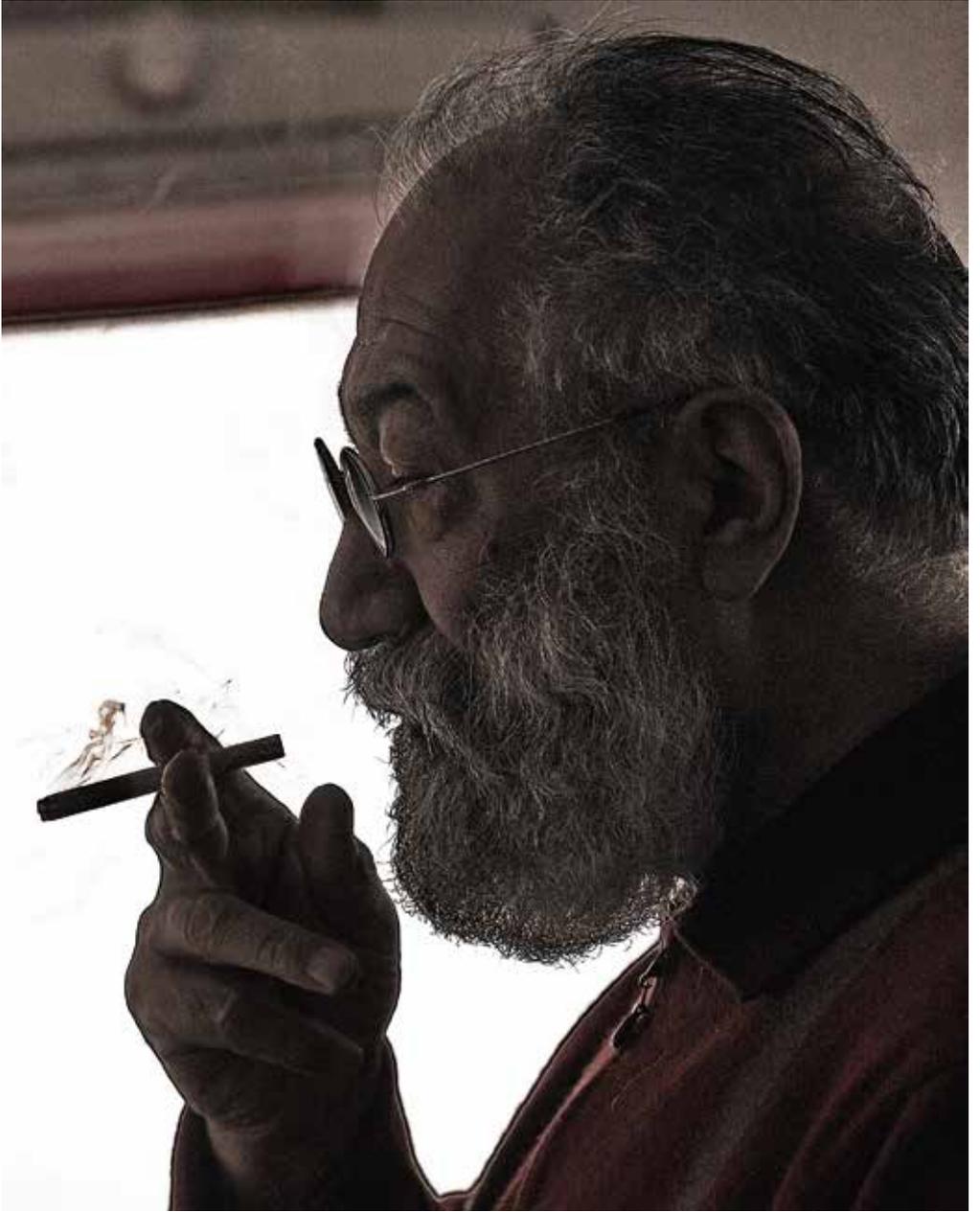
Полет в Якутию. 1991

И. Шараф, В. Горенко и А. Чилингаров. Награждение после экспедиции на Северный полюс

Лезгинка. 70-летие Артура Николаевича Чилингарова

*Бракосочетание Татьяны Сухаревой и Артура Чилингарова.
С этого дня она уже Татьяна Александровна Чилингарова*

В семейном кругу

Артур Николаевич Чилингаров с женой Татьяной

Артур Николаевич Чилингаров с женой Татьяной, сыном Николаем и дочерью Ксенией

Остров Визе. Витамины для полярников доставлены

ВСПОМИНАЕТ

● *Анатолий Михайлович Сагалевич*
 ученый, исследователь мирового океана, Герой России

Полярный вальс

Погружение в августе 2007-го на дно Северного Ледовитого океана в точке Северного полюса в глубоководном обитаемом аппарате «Мир» – событие громкое, многократно описанное, и детали его известны. Это было первое погружение человека под хрустальный купол Земли. Глубина более 4 км, лед дрейфует, аппарат сносит, компас на Северном полюсе не работает, и нужно обеспечить выход в той же точке, в которой мы вошли. И задача сложная, и настроение сосредоточенное, но людям в любой ситуации свойственно проявлять чувство юмора и просто шутить, потому что это разряжает обстановку и поднимает настроение. Когда погружались и только ушли с поверхности на Северном полюсе, Артур вдруг прислушивается и говорит: «А что это за странный какой-то шум наверху?..» А я ему отвечаю: «Да это медведи!» Он недоумевает: «Какие медведи?!» – «Ну какие-какие, – говорю, – белые, конечно! Ходят туда-сюда, топают: топ-топ – вот и шум!». Посмеялись, конечно. Спустились, определились по координатам, установили российский флаг, сделали отбор проб. На борту царила рабочая атмосфера, хотя иногда для разрядки травили анекдоты. Все у нас тогда закончилось благополучно. А потом, поскольку я пишу авторские песни, практически на основании этой шутки про медведей во время погружения я написал песню, которая называется «Полярный вальс», и там есть такой рефрен:

*На стенках конденсат, капелька на стекле,
 Ах, как же я буду рад попрыгать на хрустале.
 Ведь над нами сплошной хрусталь,
 Километрами толщиной,
 А мишки танцуют вальс у нас над головой.*

*Пусть мозоли, но мы доли
Не хотим иной.
Так дрейфует остров ледяной!*

*Текст песни участника
дрейфа «СП» В. Пигузова.*

Глава 3

Покой нам только снится...

Саруханян:

После Нового года у нас пошла спокойная жизнь. Научные павильоны построены и оборудованы, системы, как у нас говорили, «задействованы». В домиках уютно и тепло, мягко светят настольные лампы, на нарах вместо надоевших спальных мешков — чистые постели с шерстяными одеялами. Правда, Леня Васильев утверждает, что спать в постелях на СП — это разврат, и принципиально спит в мешке, но остальные члены коллектива предпочитают «развращаться». Остров, который в течение двух месяцев суетливо перемещался то к северу, то к югу, тоже начал движение генеральным курсом на северо-запад.

— Какие у нас последние координаты? — спрашивает Артур. В руках у него блокнот-бланковка, где мы прокладываем дрейф.

— $75^{\circ}23'$ и $159^{\circ}06'$.

— Значит, топаем прямо в пролив между тремя островами. Не заблудиться бы, как в трех соснах.

— Да, райончик дрянной. Ведь именно здесь потерпела бедствие экспедиция Де-Лонга: льдами раздавило «Жаннетту». А недалеко зажало «Фрам» и впоследствии — «Георгий Седов».

— Что там вспоминать давно прошедшее. Тут всего пару лет назад четырнадцатую ломало. Но нашей махине это не грозит. Ты же видел — по краям лед торосит, дальше — ни шагу.

— Тридцать метров — это тридцать метров. Вот только глубины не подвели бы.

Ну, что гадать, как понесет, так и понесет. С тем и заснули.

«4 января 1970 г. 22 час. 40 мин. МСК. Из гидрологической палатки поступил сигнал тревоги. Началось торошение ледяных полей, окружающих остров. Под угрозой оборудование. Аварийно-спасательный отряд вышел к месту происшествия».

(Из вахтенного журнала)

Резкий телефонный звонок разбудил нас одновременно. Артур взял трубку.

— Вдоль края острова трещина! Дышит. По припаю тоже трещины, — услышал я встревоженный голос дежурного.

— Сейчас выходим, — коротко ответил Артур. Я уже одевался.

— Поднимай гидрологов, прихвати доктора. Я — к механикам, пусть заводят трактор.

На улице темень. Луны не видно. Впятером, освещая путь фонариками, мы почти бежим к краю острова.

Трещина до полуметра шириной проходит по краю острова, отсекая припай. За ней еще ряд трещин. Артур с Вадимом бегут по припаю к гидрологической палатке. Мы начинаем откапывать домик и палатку с запасным оборудованием на самом краю острова. Трещина уходит прямо под них.

Подошел трактор. Прицепили к нему домик. Но он сидит прочно, наверное, примерз полосьями. Возвращаются Артур и Вадим:

— Глубина тридцать метров. Мы или уже сидим, или сейчас сядем на мель. Поэтому и отрывает припай.

— Сейчас главное — оттащить домик. Продолжайте откапывать.

Трактор ревет, надрывается, но домик ни с места. Раздается треск. Трещина множится, параллельно ей бегут бесчисленные узкие змейки. Еще немного, и трещина разойдется. Тогда домик провалится. А трактор бессилён.

— Быстрее в палатку! Вытаскивайте оборудование! — кричит Артур.

Бросились к палатке. С трудом опрокинули ее набок. Хватаем что попадет под руку и оттаскиваем от края. Один ящик, другой, третий...

Снова треск. Край острова с нами и палаткой внезапно осел вниз. За спиной Михаила Ивановича открывается трещина. Он — на краю.

— Миша! — кричу я и хватаю его за грудь.

— Ну, что ты орешь! Что я, не бывал в подобных ситуациях?

— Выбирайтесь на берег, — командует Артур, — скорее на берег!

Перед нами гладкая, совершенно отвесная ледяная стена. Забраться наверх нет никакой возможности. К счастью, рядом с Артуром — лестница. Повернувшись, он хватает ее и опускает нам. Мы взбираемся наверх.

Домик на боку. Припай медленно отходит от края острова, и домик постепенно погружается в расширяющуюся трещину. Трактор уже отцепили. Помочь он не в силах.

Там, где мы только что стояли, тонет палатка, которую мы так и не успели вытащить. Душу надрывает пронзительный скулеж Жоха. Он оказался на припае и не может перебраться к нам.

С глухим всхлипом домик проваливается в черную воду. На мгновение темноту прорезают голубые вспышки — это с сухим треском рвутся кабели, подводившие ток. На снегу остались карабин, ракетница и телефон, которые в последнюю минуту вынесли из домика.

— Пали ракеты, фотографируй, — устало говорит Артур. — Потребуется для акта.

Зазвонил телефон. Артур взял трубку.

— Да, да. Ясно. Сейчас выезжаем, — он бросает трубку. — Трещина в лагере. Я с Быковым — туда. Вы пока оставайтесь здесь. Может быть, трещину сведет и удастся спасти гидрологическую палатку. Если в лагере будет все нормально, пришлю еще людей...

Вдвоем с Быковым на пятой скорости они несутся в лагерь.

Евсеев:

Полночь по московскому времени. Здесь, на 160-м меридиане, утро, а по нашему островному времени — двенадцать часов дня. Днем это можно назвать чисто условно: снаружи непроглядная темнота. Разгар полярной ночи.

Сделаны последние наблюдения, записаны последние показания приборов, убрано рабочее место, аккуратно сложены рабочие книжки и тетради — время сдавать вахту и идти завтракать. Я предвкушал хороший завтрак и возможность наконец поспать после непрерывной суточной вахты. Резкий телефонный звонок прервал мои приятные мысли.

Я снял трубку. Взволнованный голос Артура скороговоркой произнес:

— Миша, все свободные от вахты должны немедленно идти в лагерь гидрологов. Там трещина разошлась, надо спасти палатку...

быстрее лопату... лом... у кают-компания... — он не договорил и бросил трубку. Я вскочил с места и стал быстро одеваться. Как назло, куда-то пропал один унт. Лезу под стол, осматриваю углы — вот он где наконец.

Услышав мою возню, из-за занавески появился Виталий. Физиономия заспанная.

— Что там стряслось? — спрашивает он.

— Быстрее одевайся, принимай вахту, — говорю я. — Меня срочно требуют в лагерь гидрологов. Трещина разошлась, и что-то там произошло, а что — не знаю. Артур толком ничего не объяснил.

Надев наконец унты и накинув шубу, бегом направился к кают-компания. Посмотрев в сторону выносного лагеря гидрологов, я ничего не увидел. Вместо привычных ярко горящих ламп там сейчас была темнота. В душу закралась тревога: что же там случилось?

У кают-компания остановился, по-прежнему напряженно всматриваясь туда, где должен находиться лагерь. В безмолвной тишине я отчетливо услышал тихий звонкий треск, как будто кто-то невдалеке разбил стеклянный стакан. Войдя в кают-компанию, я застал там одного Артура. Он возбужденно ходил из угла в угол и щипал ус.

— Миша, бери лопату и иди скорее, — проговорил он. — Все только что ушли. Там такое... — он не договорил и махнул рукой.

Я выбежал наружу, нашел лопату и догнал своих у аэрологического павильона. Впереди шел Анатолий Воробьев; в середине возвышалась фигура Волдаева — он нес несколько ломов и лопат. Рядом с ним шли Боря Ремез, Валерий Кривошеин и Володя Сафронов. Выйдя из лагеря, мы сразу же очутились в полной темноте. Толя зажег фонарик, и тоненький луч света заметался по снежным застругам и буграм.

Снова раздался предательский треск, на этот раз ближе и отчетливее.

— Трещит, — сказал кто-то впереди. Ему не ответили. Молча прошли еще минут пять. Внезапно затрещало совсем рядом. Луч фонарика идущего впереди ткнулся в трещину шириной в несколько сантиметров, зловеще протянувшуюся по снегу черной ломаной линией. Не останавливаясь, пошли дальше. Через несколько десятков метров наткнулись на вторую трещину, идущую параллельно первой. Она была шире. Анатолий опустил в нее лом, но дна не нащупал. Снег сухо прошуршал по стенкам.

— Сквозная...

Снова пошли вперед и через несколько минут оказались в лагере гидрологов.

Я не узнал местность. Вместо пологого спуска к припаю перед нами был край ледяного обрыва высотой два-три метра. Внизу хаотическое нагромождение глыб льда, черная вода. Подальше, на припае, в свете ракет можно было разглядеть накренившуюся гидрологическую палатку. На этом краю не осталось почти ничего, кроме нескольких ящиков с оборудованием, которые ребятам удалось спасти. Правда, чуть подальше от края уцелел склад горючего. На том берегу показался Жох. Пес отчаянно метался по краю, пытаясь найти спуск к воде. Наконец, подбадриваемый нашими криками, он каким-то образом сполз вниз и по кускам льда стал перебираться на нашу сторону. На середине разводья вместо крепких ледяных глыб оказалось мелкое крошево. Пес провалился сразу четырьмя лапами и, громко воя, беспомощно забарахтался в ледяной каше.

— Давайте пристрелим, — не выдержал кто-то. — Все равно не выберется, замерзнет.

Собака отчаянно боролась за жизнь. Наконец нашли веревку, после десяти или двенадцати бесплодных попыток удалось накинуть петлю на голову собаки. Осторожно подтягивая веревку, помогли Жоху вылезти на крепкий лед и втащили наверх. Все облегченно вздохнули.

Зазвонил телефон. Трубку взял Вадим. Все выжидательно смотрели на него.

— Хорошо, идем... — произнес он наконец. — Ребята, трещина в лагере под кают-компанией.

Молча собрали лопаты и ломы и двинулись в обратный путь. Треск льда прекратился, и только увеличившиеся трещины на обратном пути в лагерь свидетельствовали о колоссальных напряжениях в толще льда. В лагере все спокойно. У каюты нас встречает дежурный по лагерю — Леонид Васильев.

— Я убирал в каюте, — услышал я его голос, — когда раздался громкий треск и я почувствовал, как каюта осела на один угол. Выбежал наружу, но в темноте ничего не увидел.

Все внимательно осматривали лед возле каюты. Лучи фонариков сантиметр за сантиметром исследовали поверхность.

— Вот! — воскликнул кто-то. Все бросились к нему. В слабом свете фонариков на снегу была отчетливо видна трещина, уходящая под кают-компанию.

Саруханян:

Собрались в каюте. Время завтракать. Но все взбудоражены событиями. Впрочем, действительного положения мы пока не представляем.

— Ну что, Эд, все потерял или что-нибудь осталось? — спрашивает Толя Воробьев.

Я безнадежно машу рукой. На душе мрак. Спасти удалось очень немного, да и не самое главное. Не осталось ни одной лебедки, а без нее даже глубину не измеришь, не говоря уже о более сложных наблюдениях. Один батометр, одна вертушка, как будем работать — не знаю. Мои невеселые мысли прервал Артур:

— По-видимому, остров сел на мель. В результате оторвало припай с палатками, обвалился край острова, и вблизи лагеря и под каютой прошли трещины. После завтрака трещины обвесим черными флажками. Их подготовить аэрологам. Думаю, что особой опасности нет, но нужно быть внимательными. Из лагеря без моего разрешения не выходить.

Внезапно снаружи раздался мощный гул. Было такое впечатление, что над станцией кружится несколько самолетов. Все мгновенно выбежали наружу. Гул слышался со всех сторон.

Кто-то в шутку высказал предположение, что это заработал прибор Михаила Ивановича, на неисправность которого он жаловался последние дни. Гул смолк так же внезапно, как и начался.

Стали понемногу расходиться. Близился полдень. Небо в южной части горизонта чуть посветлело.

Артур сел составлять донесение в институт. Мы с Вадимом готовимся к определению координат.

Дверь в домик распахнулась. На пороге — Гена:

— Под складом продовольствия трещина! Расходится!.. — выкрикнул он и кинулся обратно.

Бросились за ним. Из соседнего домика выбежал Олег, на бегу схватил топор и заколотил в рынду. Ото всех домов к складу бежали ребята...

Евсеев:

Я переодевался, когда раздался громкий треск, идущий, как мне показалось, прямо из-под домика.

— Миша, выходи! — предостерегающе крикнул Виталий и выбежал наружу. Кое-как надев валенки и набросив шубу, я последовал за ним.

Новая серия громких звенящих ударов раздалась где-то совсем рядом. Была полная иллюзия, что звуки идут прямо из-под ног. Я завертелся на одном месте, пытаюсь разглядеть трещину или хотя бы определить, с какой стороны следует ожидать опасность. Ничего не видно.

В домике тревожно звенит телефон. Вбегаю, хватаю трубку:
— Быстрее к кают-компани!.. — слышу голос Артура. — Трещина!

Чилингаров:

В двадцати метрах от каюты, параллельно нашей «главной улице», зияет широкая трещина. Она прошла совсем рядом со складом продовольствия, отрезав от нас запасы горючего, газа, палатку с хозяйственным оборудованием. В наиболее угрожающем положении — склад с продовольствием. Просто чудо, что вся эта гора ящиков и мешков осталась на краю и не свалилась в пропасть.

Отдаю распоряжения оттащить ящики в сторону и раскладывать в нескольких местах на случай дальнейшего разлома острова. Закипела работа. Замелькали волокуши, ящики, мешки. Цепочка людей протянулась от склада к «главной улице» лагеря. Попробовали перебраться на другую сторону трещины и попытаться спасти хоть что-нибудь из палатки. Через трещину перекинули две широких доски. Вадим первым очутился на другой стороне. В этот момент из трещины послышалось зловещее шипение, и края медленно стали отдаляться друг от друга.

— Назад, назад! — закричали Вадиму. Он махнул рукой и побежал обратно. Трещина расходится на глазах. Доски неуклонно ползут к краю обрыва и через несколько минут рушатся вниз. Туда же сваливается несколько мешков и ящиков с продовольствием. Подходят удрученные Толя Быков и Олег:

— Не удалось спасти соляр. Трещина была уже слишком широкой. Полного представления о случившемся у нас все еще нет.

— Эд, давай на разведку. Пойдем обследуем, что у нас осталось.

Взяв с собой запас ракет, мы уходим. Двигаемся вдоль разводя. Чем ближе подходим к краю острова, тем разводье шире. Видимость плохая, началась метель. Под ногами скрип и шуршание. Каждый шаг — с опаской: не угодить бы в трещину.

— Дойдем до края острова, посмотрим, не оторвало ли от нас полосу. Ведь там основной запас горючего.

По времени край острова должен быть уже где-то рядом. Дали ракету. В ее зеленоватом свете увидели невдалеке торосы и все то же разводье. До складов не добраться.

— Да, дело дрянь. Рассчитывать можем только на те запасы, что на краю острова.

— А много там?

— Бочек сорок наберется. До весны хватит. А там завоз. Лихо нас ломануло. Сколько же осталось от острова?

— Ну, если считать от края разводья до трещины, которая обходит лагерь с востока, то метров триста на пятьсот. А сколько весь наш обломочек — сказать пока трудно.

— Ясно. Давай возвращаться.

Евсеев:

Два с лишним часа непрерывной работы. Выдираем из снега последние ящики со сгущенным молоком. Боря пытался сфотографировать черную пропасть трещины в блеклом свете ракет — по-моему, пустая затея.

Несу последний ящик. Кидаю его в снег и сажусь рядом с ним передохнуть. Не хочется ни о чем думать — просто сидеть и ничего не делать. Усилием воли заставляю себя встать и пойти к каюте.

Вернулись с разведки Артур с Эдом. Артур собрал в своем домике старших специалистов и коротко рассказал обстановку. Говорить много никому не хочется. Даже бывалым полярникам подобного разлома наблюдать не приходилось. На морском двухметровом льду ведь все иначе: там края трещины возвышаются над водой лишь на полметра. Здесь же обрыв — до шести метров. К тому же мы не уверены, что при дальнейшем разломе куски нашего айсберга не будут переворачиваться.

— Словом, так, — подытоживает Артур. — Сейчас первым делом передвинем подальше от разводья домики врача, гидрологов, мой, метео и рацию. Всем готовить аварийный рюкзак с теплыми вещами и самым необходимым, сложить на большую волокушу. Доктору и повару отобрать запас продуктов, Васильеву подготовить аварийную рацию. Держаться по возможности вместе. Сейчас переговорю с «восемнадцатой» и дам радиограмму в институт о результатах разведки.

— Вот тебе и тридцать метров, — сказал Вадим, когда мы выходили из домика. — Уж лучше обычный лед.

Сарухания:

Через несколько минут по всему лагерю стоял треск отдираемых досок. За шумом работ мы уже не слышали шуршания и треска самой льдины. Ребята освобождают домики от тамбуров, так заботливо сколачивавшихся прежде. Снимают электропроводку, телефонные провода. Наша спокойная жизнь длилась недолго.

Я упаковывал в домике химическую посуду и приборы, когда в дверь заглянул Валя Дондуков:

- Эдик, я приготовил обед, а людей нет. Надо хоть немного поесть.
 - Спасибо, Валек, не хочется.
 - Ты это брось, поесть надо обязательно.
- В каюте Валентин, Олег, Володя Волдаев.

— Все неприятности лучше встречать на полный желудок, — шутит Вадим. — Налетай.

Олега уговаривать не надо. Он и раньше не страдал отсутствием аппетита, и сейчас наворачивает, не обращая внимания на подозрительные шорохи под полом каюты.

— А у нас сегодня, как назло, зонд лезет и лезет. Нужно идти вам помогать, думаешь: «Скорей бы лопнул!» — а он хоть бы что... Дотянул до сорока двух километров... Прямо рекорд.

Это Володя. У него на лице такое благополучие, будто ничего не происходит. То ли действительно у парня крепкие нервы, то ли эта храбрость — от непонимания всей серьезности обстановки.

Ем с трудом. Первое кое-как проглотил. Шум под каютой резко усилился. Задрожали стены. Будто кожей ощущаешь, как ползет, царапая по дну, наш обломок. Выпил компот — и скорее наружу.

Евсеев:

Треск, шум и скрип ломающегося льда приближался к лагерю со стороны метеоплощадки. Через несколько минут затрещало где-то непосредственно под лагерьем и отдельные звуки слились в сплошной гул.

— Срочно вынести все необходимое из домиков! — стараясь перекрыть шум, кричал Артур. — В первую очередь материалы научных наблюдений. Все на волокушу!

Побежали с Прозоровым к своему домику. Здесь, на самом краю светлого пространства, за которым начинается сплошная темнота, наполненная гулом и скрежетом, было довольно неудобно. В домике

схватил папку с материалами, несколько необходимых вещей, все бросил в чемодан и отнес на волокушу.

Бегом возвращаюсь к радиорубке. За столом у передатчика спокойно сидит Валерий Кривошеин. Он держит в своих руках единственную ниточку, связывающую нас с Большой Землей. В тамбуре басовито гудит умформер, в наушниках монотонно пищит морзянка. С «восемнадцатой» нас подбадривают, там непрерывно следят за нами. Каждый час вызывает на связь радиостанция Певека, просит сообщить обстановку.

Треск снова усилился. Выхожу на улицу и медленно иду к аэрологии. К треску и скрипу разламывающегося льда внезапно присоединились какие-то новые звуки: будто кто-то под тобой изо всех сил гигантской теркой скоблит лед. Это скрежетал о морское дно наш айсберг.

Вся картина разрушения казалась мне теперь ясной. Под мощным напором окружающих льдов наш осколок потащило через подводную банку. Оторвавшись от основного массива, айсберг теперь пахал дно, трещал и разваливался. Треск и скрежет достигли апогея. Я остановился на бугре, напряженно всматриваясь в поверхность снега. С минуты на минуту можно было ожидать появления новых трещин.

Ко мне подошел, почти подбежал Леня Васильев. Его лицо при свете электрической лампочки показалось мне белее обычного. Голос, однако, спокоен и тверд:

— Миша, надо набраться терпения... мужества, что ли. Взять себя в руки, не поддаваться панике!

Я ничего не ответил, только кивнул головой и пошел к середине лагеря.

Артур под скрежет ломающегося льда спокойным голосом отдавал распоряжения:

— Виталик, ты отвечаешь за оружие. Смотри, чтобы все оружие было в одном месте. Леня, как рация? Срочно тащи сюда аварийную. Миша, — увидел он меня, — ты к разводью, наблюдай за ледовой обстановкой.

— Сильно трещит, — сказал я ему.

— Пусть трещит, не обращай внимания, — и, повернувшись, он пошел к радиорубке.

Я побрел к разводью. С опаской приблизился к краю, посмотрел туда, где должен был быть противоположный край пропасти, — и не поверил своим глазам.

Тот край был на несколько метров ниже и смутно белел где-то далеко внизу. Я оторопело смотрел вниз, соображая, что бы это значило. Потом, повернувшись, кинулся в лагерь.

В центре лагеря на большой волокуше было собрано наше нехитрое имущество: чемоданы, мешки, рюкзаки. Рядом бодро тарыхтел трактор. Звук работающего мотора вселяет в меня уверенность. Нахожу Артура и Эда и рассказываю им об увиденном. Артур слушает краем уха, глаза тревожно перебегают с одного человека на другого. Чувствуется, что он волнуется. Я не успел закончить рассказ, как вдруг рядом ахнул Олег:

— Вот это торосы!

Мгновенно обернувшись в сторону метеоплощадки, я замер. Там, где только что был край обрыва, высились громадные глыбы льда; они медленно надвигались на лагерь. Под чудовищным напором ледяной стены с хрустом вспарывался тридцатиметровый лед, ломался на огромные куски и вздыбливался, сверкая острыми гранями.

Вал торосов был уже метрах в двадцати от радиорубки и неумолимо продвигался дальше. Его переднюю часть составляли самые крупные льдины, а вершину венчал громадный, почти правильной формы ледяной куб, выломанный изо льда какими-то уже совершенно фантастическими силами.

— Скорее к рации... трактор... руби кабель!.. — закричал Артур.

Трактор, как бодрая скаковая лошадь, рванулся с места и покатил к домикам. Туда уже бежали Виталий Прозоров, Толя Воробьев и Вадим Углев с топорами и ломом.

За несколько секунд перерублены все кабели, соединяющие домик с силовой сетью и антеннами. Под ударами ломов затрещал и зашатался с таким старанием сделанный тамбур.

На вертлюг трактора быстро накинули металлический трос, продевший под домиком. Судаков дал газ — и домик, освобожденный от многочисленных проводов и тамбура, двинулся прочь от опасного места.

Следя за отъезжающим домиком, я вдруг обнаружил, что не слышу треска и скрежета льда. Не веря себе, опрометью бросился за каюткомпанию к обрыву.

Далеко внизу отсвечивала черная блестящая поверхность воды. Метрах в двадцати белела противоположная отвесная стена. Было хорошо видно, как она медленно удалялась.

Неужели нас наконец протащило через эту проклятую мель и мы снова на плаву? Я закричал и замахал руками. Подбежали ребята.

Борис выстрелил из ракетницы. В красноватом свете ракеты перед нами предстала страшная и величественная картина разлома.

В черной воде медленно и безмолвно двигались голубовато-белые обломки бывшего ледяного острова с совершенно отвесными стенками. Их обгоняли бесформенные куски льда с рваными, изломанными краями, мелкая ледяная крошка. Все это проплывало мимо нас, исчезая в черноте ночи.

Саруханян:

К десяти часам собрались в каюте. Надо же было так случиться, что именно в этот день Всесоюзное радио организовало для нас передачу с выступлениями наших родных. Несмотря на авральную обстановку, передачу слушали, поочередно меняясь у репродуктора. Прослушал своих — выходи работать, уступай место другому.

— Желаем вам счастливого дрейфа, крепкого льда! — доносится из кают-компаний, сиротливо стоящей на краю шестиметрового обрыва, всего в пятнадцати метрах от линии разлома.

— Пусть ваша надежная льдина ведет себя нормально!

Знали бы они, какая она надежная... Однако нам еще повезло. Все могло быть хуже. Впрочем, успокаиваться рано. Артур отдает новые распоряжения:

— Эд, бери Вадима, Олега и еще раз обойдите обломок до берега. Проследите все трещины. Поставьте на них флажки метров так через сто.

Уходим. В кармане ракетница и несколько ракет (их у нас осталось немного). Начинаем с трещины за аэрологическим павильоном. Она идет прямо от разводья, достигая там ширины около метра, потом сужается сантиметров до тридцати и через полкилометра пропадает совсем. Прощупываем снег чуть ли не руками, но найти ее не удается.

По дороге к «берегу» обнаруживаем еще несколько трещин, расположенных параллельно первой.

К краю обломка подошли в том месте, где был наш выносной лагерь. Дали ракету. Припай восторошен. От наших палаток уже никаких следов.

Идем вдоль края. Здесь припай местами сохранился и есть полный спуск на морской лед. Постепенно у нас складывается более полное представление об обломке, на котором мы оказались. Размеры его примерно километр в ширину и полтора в длину. Но если

трещины разойдутся, придется нам куковать на обломке 200 на 300, а может быть, и меньше.

С момента выхода из лагеря прошло уже часа полтора. Пора возвращаться.

По возвращении, советуясь с Вадимом и Олегом, быстро набрасываю примерные кромки льдины. В каюту тем временем сходятся старшие групп. Докладываю обстановку.

— По-видимому, отсюда нужно уходить на другой край обломка, — говорит Ляня. — Там хоть нормальный спуск на лед, не то что эта стенка. Будет еще ломать, сойдем на паковый лед.

— Нам тоже важно, чтобы на припай был спуск. А то с этого обрывчика много не наработаешь, — поддержал Вадим.

— А трактор через трещины пройдет? — спрашивает меня Артур.

— Вероятно. На дороге они, правда, до метра. Как, Толя?

— Попробуем проскочить.

— Тогда так, ребята, — подытоживает Артур. — Завтра будем переезжать. Сегодня свободные от вахт могут часа три-четыре поспать: день предстоит тяжелый. Олег, смени дежурного, — обращается он к Смелкову. — Обход лагеря каждый час.

— Особенно поглядывай за трещинами, — добавляет Вадим. — Не задышали бы.

Легли, не раздеваясь, и мгновенно заснули тяжелым сном.

.....

ВЕСЬМА СРОЧНО / МОСКВА МАТВЕЙЧУКУ
 ЛЕНИНГРАД ТРЕШНИКОВУ
 6 ЯНВАРЯ ПРОИЗВЕЛИ ПЕРЕЕЗД ЛАГЕРЯ
 НА НАИБОЛЕЕ БЕЗОПАСНОЕ МЕСТО ТЧК НОВЫЙ
 ЛАГЕРЬ НАХОДИТСЯ РАССТОЯНИИ 150 МЕТРОВ
 ПРЕЖНЕГО РАСПОЛОЖЕНИЯ ЛАГЕРЯ ГИДРОЛО-
 ГОВ ТЧК ЗА СУТКИ ПЕРЕВЕЗЕНО ДВТЧК РАДИО-
 СТАНЦИЯ ДИЗЕЛЬ ЧЕТЫРЕ ЖИЛЫХ ДОМИКА ЗПТ
 КОМПЛЕКС АЭРОЛОГИИ МЕТЕОРОЛОГИИ ЗПТ
 ПРОДОВОЛЬСТВИЕ ТЧК ИМЕЕМ ЗАПАС ПРОДО-
 ВОЛЬСТВИЯ 2 ТИРЕ 3 МЕСЯЦА ТЧК ПРОДОЛЖАЕМ
 РАБОТЫ ПЕРЕБАЗИРОВАНИЮ ЛАГЕРЯ ЗПТ СПА-
 СЕНИЮ ОБОРУДОВАНИЯ ЗПТ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ
 ЗПТ ГСМ ТЧК ВСЕ ЗДОРОВЫ ЧИЛИНГАРОВ

.....

ЛЕНИНГРАД 94 / ВЕСЬМА СРОЧНО
ЧЕРСКИЙ СЕДЛЯРЕВИЧУ КОПИЯ
СП 18 РОМАНОВУ / СП 19 ЧИЛИНГАРОВУ
СВЯЗИ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМ УХУДШЕНИЕМ
ОБСТАНОВКИ РАЙОНЕ СП 18 ЗПТ СП 19 ПРОШУ
ВЫПОЛНИТЬ НАЛИЧИИ ЛУННОГО ОСВЕЩЕНИЯ
ПОЛЕТ РАЙОН ЭТИХ СТАНЦИЙ ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНИЯ
СОСТОЯНИЕМ ЛЕДЯНОГО ПОКРОВА ТАКЖЕ
ВОЗМОЖНОГО ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ ТЧК
ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАДАНИЯ ПРОШУ ПОРУЧИТЬ
ЭКИПАЖУ ИМЕЮЩЕМУ ОПЫТ ЛЕДОВОЙ РАЗВЕДКИ
ТЧК РЕЗУЛЬТАТЫ СООБЩИТЬ НА СТАНЦИЮ ЗПТ
КРУПНОМАСШТАБНУЮ СХЕМУ НАПРАВИТЬ
АВИАПОЧТОЙ ИНСТИТУТ ТРЕШНИКОВ

СП 19 ЧИЛИНГАРОВУ
22 00 МСК ВАМ ВЫХОДИТ БОРТ ЛИ 2 ПРОШУ
ВОЗМОЖНОСТИ ПРОЙТИ ПОЛОСУ 2 ТИРЕ 3 РАЗА
ТРАКТОРОМ ЗПТ ОБОЗНАЧИТЬ ЕЕ КОСТРАМИ
РОМАНОВ

Чилингаров:

Весть о вылете самолета обрадовала и озаботила. Как принимать? Полосы нет. Подготовить ее не успеем. Может быть, не сажать? Но Романов сообщает, что может перебросить с восемнадцатой лебедку, несколько батометров — для гидрологов это необходимо.

Вызвал Быкова:

— Как думаешь, сумеем принять?

Толя задумчиво протирает очки:

— Поехали, посмотрим...

Сразу за лагерем нашли относительно ровную площадку. Она тянется вдоль края обломка.

— Метров шестьсот будет, — говорит Толя. — Вепрев посадит. Но надо катать.

Как назло, ломается трактор. А Ли-2 уже на подходе. Сажать или не сажать?

Чтобы скрыть волнение от ребят, вышел из радиорубки. Погода отличная. Метель стихла. Площадка отсюда кажется абсолютно ровной. На снегу — темные фигуры ребят, по моей ракете они должны зажечь площадки.

— Борт запрашивает посадочный! — распахнув дверь рубки, кричит Валерий.

— Эх, была не была!

— Сто шестьдесят градусов, — отвечаю и даю ракету.

Загораются костры. Самолет, сделав круг, заходит на посадку. Коснулся лыжами поверхности снега. Закачался на буграх. Несется прямо на гряды торосов.

«Черт, неужели врежется?»

Молодец, Вепрев! Прямо перед торосами самолет, взревев моторами, останавливается.

Обнимаюсь с Вепревым, Романовым, летчиками.

— Что, сломали остров?..

— Сила есть, ума не надо...

— Главное, ребята, сердцем не стареть, — говорит Лев Афанасьевич.

В домике не присесть. Все завалено ящиками с теплыми вещами и продуктами. Освобождаем место на столе, чтобы Илья мог расстелить карту ледовой разведки.

— Разломало вас по всем правилам, — говорит Илья. — Вокруг сплошная каша из обломков. Вам еще повезло — оказались на самом большом. Но большая часть острова цела. Дрейфует вслед за вами, в километре.

— Полоса на нем сохранилась?

— Не видел. Летели почти в темноте.

— Давайте, ребятки, закругляться. Нам еще Илью домой забрасывать, — озабоченно говорит Вепрев.

— Сейчас, только почту приготовим.

Ребята уже принесли кучу писем. Сажусь, быстро набрасываю записку в институт. В последней фразе прошу извинения, что сломали остров. Пусть знают, что мы не киснем. Для письма моей времени уже нет.

Короткий до предела разбег — и самолет в воздухе. Там, где он только что стоял, осталось несколько темных предметов: лебедка, ящики с батометрами и термометрами — подарок с СП-18.

СП-19 ЧИЛИНГАРОВУ
ПИСЬМА ПОЛУЧЕНЫ ИЗВИНЕНИЯ ПРИНЯТЫ
СПАСИБО ВЫДЕРЖКУ СПОКОЙСТВИЕ ИНАЧЕ
НЕ ОЖИДАЛ ТЧК КРЕПКО ОБНИМАЮ ВСЕХ
СКОРО СОЛНЦЕ ПАГ

Дрейф продолжается.

От всех:

Скоро солнце... После трех месяцев почти беспросветного мрака полярной ночи мы с нетерпением ждем дня, когда впервые у самого горизонта покажется его краешек. По расчетам Вадима, это должно произойти сегодня, тринадцатого февраля. Но с утра пуржит, небо сплошь затянуто облаками, и солнце — огромное, оранжевое — сияет лишь в кают-компании под большим, во всю стену лозунгом: «Солнце на лето — зима на мороз!»

А на следующий день вдали, под стынущими на морозе ледяными полями, мы увидели солнце. Вначале это была небольшая красная выпуклая линза, которая постепенно увеличивалась и наконец превратилась в шар. Он висел в морозной дымке около часа, а затем так же медленно ушел за горизонт.

А вечером в кают-компании нас снова встретило Красное Солнышко в облике Миши Судакова. Ему выпала нелегкая, но почетная обязанность: исполнять в наших домашних спектаклях женские роли. Бог знает, что было тому причиной: его круглое, симпатичное, открытое лицо или очень добродушный характер, но после блестяще сыгранной роли Снегурочки его амплу утвердилось. В течение трех минут мы были свидетелями перебранки деда Мороза с Полярной Ночью:

— Отдай ключи от острова, — требовал Мороз Красный Нос.

— Накось, выкуси, — отвечала Ночь. — Куда вам без меня. Ночь — она всегда нужна.

Потом появился Миша в немислимом головном уборе, с которого свисали желтые лохмотья поролон — символические солнечные лучи. Безнадежно махнув рукой, он заорал:

— Да здравствует Солнце, да скроется тьма!

И занавес упал.

В программе праздника, помимо спектакля, традиционного футбольного матча и не менее традиционного шашлыка по-островитянки, был еще языческий обряд — сожжение чучела Полярной Ночи. Но...

«Кого собираетесь жечь?» — вопрошал со стены манифест.

«Полярная Ночь, — продолжал Леня Васильев устами Фрицьофа Нансена, — ты похожа на женщину, пленительно прекрасную женщину с благородными чертами античной статуи, но и с ее мраморной холодностью. В твои черные, как смоль, волосы, развевающиеся в пространстве по ветру, вплел свои сверкающие кристаллы иней...

Непорочная, прекрасная, как мрамор, гордая, паришь ты над замерзшим морем; сверкающее серебром покрывало на твоих плечах, сотканное из лучей северного сияния, развевается по темному небосводу...»

И сомнения поселились в наших душах. Во-первых, сжигать женщину — явно не по-рыцарски, а во-вторых... В самом деле, мы неоднократно кляли полярную ночь. Трудно строить, сложно наблюдать. В драматические моменты разлома темнота не давала возможности верно оценить обстановку, мешала, нервировала... И все-таки разве такой уж мрачной и беспросветной была для нас полярная ночь? Разве не любовались мы свечением льдов в ночи и неописуемыми по своей красоте сполохами северного сияния?

А звезды, необыкновенно крупные и чистые, висящие прямо над головой? Где и когда мы могли наблюдать подобное?

А ведь мы не автоматы, чтобы без переживаний фиксировать только температуру, осадки, движение льдов. Мы люди, попавшие в необычную обстановку и жадно впитывающие все, что есть вокруг.

И увиденное запечатляется надолго, может быть, навсегда. Так за что же нам предавать сожжению Полярную Ночь?

С восходом солнца появилась возможность осмотреть район вокруг нашего обломка. Мы отправляемся обычно по трое, захватив карабин, походную рацию «Недра» и несколько плиток шоколада. Бродим по несколько часов, каждый час выходя на связь с лагерем.

Так мы обнаружили, что большая часть нашего острова, оставшаяся целой и невредимой, дрейфует вместе с нами в едином массиве. До нее километра три пути через восторошенные поля, трещины и обломки нашего айсберга. Обломков этих великое множество. Самых различных размеров: от двадцати до пятисот метров, и самой

разнообразной формы. Пространство между ними уже схвачено льдом толщиной до пятидесяти сантиметров, поэтому мы добираемся до основной части острова, либо перелезая с обломка на обломок, либо двигаясь между ними в извилистом лабиринте ущелий.

Некоторые обломки встали на «попа» и поражают причудливыми очертаниями. Тут можно увидеть и ледяное изваяние сфинкса, и ростры кораблей, и терриконы угольных шахт. Именно угольных. Переворачиваясь при разломе, обломки острова захватили грунт, и сейчас среди сверкающих на солнце ледяных полей они подобны скалистым породам. Может быть, именно такие обломки ледяных островов и принял промышленник Санников за неведомую землю.

Наши поиски привели к более прозаическому, но тем не менее очень важному для нас открытию. Мы обнаружили, что наша взлетно-посадочная полоса и основные склады горючего на острове целы и невредимы. Оставшаяся часть острова по-прежнему впечатляет своими размерами и выглядит значительно надежнее нашего обломка. Кроме того, с выходом на глубины опасность разлома острова исключается — мели мы миновали.

— Быть нам снова на острове!

Трудно сказать, кто первым высказал эту мысль, но постепенно она овладела всеми. Стало ясно, что наш относительно спокойный период жизни на обломке подходит к концу и впереди — новое переселение.

Переезжать нам, в общем, не хочется. Снова ломать уже построенные лаборатории, разбирать домики, все раскладывать буквально по досочкам и потом перебираться за три-пять километров и строиться заново. Но в глубине души каждый понимает, что переселиться надо. Ведь на нашем обломке не принять Ил-14, а это значит — не осуществить весенний завоз продовольствия и оборудования, не обеспечить нормальную жизнь не только себе, но и смене. Словом, когда из института пришло указание о переезде, мы были уже внутренне подготовлены.

Саруханян:

В начале марта в голубом, совсем весеннем небе появились самолет Ли-2 и вертолет Ми-4. Сделав круг над станцией, самолет (он был «обут» в лыжи) приземлился на небольшой полосе. Вертолет сел прямо у домиков.

Впервые после долгого перерыва в нашей кают-компании появились незнакомые люди. Впрочем, так ли уж незнакомые? Еще у самолета я заметил как всегда щегольски одетого Льва Афанасьевича. Мы обнялись.

— Был в Москве, звонил твоим. Тебе тут сразу два письма. Увидеть, к сожалению, не смог. Письма привезла сестра, оставила в гостинице.

Я сразу выключился. Ребята обступили летчиков, интересуются, как там, на материке. Я их не слышу. Я читаю письма от мамы и сестры...

Мать, сестра и я — такой была небольшая наша семья. Отца я не помню. Он ушел в сорок первом, и месяца через три в буфетный ящик, где хранились письма отца, легло извещение. В нем были подчеркнуты слова «в боях за социалистическую Родину пал смертью храбрых», а сверху кто-то надписал «пропал без вести». Когда я стал постарше, я прочел письма отца — и понял, что мой отец не мог пропасть без вести. Не такой он человек. И если он погиб, то только смертью храбрых. И хотя миновало столько лет, мама до сих пор ждет отца. А я уже не жду, ведь миновало столько лет.

Незадолго до отъезда сюда в ленинградском сквере ко мне подбежал мальчишка:

— Дядя, — сказал он, раскрывая ладонь, — ведь правда это старинная монета? — И протянул мне монету тысяча девятьсот сорок первого года.

От всех:

Тем временем у Артура уже идет бурное обсуждение этапов переезда. Наш начальник добивается у Седяревича разрешения перевозить домики с помощью вертолета целиком, на так называемой внешней подвеске.

— Вы понимаете, что иначе мы должны будем разобрать все до щитов! Все домики! — хватается он за голову.

Но Седяревич неумолим.

— У нас нет автосцепы, а без него таскать на внешней подвеске нельзя. Угробим и машину, и людей.

План переезда обсуждается уже более спокойно. В первую очередь на остров перебрасывается дизельная (здесь пока поработает аварийный движок) и кают-компания. Потом пойдут домики, продукты, научное оборудование, все до последней доски.

Саруханян:

Через пару дней я в числе первых шести человек был переброшен в новый лагерь, который можно было назвать так пока еще условно. На нетронутой снежной белизне стоял только один домик и собиралась дизельная. Строились на относительном возвышении, как и в первом лагере; во всю длину улицы вставал «механико-отопительный комплекс», а напротив — наши дома. За домами шло пологое понижение к краю острова, плавно переходившее в припайный лед. Там должны были разместиться наши гидрологические палатки.

— Еще один абориген, — встретил меня Виталий Прозоров, назначенный комендантом нового лагеря. — Ну, давай, включайся.

— А чем занимаемся?

— А всем. Только начинаем ставить домик — летит вертолет. Бежим разгружать. Потом снова за домик... Так и бегаем туда-сюда. И грузчики, и плотники...

— Вертолет ведь, как стрекоза, — замечает Гена, — то там сядет, то здесь. А лету две минуты...

В дизельной возятся механики и Олег. Толя очень доверяет Олегу и на сборку дизельной просит именно его. Контакт у них полный.

— Что, и тебя к нам? — встречают они меня. — Мы здесь, как на хуторе. Вечерком без света, без клуба. Это они там фильмы крутят.

— Летит! — услышали мы.

— Опять на разгрузку...

Вместительное брюхо вертолета нафаршировано до предела. Вытаскиваем щиты от кают-компания, ящики с приборами, узлы с постелями, ведра и тазы. Там, на осколке, ребята стараются, чтобы ни один кубический сантиметр вертолета не пустовал.

— Ну, до следующего, — говорит Серега Гусев, командир вертолета. — На обед полетите?

— Сами готовим...

Вечереет. Теперь уже можно говорить так. День и ночь приобрели нормальные «материковые» очертания. Закатывается солнце — видишь, как постепенно сгущаются сумерки.

На обломке замерцали огни станции. Как-то уютнее на душе, когда видишь, что здесь, среди льдов, есть еще один островок жизни.

Мы пока в темноте. Дизель будет работать только завтра, а пока Миша вдохновенно трудится над обрезками пенопласта, мастера из них канделябр. Рядом в помещении бани едко чадят газовые

горелки таганка, и при их слабом синеватом свете Гена готовит нехитрый ужин: сардельки и отварная курица, по половине на брата.

Гена разливает по мискам бульон. Усталые и размягченные, мы вспоминаем о доме, о Питере...

— Что-то мои давно молчат. Мотаются, наверное, из Борка в Питер и обратно.

— А сколько телеграмм в месяц ты получаешь?

— Три, каждые десять дней...

— Ну, ты даешь! — удивляется Толя. — Я всего три телеграммы получил за все время. А что писать? Я знаю, что там все в порядке, а Мария — что здесь.

— Меня тоже Нина не балует, — вставляет Виталий. — Помню, в Антарктиде на «Востоке» всем телеграммы «скучаю, люблю, жду», а мне как диспетчерские — ничего лишнего. Когда приехал, говорю: «Что ж ты так?» А она мне: «Я тебе лучше здесь все скажу»...

Олежка молчит. Судя по тому, сколько писем он получает с улицы Верности от Н. Смелковой, дело не обходится одними диспетчерскими. Но ведь и года нет, как они поженились, а прожили и того меньше. Все лето проплавал он в ледовом патруле в Чукотском море, а потом сразу сюда.

Разговор переходит почему-то на музыку, на филармонию. Наверное, из-за Гены. Он ведь у нас меломан. Потом разошлись по домикам.

Утром мороз до сорока градусов. Вода в умывальнике ледяная. Быстро завтракаем и снова за работу.

— Сегодня нужно запустить дизель и поставить каюту, — сказал за завтраком Виталий. — Поднажмем, ребята!

Механики и Олег возьмется у дизельной. Мы втроем: Гена, Виталий и я — готовим щиты кают-компании к сборке.

Отсюда, с пригорка, нам видно, как над лагерем повисла стрекоза вертолета. Через пару минут он над нашими головами. Гена вскакивает и бежит показывать место посадки. От винтов снежный вихрь. Срываются с места и несутся прямо на нас щиты. Каждый из них больше сотни килограммов.

— Давай за домик! — кричит Виталий. Мигом скатываемся. И вдруг видим, как от вертолета к нам бросается Гена, но в ту же минуту тяжелый щит от пола каюты плашмя бьет его по спине. Винты еще крутятся, но из вертолета уже выпрыгивает механик. Почти одновременно подбегаем к ничком лежащему доктору.

— Гена, ты живой? — кричит Виталий.

Гена стонет. Лицо у него красное, запорошенное снегом. Осторожно на ватнике переносим его в домик, кладем на раскладушку. Он приходит в себя, слабой улыбкой старается подбодрить нас.

— Где больно?

— Под лопаткой... Наверное, сильный ушиб...

— Может, перелом?

— Ушиб, да не волнуйтесь, ребята...

Но Гену начинает бить озноб. Что же делать? Прибежал из дизельной Олег.

— Давай дадим коньяку...

Открыв бутылку, я наливаю полкружки и протягиваю Гене. Сделав глоток, он морщится и отдает обратно:

— Не хочется...

Мы подавлены. Раз коньяк не идет — дело плохо. Виталий от растерянности чуть не выплеснул коньяк в умывальник.

— Ты что, очумел? Это ж коньяк! Давай за его здоровье.

Под ворохом шуб Гена постепенно согрелся и уснул.

— Ну, пошли, ребята, работать. Может, все обойдется.

Вертолет уже снова над станцией. Прилетел Артур.

— Что там с Генной?

— Сильный ушиб. Сейчас спит.

— Как же вы так?

Что тут скажешь...

— Обед вам пришлем. Валя приготовит. Ничего, ребята, осталось немного. Еще пару дней — и переберемся все. Сегодня Леня с Валерой уже начнут монтаж рации здесь.

Нами овладела рабочая злость. И хоть за день мы порядком устали, решили работать и ночью. Дизель уже стучит. Правда, Толя не совсем доволен его стуком, нет четкого ритма, и он возится с ним и выслушивает, как врач. Но свет уже есть и, поставив на снег прожектор, мы продолжаем собирать каюту.

Гене лучше. Виталий, следуя его указаниям, наложил ему на грудь тугую повязку, и Гена даже рвется помогать нам. Неугомонный наш доктор... Впрочем, понять его можно. У всех у нас сейчас подобное состояние: делать, делать, делать, чтобы быстрее начать нормальную жизнь.

— Стресс, — так определяет наше состояние Гена. Но руки уже отваливаются. Даже Олешка Смелков, богатырь, мастер спорта по гребле, сокрушается:

— Ну надо же, руки выше плеч поднять не могу. Никогда такого не было.

Там, на осколке, ребятам не легче, а, пожалуй, еще сложнее. Помимо погрузки и разгрузки на их плечах еще наблюдения, которые станция не прекращает.

Евсеев:

Резко звонит будильник. Я вздрагиваю и, очнувшись от дремоты, соскакиваю со «второго этажа» на пол. Останавливаю будильник и оглядываюсь. Вадим, конечно, тоже проснулся. Молча лежит с открытыми глазами. С утра ему предстоит тяжелая работа: разбирать домики и грузить на вертолет, выполнять астрономические наблюдения, а здесь каждые три часа звенит будильник, зажигается свет, хлопает дверь. Какой уж тут сон? Но ничего не поделаешь. В домике гидрологов, который будет перебрасываться последним, временно оборудован метеорологический кабинет. И вторую неделю я один каждые три часа веду наблюдения за погодой по полной программе. Виталий в новом лагере занимается сборкой домиков.

От постоянного недосыпания голова как чугунная. Выхожу из домика. От морозного воздуха перехватывает дыхание. Полная луна освещает местность призрачным бледным светом. На снегу четкий силуэт вертолета. Рядом с ним бесформенной грудой лежат щиты и ящики, приготовленные с вечера для погрузки.

Записываю показания приборов. В домике, составив сводку, звоню на рацию. К телефону долго никто не подходит. Наконец трубка снята. Слышу сонный голос Леонида Васильева:

— Слушаю...

— Девяносто девять, семьсот семьдесят два, — начинаю я диктовать текст.

Вадим тяжело вздохнул и заворочался на нарах. Закрыв трубку рукой, я снизил голос почти до шепота:

— Что-что? — сонно раздавалось в трубке. — Миша, ты уснул, что ли?

— Ноль, ноль девять, ноль три, — тем же полусшепотом повторил я как можно отчетливее.

Телеграмма наконец продиктована. Снимаю с себя кожаную куртку и лезу на «второй этаж». Можно подремать еще два с половиной часа.

По нолям Москвы следующий срок наблюдения. Затем начнется рабочий день. Сегодня нужно демонтировать метеоплощадку, упаковывать приборы... Я медленно проваливаюсь в темноту.

Саруханян:

И вот наконец настает этот день, 17 марта, когда в новом лагере собирается последний домик и переезд заканчивается. Последним, как и положено начальнику, обломок покидает Артур. Как всегда, по утрам мы на связи:

- Балаклава, Балаклава, я лагерь, я лагерь, — слышу я.
- Простите, но это я лагерь, а Балаклава теперь уж вы. Как поняли?
- Ну, как там, Эд, заканчиваете?
- Все в норме, все в норме...
- Сегодня передача для станции. Скажи Лене, пусть все обеспечит.

До встречи!

Близится время передачи. В каюте еще нет трансляции, поэтому колокольчик динамика прямо на свету. Мороз тридцатиградусный, но это никого не пугает.

«Внимание, внимание! Говорит Москва... Вызываем дрейфующую станцию „Северный полюс 19“...»

В воздухе гул вертолета. Он плюхается на землю, и от него бегут Артур, Вадим, Толя Воробьев.

— Скорее! Уже начали...

А репродуктор звучит голосами родных, выплескивает песни, и только мы стоим вокруг в молчании. Вроде бы все вместе — и в то же время каждый сам по себе. И не здесь, не с нами сейчас Олег Смелков, а там, в Ленинграде, рядом со своей Наташкой. Широкая улыбка на лице Володи Волдаева — говорит мама.

— Радиотехник Валерий Константинович Кривошеин, — звучит голос диктора, — с вами будет говорить ваш друг Галина.

— Женщина — друг человека, — бросает кто-то. Но смешок сразу гаснет.

Темнеет. Над нами звезды.

— Пошли, возьмем звездочки, — говорит мне Вадим.

ВСПОМИНАЕТ

● **Константин Александрович Зайцев**
*вице-президент Ассоциации полярников России,
 помощник А. Н. Чилингарова, ледовый разведчик 1-го класса*

Вернулись все

Артур Николаевич всегда делает то, что считает нужным для людей, невзирая ни на какие обстоятельства, помехи, авторитеты. Яркий пример – принятое им решение, которое противоречило изначальному докладу президенту страны. На одной чаше весов оказалось уже сделанное заявление о том, что все хорошо, а на другой – реальность, которая внесла свои корректировки и поставила под угрозу жизнь людей. Чилингаров в очередной раз проявил потрясающую способность моментально оценить ситуацию и выбрать наиболее разумное и правильное решение.

Это была российская экспедиция «Антарктика 2001–2002». Самолет Ил-76, в грузовом отсеке которого находился в разобранном виде Ан-3, совершив перелет протяженностью 6000 км, доставил нас, участников экспедиции, в Антарктиду. Там на ледяном аэродроме «Патриот Хилс» был разбит лагерь, мы на руках вынесли Ан-3, за сутки собрали, облетали его и совершили перелет до Южного полюса протяженностью порядка 1200 километров. Состав группы – 7 человек экипажа и 7 пассажиров, включая Фредерика Паулсена и его спутников. Чилингаров связался с Москвой, доложил президенту о том, что впервые в истории российский одномоторный самолет пришел на Южный полюс, что все чувствуют себя хорошо, что все нормально и мы готовимся к обратному вылету. И вот после этого выяснилось, что у командира появились сомнения по поводу движения самолета. Учитывая время суток, было принято решение переночевать. Утром стало понятно, что в двигателе есть отклонения, которые не гарантируют успешного возвращения. Нужно было пролететь полторы тысячи километров в Антарктиде, где нет площадок для посадки, т. е. если бы мы вылетели и сели на вынужденную, просто некому было бы нас вытаскивать! Поэтому, все оценив, Артур Николаевич дает новую команду. Фредерик возит своих гостей на туристическом рейсе, который пришел за ними на

Южный полюс, а мы улетаем на самолете антарктической службы США на Мак Мёрде, оттуда до Новой Зеландии и потом уже рейсовым самолетом домой. Вот это решение – все переиграть и не возвращаться своим ходом, и даже оставить самолет... это решение спасло нам всем жизни. Потом очень много было негатива от американцев, которые возмущались, что там лежит наш «хлам», и надо его вывозить, и они готовы его вывезти. Мы сказали, что это не хлам, а наш самолет, является собственностью Российской Федерации, когда придет новый двигатель, мы его восстановим и уйдем своим ходом. И мы это сделали через 3 года.

Тогда все закончилось благополучно именно потому, что на основании опыта, помноженного на знания, Чилингаров принял правильное решение. Ведь экспедиция считается успешной, по его личному убеждению, когда все домой вернулись без потерь. Над ним никто и ничто не может довлеть, если это ставит под угрозу жизнь людей.

ВСПОМИНАЕТ

● **Михаил Игнатьевич Гришанков**
 первый вице-президент ОАО «Газпромбанк»,
 Депутат Государственной Думы РФ 3-20 – 5-20 созывов

Пятнадцать лет назад я познакомился с А. Н. Чилингаровым, когда стал депутатом Государственной Думы, и не буду скрывать, что для меня было большой честью работать с ним в политике и заниматься изучением Арктики и Антарктики в экспедициях. Это экстраординарный человек, фантастический «авантюрист», который служит стране и добивается удивительных результатов. Ученый в политике, занимаясь этим больше 20 лет, он стал одним из тяжеловесов российской политической элиты и не боится брать на себя ответственность там, где многие начинают сомневаться.

Наверное, только по прошествии времени я по настоящему осознал тот масштаб ответственности, который взял на себя Чилингаров, начиная экспедицию на «Мирах», ведь на карту, кроме прочего, был поставлен престиж всей страны. Во время сложных, нестандартных ситуаций я видел, как Чилингаров это переживал – он один ходил по палубе, по капитанской рубке, и рядом с ним не было никого. Мне было понятно: то, что достается ему сейчас, не пожелаешь никому.

После этой экспедиции я принимал участие в ряде переговоров в Европарламенте, встречался с европейскими коллегами-парламентариями, слышал мнения, что «русские захватили Северный полюс». Но, во-первых, в составе экспедиции примерно треть занимали иностранцы, а во-вторых, никто не мешает установить кому-либо на дне Ледовитого океана флаг любой другой страны. Почему Россия, занимаясь изучением Арктики, должна иметь какие-то ограничения? В итоге с этой экспедиции начались активные шаги по восстановлению присутствия России и на Северном морском пути, и в Арктике.

Во время экспедиции на ледоколе почти две недели мы находились в замкнутом пространстве, круг общения был тесным, и были эпизоды, когда мы на завтраке обсуждали – чья очередь сегодня получать «подзатыльники» от Артура Николаевича. Он очень выдержанный человек, но

нам, коллегам, приходилось иногда тяжелее всего. Мы понимали, что это наша миссия, когда среди огромного количества людей он выбирал нас, как самых здоровых: «Ты – делаешь одно, ты – второе, бегом туда и бегом сюда!». С одной стороны, это было несколько непривычно, потому что сами уже руководители, но, с другой стороны, получать указания от Героя – это было приятно, и мы с радостью с ним взаимодействовали.

Очевидно, что у Чилингарова огромный круг контактов. Можно сказать, что он знает практически всю политическую элиту внутри страны и за ее пределами, и его тоже знают все. Я убедился в этом, когда мы были в экспедиции с князем Монако Альбером II в Антарктиде. В ходе посещения российских и иностранных станций меня впечатлил уровень его контактов и уровень обсуждения задач с учетом того, что Альбер II – глава государства, которое очень активно в изучении Арктики и Антарктики. Это международное взаимодействие Чилингарова приносит колоссальную пользу для развития науки. Оказывается, благодаря тому, что австралиец Майк Макдауэлл, плотно работавший с Россией и принимавший участие в погружении на «Мирах», порекомендовал своему другу Джеймсу Кэмерону использовать «Миры» в съемках «Титаника», поддержав таким образом наших ученых. Арктическое антарктическое братство полярников очень тесное, и мне было приятно видеть, как люди поддерживают друг друга в самых разных жизненных ситуациях независимо от того, это работа или обычная жизнь. Черта Артура Николаевича – это умение поддерживать своих людей.

Я сталкивался с теми, кто говорил: «Ну что Чилингаров, ему уже за 70! Пора и отдыхать...» Однако количество перемещений по стране и по миру, которое совершает Артур Николаевич, мало кому под силу, и я с огромным удовольствием буду принимать участие в его новых проектах. Уверен, что экспедиции Чилингарова еще будут поражать воображение людей и силой духа, и своими техническими решениями.

*Если в Арктике живешь,
То пицать не сметь!
Комсомольскому «Дашь!»
Здесь не заржавеет.*

*Текст песни участника
дрейфа «СП» В. Пигузова.*

Глава 4

Комсомольскому «Даешь!» здесь не заржавеет

Чилингаров:

Метет пурга, ветер ломится в окна домика, дрожат стены, жалобно звенят тросы антенн. Завтра Первое мая. Сегодня на комсомольском собрании ребята решили, невзирая на непогоду, выйти на демонстрацию во что бы то ни стало в один час с москвичами. Готовили транспаранты, прибивали к домикам флажки, украшали каюту. День был заполнен делами до предела.

Разошлись поздней ночью. Надо бы уснуть, завтра праздник, хотя работать мы будем как обычно — в наблюдениях не бывает выходных. Но не спится...

Вот, кажется, и заканчивается первая половина дрейфа. В общем, она была для нас нелегкой: высадка станции и строительство в условиях полярной ночи, внезапный разлом ледяного острова и аварийная переброска станции, новое перебазирование на основную часть острова. Что и говорить, трудностей хватало. И я часто спрашиваю себя: все ли было верно в организации станции, не ошиблись ли мы, когда решили создавать комсомольско-молодежный коллектив, ориентируясь на молодежный костяк станции, состоящий в основном из людей, ни разу не дрейфовавших? Ведь многие из них: и Володя Волдаев, и Володя Сафронов, и Валерий Кривошеин, и Олег Смелков — впервые оказались в подобной обстановке, а Боря Ремез, Гена Горбунов и Валя Дондуков вообще впервые в Арктике. Был ли принцип подбора людей на СП правильным?

Мне приходится думать об этом. Нынешним дрейфом жизнь не кончается, будут новые экспедиции, новые горизонты и, значит,

снова встанет вопрос — достойны ли? По плечу ли комсомольцам такие дела? Или в особо трудных условиях Арктики могут работать лишь ветераны? Наверно, не случайно руководитель отдела экспедиций М. П. Козлов сказал на прощальном приеме в Ленинградском обкоме комсомола:

— Особенно беспокоиться за ребят не нужно. Льдину мы им подобрали надежную, толщиной более тридцати метров, так что дрейф у них пройдет спокойно.

Значит, ставка была на нормальные условия дрейфа, и кажущаяся прочность ледяного острова служила веским аргументом в пользу создания молодежного коллектива. Впрочем, были и другие, более важные аргументы. Работая секретарем Тиксинского райкома комсомола, я остро интересовался проблемой: молодежь и Север. Какова роль комсомола, молодежи в научном освоении Севера? Здесь была масса примеров. Многие, вероятно, видели популярнейший фильм Сергея Герасимова «Семеро смелых». Но многие ли знают, что герои этого фильма — участники первой комсомольско-молодежной зимовки на мысе Стерлигова в 1932 году, которую возглавлял Костя Званцев?

Выступая в 1934 году среди политработников, начальник политуправления Главсевморпути Л. В. Шелепин говорил: «Комсомольских зимовок мы создали две. Надо сказать, что комсомольцы работают хорошо. Единственным их недостатком является то, что они пишут слишком много рапортов. Но работают они с энтузиазмом, горячо, по-комсомольски, и жаловаться на оперативную работу пока нет оснований. Таким образом, опыт комсомольской зимовки оправдывает себя вполне».

Полностью оправдал себя и опыт создания первой комсомольско-молодежной дрейфующей станции «Северный полюс-8» в 1959 году.

Около шести лет проработал я в далеком заполярном поселке Тикси, летал на СП и на островные «полярки», бывал у оленеводов тундры и алмазодобытчиков Мирного, работал в ледовой авиаразведке и штабе морских операций. И всюду видел, как исподволь, кропотливо, внешне незаметно делается громадная работа по освоению и обживанию нашего Крайнего Севера, и делается в основном руками молодых. В этой работе трудностей немало. Арктика остается Арктикой. Теряли мы и товарищей. В 1963 году о ледяной купол острова Грэм-Белл разбился самолет ледовой разведки. Погиб весь экипаж, и в том числе наш однокашник комсомолец Димка

Муратов. Чудом уцелел в недавней авиационной катастрофе над морем Лаптевых вожак тиксинской комсомолки Борис Дементьев. В Арктике редко кто умирает своей смертью. Но ведь именно трудности, романтика поиска и труда в сложных условиях и притягивают сюда молодых. Есть такое выражение: болен Арктикой. Я неоднократно слышал его от своих друзей. Да, мы больны Арктикой. И если мы покидаем ее иногда, то все равно возвращаемся, ибо совсем от нее уже не уйти. И когда у комсомольцев Арктического и антарктического научно-исследовательского института родилась мысль о создании новой комсомольско-молодежной дрейфующей станции, дрейф которой было решено посвятить столетию со дня рождения В. И. Ленина, и возглавить эту станцию было поручено мне, я с глубокой радостью и благодарностью принял оказанное мне доверие.

Провожали нас на лед комсомольцы Ленинграда, секретари Центрального комитета ВЛКСМ. Перед отлетом состоялась встреча с отважной семеркой космических братьев. Они только на днях вернулись из полета. На листе специального выпуска «Комсомолки», посвященной этому событию, космонавты написали: «Молодежному коллективу СП-19 от людей близкой профессии». Будто передали эстафету. И от этого возникла особая ответственность.

Я снова перебираю в памяти вехи нашей жизни на ледяном острове. Все ли сделано правильно, удалось ли нам преодолеть возникшие трудности с минимальными потерями? Оказалась ли наша самая северная первичная комсомольская организация действительно ударной комсомольской группой?

Комсомольская работа на дрейфующей льдине, казалось бы, не представляет особой сложности. Здесь сами условия жизни сплачивают людей, порождают чувство коллективизма. Да и нашему комсору Борису Ремезу проще работать: людей немного, все рядом, к каждому можно подойти, учитывая его характер. Но есть и особая сложность. Она порождается тем, что здесь критерием комсомольской работы является жизнь, полная непредвиденных обстоятельств. Здесь и проверяется то, насколько подготовлен коллектив к испытаниям, сумеет ли противостоять стихии, надежны ли плечи друга.

И хотя впереди еще полгода дрейфа, я уже могу сказать, что наш комсомольский коллектив выдержал проверку на прочность. И мы в какой-то степени даже благодарны испытаниям, выпавшим на

нашу долю: они позволили каждому оценить себя, свое поведение в сложной ситуации, выверяющей человека в человеке. И, может быть, благодаря пережитому вместе в нашем коллективе родилось чувство понимания и взаимного уважения друг к другу, чувство братства.

Станция стала комсомольской по духу. Это не случайные слова. Я вкладываю в это понятие высокую романтику поиска, которой проникнута наша работа, полную самоотдачу каждого участника дрейфа в большом и малом, дружбу и братство, которые сплотили нас.

Апрель был для нас насыщен событиями. Вместе со всей комсомольской страной мы участвовали в Ленинском зачете, во Всесоюзном комсомольском собрании. С радостью узнали, что за достойную встречу столетия со дня рождения В. И. Ленина Центральный комитет ВЛКСМ наградил наш коллектив вымпелом, а Якутский обком комсомола — Памятным знаменем. В день рождения Ильича, 22 апреля 1970 года, наша первичная организация стала больше: в члены комсомола приняли Валю Дондукова, повара станции. Рекомендацию ему готов был дать каждый. В трудные дни Валентин проявил себя настоящим полярником. Впрочем, теперь я могу сказать это о каждом из ребят.

...Метет, метет за окном пурга, будто зная о нашем решении, становится все злее. Звоню на рацию:

— Как у вас?

— Все нормально, — отвечает Валера. — Заканчиваю прием праздничных радиogramм.

Радиogramм множество. Они идут из самых разных точек Союза, из Москвы, Ленинграда и даже от наших антиподов — из Антарктиды, и обязательно от комсомольцев. Шлют свои теплые поздравления якутяне, дальневосточники, енисейцы. Желают крепкой льдины и еще более крепкой дружбы.

Вскоре в Москве соберется шестнадцатый съезд комсомола. Молодость будет подводить итоги жизни и труда за последние годы. И мне как представителю самой северной первичной комсомольской организации предстоит отчитаться перед главным комсомольским собранием страны о том, как прожили мы эти полгода здесь, на льдах океана, как, невзирая на сложные условия дрейфа, выполняли наши комсомольские обязательства.

...Нет, сегодня мне, кажется, не уснуть. Присев к столу, я набрасываю текст выступления...

Выступление**Артура Чилингарова на XVI съезде ВЛКСМ
(транслировалось в магнитофонной записи)**

Дорогие друзья!

Через ледяные просторы Арктики, через тысячи километров Большой земли мы передаем вам, посланцам советской молодежи, собравшимся на главное комсомольское собрание страны, наш пламенный комсомольский арктический привет!!!

Уже более полугода наш ледяной остров движется к полюсу. Небольшой отряд молодых исследователей несет научную вахту в просторах Ледовитого океана. За плечами полярная ночь, арктические морозы, разломы и трещины. Все больше накапливается новых интересных материалов о природе полярного края. В радостях и трудностях ледового дрейфа сроднился наш маленький коллектив.

В своей работе, в борьбе с суровой арктической природой наши ребята верны славным традициям полярной гвардии, заложенным легендарной четверкой папанинцев.

От первой папанинской станции «Северный полюс» до недавно открытой дрейфующей станции «Северный полюс-20», которую возглавил молодой полярный исследователь, делегат XIV съезда комсомола Юрий Тихонов, зримо тянется цепь поколений, год за годом изучавших и осваивавших арктические просторы. Но, как поется в нашей песне: не все еще пройдено в мире, не все продрейфованы мили!

Арктика, Север ждут своих новых первопроходцев. И неважно, на каком участке этого большого дела они оказались: на маленьких полярных станциях, разбросанных по островам, в заполярных городах, выросших за эти годы, или здесь, на дрейфующих льдах, — везде их работа будет важной для людей, для науки, для Родины.

Северу нужны молодые руки, горячие сердца, светлые головы. Северу нужна комсомольская хватка, кипучий задор молодости, бьющая через край энергия молодых. В этом творческом созидании, в упорном поиске нового

здесь, в суровом краю, и заключается, по нашему убеждению, романтика сегодняшнего дня.

Дорогие друзья!

Мы посвятили свой дрейф великой дате — столетию со дня рождения В. И. Ленина, вождя, учителя, друга всего человечества. Инициатива создания комсомольско-молодежной дрейфующей станции принадлежит комсомольцам Арктического и антарктического научно-исследовательского института, была поддержана Ленинградским обкомом комсомола, Центральным комитетом ВЛКСМ. В своей работе мы постоянно ощущаем их заботу, внимание и поддержку. Это нас ко многому обязывает.

Мы заверяем Ленинский комсомол, советскую молодежь, что будем достойны замечательных дел отцов, выполним поставленные перед нами задачи, успешно завершим научную вахту во льдах Центральной Арктики.

Дрейф продолжается...

ВСПОМИНАЕТ

● *Кирилл Шубский*
 президент ЗАО «Согласие-Альянс»

В 2000 году мы полетели с Артуром Николаевичем на Олимпийские игры в Сидней. Я знал, что Чилингаров страстный болельщик и что он ездит поддерживать наших спортсменов на Олимпиады, начиная с 1968 года, Олимпийских игр в Мехико. Как это происходит, я впервые наблюдал в Сиднее во время финального матча Олимпийского теннисного турнира с участием Евгения Кафельникова. А происходило это так.

Артур Николаевич отсаживался отдельно от нашей группы, уходил в себя и начинал теребить бороду, «колдовать», как старик Хоттабыч. И все это сопровождалось какими-то движениями, вскакиваниями, выразившими страстный посыл его энергии спортсменам. Мы, конечно, хохотали, наблюдая за ним, но, к нашему удивлению, стали замечать, что эти его посылы действуют! Кафельников, кстати, тогда победил и стал олимпийским чемпионом! Артур Николаевич выглядел счастливым и был уверен в своей причастности к этой победе.

Или еще пример – гимнастика. Среди американок была гимнастка, выступавшая уже не один серьезный турнир без единой ошибки, прямо-таки «железная девочка»! Пройдя безукоризненно все снаряды, она выполняла последнее упражнение на бревне.

Чилингаров, находясь далеко на трибуне, в какой-то момент не выдержал, вскочил и взмахнул руками. Может, это, конечно, совпадение, но гимнастка зашаталась – и это стоило ей нескольких баллов, и, возможно, победы. Так он «помог» нашим гимнасткам выиграть еще одну медаль.

Как болельщик Артур Николаевич верит в приметы и считает, что если найти правильную рассадку, пересадить болельщиков или поменять их местами, то наши спортсмены будут играть лучше и им будет больше везти. Или, наоборот, если наши играют хорошо, то ни в коем случае нельзя вставать с места или менять положение.

Помню, как на зимней Олимпиаде в Турине, во время хоккейного матча Россия – Канада, он буквально силой заставлял Валентину Ивановну Матвиенко поменяться местами с Владимиром Кожиным. Она долго сопротивлялась, просила: «Артур, ну отстань от меня!», но в итоге пересела – и действительно, через несколько секунд наши хоккеисты забили гол. В общем, когда он болеет за наших спортсменов, все вокруг – вне зависимости от чинов и положений – должны активно в этом участвовать ради победы.

Сам Артур Николаевич, уезжая на Олимпиаду или на Чемпионат мира в свой отпуск, отдает этому делу столько сил и энергии, что другому после такого отпуска нужно снова отдыхать или лечиться! Он же уезжает с соревнований воодушевленный, с чувством выполненного долга и с уверенностью, что внес свой вклад в победы российских спортсменов. Вот такой, еще один небольшой штрих к портрету Артура Николаевича Чилингарова – азартного болельщика и патриота.

● Вячеслав Владимирович Рукша
генеральный директор «Атомфлота»

Атомоходы прошлого и будущего

Наша первая встреча произошла в далеком 1987 году, в то время, когда Артур Николаевич был начальником экспедиции на атомном ледоколе «Сибирь», на котором я отработал много лет. Уже тогда он представлял собой весомый авторитет – при всем том, был очень прост в общении, что в нем сохранилось до сих пор. Вне сомнения, таких людей, как Чилингаров, много нет и быть не может, что наверное, плохо для нас всех. Из личностей такого масштаба, наверное, могу назвать своего учителя Александра Калиновича Следзюка, который принимал непосредственное участие в строительстве атомного ледокола «Ленин», еще – академика Николая Сидоровича Хлопкина и академика Федора Михайловича Митенкова. На мой взгляд, Чилингаров тоже большой ученый, но еще и большой политик.

Считаю, что самый яркий проект Чилингарова – это когда с помощью нашего атомного ледокола «Россия» на дне океана в точке Северного полюса был размещен флаг Российской Федерации. Это одно из самых важных событий, которое удивило весь мир и еще раз доказало, на что способны мы все, особенно когда есть такие люди, как Артур Николаевич.

Наши черты характера и профессиональные навыки, которыми владеет А. Н. Чилингаров, отличаются. По той причине, что я – человек, который больше вынужден заниматься «железными» делами, управленческими, с очень жесткими требованиями по процедурам, стандартам. А Артур Николаевич – человек «полета». У нас с ним немного разные задачи на пути к одной цели, так что желаю ему летать все выше и выше. Работать в подчинении или в контакте с А. Н. Чилингаровым и трудно, и радостно. Потому что достижение любых высот – это сначала трудности, а затем радость – от того, что ты сумел это сделать.

Сегодня у нас есть очень большое общее дело: поддержка атомного ледокольного флота России. Этот «проект» мы реализуем уже много-много лет, и наконец-то сейчас видно, какое значение развитию Арктического региона уделяется на всех уровнях. Артур Николаевич как никто понимает значимость мощного атомного ледокольного флота для страны с точки зрения всех тех задач, которые у нас стоят в арктическом регионе. Я надеюсь, что, как минимум, при нашей жизни мы сделаем важнейший первый шаг для нового этапа развития атомного ледокольного флота – введем в эксплуатацию три новых атомохода класса ЛК-60Я.

*Значит, уж не так горька
Жизнь на льду полярника,
Как порою кажется издалека!*

*Текст песни участника
дрейфа «СП» В. Пигузова.*

Глава 5

Самое теплое место на земле

Саруханян:

На безоблачном небе сияет весеннее солнце. Ослепительно блестит и искрится поверхность снега. Далеко на горизонте — громадный ледяной барьер с отвесными стенами. Кажется, что мы на дне гигантской чаши. Это только кажется, потому что в действительности там ничего нет, кроме бесконечного восторошенного льда и разводий. Ледяная стена — это только мираж, часто возникающий в Арктике в весеннее время.

Дует слабый северный ветер. Но здесь, под защитой домика, он не ощущается. Можно снять шубу и вытянуться на ящиках, подставляя лицо горячему солнцу. Полная тишина, только рядом что-то монотонно стучит. Скосив глаза, я вижу на соседнем ящике мокрое пятнышко. Снова раздается тихий стук — и от ящика летят мельчайшие ледяные брызги. С края свисает сосулька, на самом кончике которой виднеется капелька воды. Она медленно увеличивается в размерах, потом, вдруг вытянувшись, отрывается и с тихим стуком падает на ящик. В Арктику приходит весна.

Из-за домика, зажмурив глаза от яркого света и вытянув черные носы, выскочили Машка с Филькой: наши медвежата. Играя, они опрометью кинулись на метеоплощадку. Там Филька полез в осадкомер, а Машка принялась грациозно раскачиваться на актинометрическом кабеле. Это уже безобразие. Я поднимаюсь с ящика, беру первую попавшуюся под руки доску и иду к ним. Пришлось стукнуть пару раз по мягким пушистым задкам. Медвежата недовольно ворчат, огрызаются и нехотя покидают площадку. Филька и Машка

появились у нас в дни переезда лагеря с обломка на основную часть острова. Их привезли вертолетчики в подарок от полярников с острова Жохова. Медвежата были тогда совсем маленькими, вероятно, не больше двух недель от роду. Валя кормил их с блюдечка разведенным стуженным молоком, брал каждого за загривок и тыкал мордочкой в теплое молоко. Шефство над ними сразу же взял пес Васька. Грозный страж днем и ночью дежурил возле аэрологической палатки, куда поместили медвежат, и никого, кроме Вали и аэрологов, туда не пускал. Иное дело Варнак. Этот выдавший виды медвежатник не выносил медвежьего запаха и при виде двух маленьких клубков белой шерсти рычал и скалил зубы. Медвежата быстро подросли, покинули свою «люльку» и стали общими любимцами. Поселились они в большом ящике около кают-компания. При виде Вали мгновенно выскакивали из ящика, нетерпеливо кидались к нему и не успокаивались до тех пор, пока тот не ставил большую кастрюлю с едой. Ели они жадно, урча от удовольствия и стараясь отпихнуть друг друга как можно дальше. Иногда места все же не хватало, и тогда раздавался оглушительный душераздирающий визг, опрокинутая кастрюля летела в сторону, а медвежата, вцепившись один в другого, катались по снегу. Валя награждал их солидными тумачами, разгонял по сторонам и через некоторое время вновь выносил полную кастрюлю.

После еды разомлевшие медвежата растягивались на солнышке. Рядом с ними устраивался Васька, и довольные медвежата, сонно урча, утыкались мордочками в его густую шерсть.

А солнце с каждым днем светит все дольше. Как-то незаметно исчезла ночь, уступив место непрерывному свету. В Арктику пришла весна. Она принесла нам теплое дыхание пробуждающейся где-то далеко на юге земли, тоску по родным местам, по зеленой траве, запаху цветов.

Весна принесла и первые заботы: начался весенний завоз продовольствия и оборудования. На станции появились новые люди — летчики полярной авиации, группа руководителя полетов, журналисты, корреспонденты. Произошли некоторые изменения и в составе нашей экспедиции. Улетел в Ленинград Вадим Углев, вместо него прибыл молодой гидролог Павел Селезнев. В программу наблюдений станции добавилось изучение слоев ионосферы с помощью радиоволн и наблюдение за искусственными спутниками Земли. Для проведения таких наблюдений на станцию прибыли три специалиста, три Юры: Струин, Иванов и Молочников.

В начале мая Павел Афанасьевич Гордиенко, командовавший теперь экспедицией «Север-22», прислал радиogramму:

СП-19 ЧИЛИНГАРОВУ
ПЛАНИРУЮ ВАМ БОЛГАРИНА КАРАСЛАВОВА
НЕМЦА ФРАЙЕРА СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ
ФИША ТЧК ГОСТИ БУДУТ НЕДЕЛЮ ГОРДИЕНКО

Евсеев:

Получив такую телеграмму, Артур озадачился: как же они полетят в такую дорогу? Ведь Караславов и Фиш уже пожилые люди. Как мы будем их встречать? — спрашивал он нас. Мы только пожимали плечами, так же недоумевая, как Георгий Караславов и Геннадий Фиш решились отправиться в столь трудный путь.

После получения телеграммы прошло около двух недель. Занятые повседневными делами, мы уже успели забыть о ней, как вдруг однажды утром с ВПП позвонил Артур:

— Миша, приехали, встречайте... Не они... сыновья, отличные ребята!

Как обычно, Артур говорил быстро и отрывисто.

— Кто они, чьи сыновья, какие ребята? — остановил я его.

— Да писатели... — с нетерпением продолжал Артур. — К нам приехали Слав Караславов, Радий Фиш и Пауль Фрайер. Слав из Софии, Радий из Москвы, Пауль из Берлина.

Через два часа в лагерь пришел трактор. С волокуши сошли три новых человека и, поживаясь от непривычного холода, прошли в домик Артура.

Вечером в кают-компании Артур представил гостей ребятам. Писатели жали руки, с интересом вглядываясь в каждого. Слав очень хорошо говорил по-русски и скоро нашел общий язык со всеми. Паулю Радий переводил на немецкий.

На следующий день ранним утром дверь нашего домика широко распахнулась — и на пороге показался Артур, а за ним виднелась массивная фигура Слава Караславова.

— Миша, принимай гостя, — сказал Артур и, посторонившись, пропустил Слава вперед. Слав прошел в домик, с интересом рассматривая радиорубку и метеокабинет.

— Ребята, я хотел бы поговорить с вами, побольше узнать о вашей работе, о вас, — сказал Слав.

— Ну, ты уже знаешь, это вот Миша, это Валера. Они как раз сегодня на вахте, — скороговоркой произнес Артур. — А вот идут Виталий и Леня, — добавил он, увидев входящих Прозорова и Васильева. Слав пожал всем руки.

— Вы надолго к нам? — спросил Виталий.

— Знаете что, — сказал Слав, — давайте сразу договоримся, без всяких «вы». Я ненамного старше вас, так что давайте обращаться друг к другу на «ты».

Я предложил Славу присесть на топчан. Виталий вытащил из угла три запасных осадкомерных ведра, перевернул их вверх дном и положил сверху доску.

— Стол готов, — объявил он.

На столе появились коньяк, лимоны, банки с консервами, орехи.

— Я много ездил по Союзу, — начал Слав, — был в Средней Азии, в Сибири. В иркутской тайге охотился на медведя. У меня дома до сих пор лежит его шкура. Для моей коллекции не хватает только полярной шапки. Побывать на СП было моей давнишней мечтой, и я рад, что она наконец осуществилась.

Артур налил всем коньяку, предложил тост за встречу. Слав немного отпил и поставил рюмку.

— Вы не думайте, что я такой трезвенник, — сказал он. — Просто у меня сейчас побаливает желудок, и я не пью.

— А ты хорошо говоришь по-русски, — заметил Леонид, — как все мы...

— Ну конечно, как вы, — сказал Слав. — Я же учился в Москве во ВГИКе и русский язык знаю так же хорошо, как и болгарский.

— Русский и болгарский языки очень похожи, — вставил Валера.

— Ну нет, — ответил Слав. — Я всегда доказывал, что русский и болгарский языки совершенно не похожи. Во-первых, в болгарском языке нет падежей; во-вторых, больше времен, чем у русского. Нет, совершенно не похожие языки, — еще раз заключил Слав. — Вообще, ребята, писателем я стал случайно. Я профессиональный летчик, много лет работал в авиации. Знаете, какое испытал я чувство, когда сейчас летел к вам и пилот Ил-14, узнав, что я бывший летчик, доверил мне штурвал! Я в течение сорока минут вел самолет, — с гордостью сказал он.

— Ну, а как же ты стал писателем? — допытывался Леонид.

— Однажды над Черным морем мне пришлось спасти попавших в беду рыбаков, — начал Слав. — Мне захотелось написать про этот эпизод. Я написал и показал отцу. Он прочел, сказал, что написано плохо, и велел переписать. Я переписал и еще раз показал отцу. Он снова посоветовал переписать еще раз. И так я переписывал рассказ семнадцать раз, после чего послал его в один из журналов. К моему удивлению, рассказ тут же напечатали. После этого были еще рассказы, а потом уже началась серьезная писательская работа.

И Слав увлеченно стал рассказывать о своей работе. До позднего вечера просидели мы впятером в домике. Слав больше рассказывал о себе, чем расспрашивал нас. И это нам нравилось.

Назавтра нашим гостем был Пауль. Он сел на топчан, вынул записную книжку и выжидательно посмотрел на меня. Я начал рассказывать о метеорологической службе на станции, о выполнении программы научных наблюдений. Радий переводил. В трудных случаях, когда фразы были слишком длинными и насыщены специальными терминами, Радий, улыбаясь, долго подыскивал подходящие слова, я спешил ему на помощь и пытался объяснить Паулю по-английски, который он хорошо знал. Аккуратно записав все в книжку, Пауль взялся руками за голову и, не глядя ни на кого, быстро заговорил.

— Что он говорит? — поинтересовался Леонид.

— Он говорит, — начал переводить Радий, — он говорит, что в голове у него все перемешалось. Он работал над сценарием, посвященным Альберту Швейцеру... Он был недавно в Африке, в Габоне, и встречался со Швейцером, который тогда был еще жив... Теперь после тропиков — Арктика... Лед, холод... День — днем и день — ночью. У него полное смешение чувств, — добавил он улыбаясь.

Пауль кончил говорить и посмотрел на нас. Остановил свой взгляд на Леониде Васильеве, что-то сказал.

— Интересно, сколько тебе лет, — перевел Радий, — где учился, какая специальность.

Леонид ответил, добавив, что в войну был подростком, находился в заблокированном Ленинграде. При слове «блокада» лицо у Пауля страдальчески сморщилось.

— А где вы были во время войны? — спросил Валера.

Радий перевел. Пауль тяжело вздохнул и заговорил.

— Он говорит, — переводил Радий, — что в войну служил на флоте. Война — это ужасно... Он был штурманом на крейсере «Принц Евге-

ний», участвовал в операциях против английского флота в Северном море. Хорошо помнит бой крейсера с английскими кораблями. Это было в Ла-Манше. Туман... Потом туман внезапно рассеялся, и они оказались на виду у английских кораблей. Начался бой. Потом плен... В Голландии. Там выучил английский. Теперь живет в Берлине.

Пауль махнул рукой, сказал еще несколько слов и замолк.

— Хватит о войне, — перевел Радий. — Давайте лучше о чем-нибудь другом...

Леонид подвел Пауля к радию и стал рассказывать о своей работе.

Перед уходом Пауль подарил мне фотографию, на которой он стоит рядом с Альбертом Швейцером. Я бережно храню ее.

Саруханян:

Прошло два дня пребывания наших гостей на льдине. Слав уже заполнил половину своей записной книжки, Пауль с Радием успели прогуляться без разрешения к торосам и схлопотать выговор от Артура. Но для полной экзотики им явно не хватает появления белого медведя. Пауль, который повидал в Африке и львов, и крокодилов, просто не представляет, как он вернется из Арктики, ни разу не встретив «хозяина белого безмолвия». Слав более сдержан, но и у него нет-нет да и прорвется порой:

— Неужели не придет?

Что касается нас, то мы увидать медведя не жаждем. Наверное, поэтому он и пришел.

Резкий звонок телефона разбудил нас за полчаса до подъема. Артур взял трубку.

— В лагере медведь... — услышал я взволнованный голос дежурного. — Рядом с домиком гидрологов.

— Что случилось? — свесил голову с верхней койки Слав.

— Медведь! — коротко бросил Артур. И в ту же секунду девяносто килограммов нашего гостя грохнулись на пол. Кое-как натянув унты, он пулей вылетел из домика. Артур выбежал следом, бросив мне:

— Обзвони ребят по вахтам, предупреди...

Позвонив аэрологам и радистам, я выскочил из домика и побежал к гидрологам, схватив висящий у двери карабин.

От радиорубки бежали Виталий и Леня.

— Судаков, — кричал дежурному Леня, — пока не выгонишь медведя из лагеря, дежурство не приму!

В домике гидрологов поспешно одевались Пауль и Радий.

— Где он?

— Да вот, рядом...

На белом снегу медведь отчетливо выделялся светло-желтой шерстью. Мягко ступая, он лениво огрызался на наскоки Варнака, как-то нехотя поворачивая свою крупную красивую голову. Остальные собаки держались поодаль.

Слав уже был в нескольких шагах. Забегая то с одной, то с другой стороны, он щелкал затвором, стараясь подобраться как можно ближе.

— Слав, не увлекайся! — предостерегающе крикнул Артур. Медведь вдруг круто повернул и пошел на нас. Я вскинул карабин.

— Не стреляй! — крикнул кто-то.

— Да я в воздух...

За моей спиной Артур выпалил из ракетницы. Медведь остановился, удивленный новым непонятным звуком.

— Смотри! Филька! — закричал вдруг Михаил Иванович, и мы увидели, как, проскочив мимо нас, к медведю катится наш медвежонок. Машка приотставала.

— Разорвет Фильку! — воскликнул кто-то. Действительно, медведь весь подобрался и, не обращая внимания на Варнака, который пытался ухватить его сзади, резко выбросил вперед правую лапу. Едва увернувшись, Филька бросился к нам. Медведь рванулся за ним.

— В домик, все в домик! — закричал Артур. В одно мгновение меня вместе с карабином и псом Васькой втолкнули в маленький тамбур и прижали к стене. С трудом повернувшись, я увидел, что Артуру и Славу места уже не хватает.

Выстрел...

— Есть! — услышал я чей-то возглас.

Выбравшись из домика, мы увидели в нескольких шагах лежащего зверя, а на крыше соседнего домика Виталия с карабином в руках.

— Кто разрешил стрелять? — выкрикнул Артур.

— А что, было бы лучше, если бы он прихватил Слава? — возразил Виталий.

— Да, мне стало грустно, когда я увидел, что в этой очереди я последний, — улыбнулся Слав.

Пауль укоризненно качает головой и что-то тихо говорит.

— Жаль зверя, — перевел Радий.

— Объясни ты ему, что не было другого выхода!

— Что объяснять, он и сам видел. Но все равно жаль.

Филька весь еще во власти пережитого. Он жметя к ногам Пауля и мелко-мелко дрожит.

— Филя... Филя, — успокаивает его Пауль.

Вечером Пауль и Радий сидят в нашем домике, и Пауль что-то горячо мне говорит, поднимает руки, делая вид, что прицеливается, потом прижимает руку к сердцу.

— Он очень рад, что ты не стрелял, — переводит Радий. — Каждый раз, как только ты поднимал карабин, у него опускалось сердце. Он не хотел, чтобы ты стрелял. Он говорит, что последний раз стрелял по человеку в 1944 году, потом бросил оружие и сказал себе: «Пауль, ты больше никогда не выстрелишь по живому существу». И очень боялся, что ты сегодня будешь стрелять...

— Но ведь не стрелять было нельзя...

— Не... надо стрелять! — мешая русские и немецкие слова, с трудом произнес Пауль.

От всех:

Не надо стрелять. Кому, как не нам, потерявшим в войне отцов и братьев, понятно это?

— Я рос без отца, — говорил Виталий Прозоров вечером следующего дня, когда мы собрались в каюте отпраздновать День Победы. — Мой отец, как и сотни других, погиб на войне. Сейчас у меня растет сын Сережка. Так давайте за то, чтобы дети никогда не теряли отцов.

На глазах у Пауля слезы...

— Дорогие друзья, — произнес он. — Я воевал на неправой стороне. Сейчас мне горько и тяжело об этом говорить. Я только с радостью могу сказать, что победила в этой войне правда, победила над злом и несправедливостью. Пусть никогда не будет больше войн.

— Сегодня утром мы с Паулем собрались на припай, — заговорил Радий. — Артур, увидев, что мы уходим без оружия, протянул Паулю карабин. «Как, оружие — немцу?» — мелькнула у меня в голове сумасшедшая мысль. Я автоматически шагнул в сторону и посмотрел на Пауля. На его лице я увидел вдруг растерянность и недоумение. По-видимому, он подумал то же самое: «Как, мне, немцу, русский дает в руки оружие?». Через минуту это состояние прошло, и мы как ни в чем не бывало пошли к припаю. Но, видно, нам, поколению воевавших, на всю жизнь суждено носить отпечаток войны. Так пусть этого не будет у вас.

В каюте становится все шумнее. Час назад прилетел Ли-2 с группой полярников, перебрасываемых на СП-18, а сейчас садится второй самолет. На нем наши коллеги: члены высокоширотной экспедиции «Север-22».

— Дежурный, тарелки! Тарелок не хватает!

— Валя, давай сардельки, видишь, на столах уже пусто, — командует Артур.

— Сейчас, сейчас, — отвечает Валя и бежит на склад. Достается ему сегодня. Обед он приготовил великолепный: куриный суп, шашлык, масса закусок.

— Стол у вас, как в ресторане «Арбат», — сказал Слав, когда пиршество только начиналось.

Но сейчас уже все подобрано, и Валя срочно готовит резервные блюда. Из кают-компания вышел Пауль. Он с наслаждением вдохнул свежий морозный воздух, посмотрел в сторону и вдруг с ужасом воскликнул:

— Майн готт, неужели я так пьян, что у меня двоится в глазах? Ведь там был только один самолет?

Грустно расставаться с людьми, которые больше недели прожили с нами одной семьей и, по сути дела, стали членами нашего коллектива.

Слав, Пауль и Радий уже собрались в дорогу. Самолет через два часа. С ними улетают и Филька с Машкой. «Столкновение держав» из-за того, кому подарят медвежат, разрешилось мирным путем. Филька летит в Берлин, а Машка — в Софию. Нам грустно расставаться с любимцами, но делать нечего: через месяц они уже будут неукротимы. Уже сейчас Филька после пинка не откатывается в сторону, а мрачно сопит и смотрит на тебя.

— Это он тебя запоминает, — смеются ребята. Последний раз собрались все вместе в каюте.

В руках бокалы шампанского. У наших друзей в бокалах значки «Участник дрейфа СП». Такова традиция. Осушив бокалы, они прикалывают значки на грудь. Артур вручает каждому памятный Диплом о дрейфе.

«Настоящий диплом свидетельствует о том, что гражданин Германской Демократической Республики, писатель Пауль Герберт Фрайер, с 6 по 14 мая 1970 года находился на советской комсомольско-молодежной дрейфующей станции „Северный полюс-19“ и, по-братски разделяя с участниками дрейфа все радости и трудности, продрейфовал на ледяном острове к Северному полюсу 30 миль».

— Борт через сорок минут, — сообщает Валера. Прощаемся. Слав, Пауль и Радий выходят из каюты, усаживаются на волокушу. Укрываем их шубами, спальными мешками: к вечеру мороз крепчает, а путь до полосы неблизкий. Рядом пристраиваем деревянные клетки с медвежатами. Те рычат, возятся, неволя им явно не по нутру. Артур дает ракету — и трактор трогается.

На волокуше три фигуры долго машут руками, делаясь все меньше и меньше, пока не исчезают совсем на фоне ослепительно белой равнины.

МОСКВА – СП-19

ЧИЛИНГАРОВУ ВОРОБЬЕВУ РЕМЕЗУ САРУХАНИЯНУ
СМЕЛКОВУ СЕРИКОВУ ЕВСЕЕВУ ПРОЗОРОВУ
ВОЛДАЕВУ САФРОНОВУ ВАСИЛЬЕВУ КРИВОШЕИНУ
БЫКОВУ СУДАКОВУ ДОНДУКОВУ ГОРБУНОВУ
СЕЛЕЗНЕВУ СТРУИНУ ИВАНОВУ МОЛОЧНИКОВУ
САМОЕ ТЕПЛОЕ МЕСТО НА ЗЕМЛЕ СЕВЕРНЫЙ
ПОЛЮС 19 ДУМАЕМ О ВАС МАША С ФИЛЬКОЙ
ЗДОРОВЫ АХТУНГ СЛАВ ПАУЛЬ РАДИЙ

ВСПОМИНАЕТ

● **Владимир Михайлович Грузинов**
 заместитель директора Государственного океанографического
 института им. Зубова, профессор

Как Чилингаров был не первым

Лет 10 назад мы были в штаб-квартире норвежской нефтяной государственной компании «Статойл», и нас пригласили посетить плавучую буровую установку в Северном море. Поздно вечером в штормовую погоду мы прилетели на вертолете на платформу «Гюльфакс» (примерно как наша «Приразломная»), и нам вдруг предложили: «А не хотели бы вы опуститься на дно Северного моря?». Чилингаров говорит: «Конечно! Мы готовы! Это же так интересно – опуститься и посмотреть – что там происходит на дне моря в самой его середине?». Когда мы оказались на дне, Чилингаров говорит: «А знаешь, мы наверное, первые из России оказались на дне Северного моря...». Лифт опустился, и мы увидели, что в самом низу норвежские строители организовали небольшой бетонный холл. Каково же было наше удивление, когда на стене около шахты лифта мы обнаружили надпись углем: «здесь были Вася и Петя из Тюмени!»! Тогда Артур Николаевич очень удивился: «Вот видишь, мы думали что мы первые, а тут и до нас уже были люди!».

Гордость армянской диаспоры

В марте 2014 года мы возвращались с международной конференции через Лос-Анджелес, и нашей группе предстояло провести в аэропорту в ожидании своего рейса больше 10 часов, начиная с 5 утра. Мои товарищи говорят: «Владимир Михайлович, ну что ж мы будем сидеть, ты не мог бы устроить экскурсию? Здесь же в порту стоит в качестве исторического объекта большой пароход „Куин Мэри“...» – «Хорошенькое дело! – говорю. – Как же я устрою вам экскурсию? Так рано, никого знакомых, никакой тур мы купить не можем. Я сомневаюсь, но попробую». Попытался взять напрокат машину – не удалось,

а вот водитель такси, к которому я обратился, неожиданно предложил говорить по-русски. Я обрадовался, пригляделся к нему:

– Вы случайно не армянин?

– Да.

– А если назову вам одну фамилию вашего соотечественника – вы ее знаете?

Артур Чилингаров?

– Ну как же! Конечно, я знаю! А куда вы хотите поехать?

– На «Куин Мэри».

– Конечно, пожалуйста! Ради Артура Николаевича, этого известного человека, конечно отвезу!

– Сколько?

– Нисколько! Садитесь!

Товарищи мои были страшно удивлены и обрадованы. Оказалось, что в этой диаспоре все очень хорошо знают Чилингарова, и магия его имени помогла нам не просто посетить «Куин Мэри», но и подружиться с этими людьми, которые нас тепло встретили и хорошо провожали.

Не предел!

*«Две золотых звезды Героя –
Предмет для гордости, не скрою,
Как отражение славных дел.
Но... может, это не предел?»*

Мало того что Чилингаров на ледоколе впервые пришел на Северный полюс, мало того, что он на одномоторном самолете долетел до Южного полюса, мало того, что он погрузился впервые на глубину 4300 метров в географической точке Северного полюса в Северном Ледовитом океане – есть еще один проект, который он придумал и который мы вместе пока не смогли осуществить по не зависящим от нас причинам. Это проект буксировки айсберга из Антарктики на Ближний Восток. В мире дефицит пресной воды, в то же время имеются ее громадные запасы в Антарктиде, и это один из самых неиспользуемых ресурсов на земле! По инициативе Чилингарова были привлечены специалисты НИИ кораблестроения Крылова, просчитали и даже построили модели реализации проекта. Это то, что еще предстоит сделать, и Чилингаров об этом не забыл.

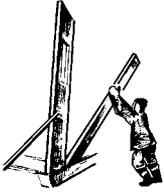
● *Николай Александрович Корнилов*
 ученый-полярник, Герой Социалистического Труда,
 вице-президент Ассоциации полярников Российской Федерации

Разумный риск

Однажды, в 1966 году, возникла у нас чрезвычайная ситуация. Чилингаров тогда был комсомольским вожакom в Тикси и одновременно младшим научным сотрудником в обсерватории, я работал там же и был начальником высокоширотной экспедиции 7–18. Наша дрейфующая станция Северный полюс-14, которой руководил Ю. Б. Константинов, 27 января 1966 года уперлась в остров Жаннету. Это была трагедия, потому что за время стоянки размер льдины сократился и стал всего 200 на 100 метров. К тому времени все работы были закончены, полярная ночь, мы были в Ленинграде, но нам срочно пришлось вылетать в Тикси. Там я снова встретился с Артуром, и он попросил: «Возьмите меня, пожалуйста, я хочу посмотреть!». Он был (и есть!) настоящий полярник и настоящий мужик! Вот мы с ним полетели и увидели, что стало со льдиной у Юры Константинова, какая она маленькая, как зажимало ее! Уже нельзя было работать и нужно было всех эвакуировать на землю, поэтому мы приняли решение закрыть станцию. Этот яркий случай я хорошо помню. Размер льдины был уже 100 метров на 80 метров – никакой самолет там не посадишь, поэтому мы привлекли вертолет МИ-4 (тогда 7-х и 8-х еще не было) и таким вертолетом снимали людей и перевозили на остров Жохово, на расстояние 120 км, а оттуда уже на материк. Надо было успеть вывезти как можно больше оборудования. Он, конечно, рискованный парень. Но у него всегда преобладал разумный риск. И благодаря этому он зачастую выходил победителем из очень сложных ситуаций. СП-19 работала в 1970 году, а СП-14 в 1966-м. Именно тогда закладывался тот самый опыт, который позволил ему быть эффективным и на СП-19. И потом «рискованный парень» Артур еще многократно проявлял себя и этот свой «оправданный риск». Например, когда он был начальником экспедиции

на ледоколе «Владивосток» и они шли выручать из дрейфа «Михаил Сомов», а самое, пожалуй, впечатляющее, это когда 32-ю начало ломать в районе пролива Фрама, на границе Северного Ледовитого и Атлантического океанов! Колоссальный талант организатора и плюс разумный риск помогли ему и здесь очень быстро собрать всех и организовать спасение. Не забывал он и науку – и доктором стал, и академиком. Все закономерно, это движение и есть суть его личности.

*Путаясь в меридианах,
На мели крошась,
К полюсу по океану
Движем не спеша.*

*Текст песни участника
дрейфа «СП» В. Пигузова.*

Глава 6

Надо льдами, во льдах и подо льдами

Евсеев:

У меня дома до сих пор хранится географический атлас 1912 года издания. В нем на месте Арктики можно увидеть белое пятно — не знали в то время люди ничего, что творится в окрестностях полюса.

В начале тридцатых годов нашего века географическое белое пятно исчезло; стало ясно, что в приполюсном районе суши нет. Однако в наших знаниях о «подвале» и «чердаке» Арктики, то есть об океане и атмосфере, пресловутое «белое пятно» существовало еще долго.

Первые сведения об арктической атмосфере в центре Ледовитого океана были основаны на единичных и крайне редких метеорологических наблюдениях, выполненных энтузиастами первых экспедиций. Самая первая гипотеза была довольно проста: в Центральной Арктике всегда располагается область повышенного давления, или, как называют ее специалисты, антициклон. В начале шестидесятых годов мне приходилось еще встречать специалистов старой школы, которых в те времена просто обязывали рисовать на картах погоды над полюсом область высокого давления.

Следующий этап познания атмосферных полярных районов — это довольно прочно сложившееся мнение, что Арктика — «кухня погоды». Понятие это закрепилось настолько и им так часто пользовались журналисты, что и сейчас нет-нет да и встретишь еще иногда такое высказывание. На самом же деле среди метеорологов эта гипотеза имела «права гражданства» не более, чем десятилетие.

По мере накопления наших знаний о воздушном пространстве Арктики (в основном за счет существования и работы дрейфующих

станций) и об атмосфере в целом стало ясно, что земная атмосфера — это единый сложный механизм, все звенья которого, согласно сложным законам гидротермодинамики, находятся в непрерывном движении и взаимодействии с подстилающей поверхностью (сушей и океаном) с одной стороны, и космосом — с другой.

Арктическая атмосфера поэтому неразрывно связана со всей остальной атмосферой, и в этой связи не представляет какой-то особой области, в которой, как на кухне, «варится» погода.

Это не значит, что в ней нет некоторых особенностей. Отметим прежде всего две из них, которые непосредственно влияют на характер происходящих в ней процессов. Как известно, на любое тело, движущееся в атмосфере или океане, в том числе и на большие массы воды или воздуха, действует так называемая отклоняющая сила вращения Земли, направленная в нашем северном полушарии вправо от направления движения. Эта сила отсутствует на экваторе и максимальна на полюсе. Таким образом, в арктической атмосфере эта сила больше, чем в каком-либо другом регионе Земли, и, следовательно, порождаемые ею эффекты наиболее четко выражены именно в приполюсном районе. А самый главный результат действия этой силы — возникновение вихрей большого масштаба, называемых циклонами. Поэтому в Арктике мы и наблюдаем частое образование и продолжительное существование таких вихрей.

Не менее важна и другая особенность полярной атмосферы: возникающие здесь атмосферные фронты, то есть линии раздела между двумя воздушными массами, обладающими разными свойствами, гораздо более обострены, чем в умеренных или субтропических широтах. Смена воздушной массы над каким-либо районом, или, как говорят специалисты, прохождение атмосферного фронта, вызывает целый ряд явлений, прежде всего усиление ветра, образование облачности и выпадение осадков, затем поворот ветра на другой, часто противоположный румб и в конце концов — резкое потепление или похолодание. Обострение фронта связано прежде всего с более интенсивным проявлением этих явлений, а для Арктики это означает сильные ветры, продолжительные метели и резкие изменения температуры. Атмосферный фронт теснейшим образом связан с циклонами, и, таким образом, в Арктике, где чаще всего наблюдаются циклоны, а значит и фронты, наблюдается крайняя неустойчивость погоды, не свойственная ни одному другому региону Земли.

Это обстоятельство делает работу метеоролога-прогнозиста в Арктике чрезвычайно сложной. Сложность эта усугубляется недостаточным количеством метеорологической информации: обширные пространства Северного Ледовитого океана, по выражению специалистов, плохо освещены данными наблюдений, то есть непосредственными измерениями скорости и направления ветра, температуры воздуха, осадков, облачности и т. д. (Информации с метеорологических искусственных спутников Земли тогда еще практически не было, и сеть наземных станций составляла главную основу всей службы погоды.)

Кроме того, находясь на дрейфующей станции, прогнозист в силу ограниченных технических возможностей не может иметь всей необходимой информации, которой располагает специалист в крупном прогностическом центре.

А прогнозировать, между тем, надо. Конечно, не для того, чтобы сообщить начальнику или коллегам, какая завтра будет погода, хотя и такая информация бывает крайне необходима, особенно в экстремальных случаях.

Специальный прогноз погоды совершенно необходим авиаторам, совершающим длительные рейсы с материковых аэродромов на дрейфующий лед в период осенне-весенних завозов оборудования, продовольствия и смены зимовочного состава.

Вот тут-то и проявляется степень «умения» специалиста — при минимальном количестве исходной информации составить прогноз погоды на десять-двенадцать часов для полетов самолетов. Ответственность за такие прогнозы особая: невозможность посадки на льдину по причине плохих погодных условий почти автоматически означает возврат самолета на базу. Десятки тысяч рублей полетят на ветер. А если аэродром находится далеко от базы, то может возникнуть ситуация, когда на обратный путь не хватит горючего, и тогда... вынужденная посадка на лед с почти неизбежной в таких случаях поломкой самолета, а может быть, и гибелью экипажа.

В полной мере эту ответственность мне пришлось почувствовать в конце апреля и начале мая, когда началась весенняя высокоширотная экспедиция и на нашу льдину регулярно начали летать самолеты.

Наша радиорубка была оборудована переносным приемным фототелеграфным аппаратом, благодаря которому я мог получать метеорологическую информацию из Певекского бюро погоды. Это были так называемые кольцевые карты погоды, на которые наносится

информация нескольких береговых и островных станций. Большая часть такой карты представляла собой самое натуральное белое пятно, в центре которого находился наш остров.

Получив первую такую пустую карту, я схватился за голову и погружился в глубокое раздумье.

Из этого состояния меня вывел голос Леонида Васильева:

— Миша, чего спишь, давай прогноз, самолет просит, вылетать пора.

Делать нечего. Я вышел на улицу и посмотрел на небо. На нем не было ни облачка и ничто не предвещало ухудшения погоды, то есть, говоря научным языком, прохождения какого-нибудь фронта. Правда, вернувшись в радиорубку и вновь посмотрев на карту, я заметил, что на крайней восточной станции на Новосибирских островах нанесен подозрительно сильный ветер и откуда-то появилась облачность. Однако, решив, что это далеко от нас, я передал благоприятный для летчиков прогноз на ближайшие 12 часов и стал ждать.

Через полчаса Леня сообщил, что самолет вылетел. Погода была по-прежнему отличная. Через три часа я принял новую карту. Над Новосибирскими островами было безоблачно и дул слабый ветер. У нас — так же тихо, светит солнце и видимость, как говорят летчики, «миллион на миллион».

Вроде все хорошо, решил я. Самолет уже пролетел половину пути, ничего не будет.

Еще через два часа небо стало, однако, подозрительно хмуриться. Невесть откуда взялись клочковатые белые и низко плывущие облака, усилился ветер. Я лихорадочно перебирал две кольцевые карты, пытаюсь понять, откуда же все это взялось. Начинается метель в сочетании с низкой облачностью, а через час должен садиться самолет!

— Леня, где самолет? — крикнул я.

— Минут через сорок будет здесь.

Началось состязание в беге: кто скорее — атмосферный фронт или самолет. Теперь-то я понял, что подозрительное усиление ветра над Новосибирскими островами — результат прохождения фронта и я недооценил ни его активность, ни скорость перемещения. За шесть часов он прошел с юго-запада на северо-восток все расстояние, отделявшее нас от этого архипелага. Я, конечно, не мог «засечь» его на этом пути, но обратить внимание на усиление ветра был должен.

Между тем облака уплотнялись, ветер заметно набирал силу. Солнце светило уже через сплошную белую пелену.

— Леня, что передают с самолета?

— Видимость хорошая, снижаются на посадку.

Я вышел из домика. Через несколько минут услышал гул самолета, а еще через мгновение увидел и его силуэт. Сделав глубокий разворот, «Ил» выпустил шасси и зашел на посадку. Из-под колес чиркнула белая полоса снега. Рейс окончен.

С облегчением вздохнув, я отправился в кают-компанию, куда вскоре должны были прийти пилоты.

Погода, однако, испортилась окончательно. Внезапно резко усилился ветер, низкие облака сплошь затянули небо, пошел снег и все вокруг быстро скрылось в белой круговерти метели.

Два с лишним часа бушевала непогода. Летчики, снисходительно посмеиваясь, хлопали меня по плечу.

Первый «блин», однако, сослужил мне хорошую службу. Теперь я знал скорость и направление перемещения фронта и, засекая его над Новосибирскими островами, мог безошибочно предсказывать появление его в районе станции за 5–6 часов.

Следующий период ухудшения погоды я спрогнозировал уже точно. На аэродром в Певек было передано, что через шесть часов на ледяном острове будет снег, метель, видимость менее 1000 метров, то есть условия, неприемлемые для посадки самолетов.

— Валерий, что передают из Певека? — спросил я Кривошеина.

— Самолет вылетел, — коротко ответил он.

Быстро прикинул в уме время вылета, скорость.

Будет здесь как раз в метель. Не послушались! Ну ладно!

— Валера, передай на борт, что через пять часов у нас будет снег, метель, — попросил я его.

Присев к столику, он привычно заработал ключом.

— Что отвечают? — спрашиваю.

— Смеются.

Метель накрыла ледяной остров точно в срок. Сквозь вой ветра был слышен натужный рев двигателей «Ила», делавшего круги чуть ли не над крышами домиков, — выше увидеть посадочные огни аэродрома было невозможно.

Валерий передавал на борт последнюю метеосводку. В ответ слышалось что-то сердито-неразборчивое.

Минут через двадцать, улучив небольшое «окно» в сплошной пелене метели, самолет буквально плюхнулся на полосу.

В кают-компании не слышно было привычных острот и смеха. Летчики молча прожевали антрекоты и так же молча отправились на отдых.

С тех пор экипаж старался летать точно по прогнозу. За праздничным столом 9 мая командир экипажа так подытожил свои впечатления:

— Сначала мы смеялись над этими прогнозами, но это только сначала. Потом один прогноз оправдался, второй, третий... Мы стали летать только по их данным... А потом, потом... Я буквально осатанел! Они все оправдывались!

В отчете экспедиции появился такой отзыв, выданный руководителем полетов Колымского авиаотряда А. Горбачевым:

«Начальнику дрейфующей станции „Северный полюс-19“ тов. Чилингарову А. Н.

Отзыв

Во время полетов экспедиционной авиации на ледовый аэродром СП-19 синоптик дрейфующей станции СП-19 кандидат географических наук Евсеев М. П. подавал регулярно исключительно верные прогнозы погоды района СП-19, позволяющие надежно обеспечить регулярность и безопасность экспедиционных полетов тчк Не было ни единого случая неоправданного прогноза, выдаваемого тов. Евсеевым тчк Руководитель ледового аэродрома СП-19

А. Горбачев».

От всех:

Постепенно спускаясь по этажам атмосферы, мы подошли к рассказу о водной толще океана, по поверхности которого движется наш ледяной «фрегат».

Если писать историю освоения океана, то одними из самых интересных страниц ее будут страницы, рассказывающие об исследованиях в Полярном бассейне и прежде всего о знаменитом дрейфе нансеновского «Фрама». Наблюдения, выполненные норвежской экспедицией с 1893 по 1896 год, впервые позволили определить глубины, температуру, соленость, водные массы, течения и дрейф льда в одной из труднодоступных областей Арктического бассейна, называемой приатлантической котловиной. Она расположена между хребтом Ломоносова, Северной Землей, Землей Франца-Иосифа, Шпицбергенем, порогом Нансена и северными берегами Гренландии. Экспедиция Нансена была, по сути дела, первой научной разведкой Северного Ледовитого

океана. Последовавшие за ней отдельные экспедиции (на американской подводной лодке «Наутилус» и норвежском судне «Квест» в 1931 году, на ледокольном пароходе «Садко» в 1935 и 1937 годах) несколько прояснили картину режима Арктического бассейна, но характер и основные закономерности гидрологического климата Полярного океана оставались тайной за семью печатями.

Требовалось планомерное изучение бассейна в различных районах, и основу этому положили два исторических дрейфа: папанинской станции «Северный полюс-1» в 1937 году и ледокола «Георгий Седов» в 1938—1940 годы. 265 дней, проведенных на льдине папанинцами, и 812 дней дрейфа седовцев дали науке об океане неопределимый по важности материал.

От полюса и до Гренландского моря пересекли Антарктический бассейн первые океанографические разрезы. Зародился новый метод изучения Арктического бассейна экспедициями на дрейфующих льдах и с судов, находящихся в ледовом дрейфе. И в то же время стало ясно, что для всестороннего изучения Полярного бассейна столь длительные экспедиции по произвольному маршруту, диктуемому закономерностями дрейфа льдов, необходимо дополнить кратковременными океанографическими съемками, в течение одного-двух месяцев, но на больших пространствах. Здесь на помощь исследователям должна была прийти полярная авиация, накопившая к тому времени богатый опыт посадок на дрейфующие льды.

Весной 1941 года состоялась первая такая экспедиция Арктического института, возглавляемая И. И. Черевичным и Я. С. Либным. Совершив три посадки на льды в районе Полюса относительной недоступности (83°50' с. ш., 160°00' з. д.), экспедиция выполнила несколько гидрологических станций. Первый опыт подтвердил полную целесообразность экспедиций такого рода. Стало очевидным, что научное освоение Арктического бассейна должно осуществляться по двум направлениям: научно-исследовательскими станциями, находящимися на дрейфующих льдах в течение длительного периода, и высокоширотными экспедициями, которые с помощью самолетов могут покрывать большие пространства, совершая кратковременные посадки на лед. Этот принцип и лег в основу исследований Полярного бассейна в послевоенные годы. За двадцать лет (с 1948 по 1968 гг.) было организовано 18 научно-исследовательских дрейфующих станций «Северный полюс» и 20 высокоширотных экспедиций «Север».

Времена первых научных разведок Арктического океана канули в прошлое. Идет фундаментальное изучение одного из интереснейших объектов Земли.

Когда грунтовая трубка с силой врезается в дно, вбирая колонку грунта, это означает, что мы начали очередную гидрологическую станцию. После взятия проб грунта на различные глубины, называемые горизонтами, опускаются батометры с глубоководными термометрами.

Принесенные ими пробы воды, пройдя гидрохимический анализ, расскажут о химическом составе воды — ее солености на различных горизонтах, содержании в ней кислорода, фосфора, кремния. Вместе с температурными данными эти характеристики помогут распознать воды различного происхождения и узнать их родословную. Относительно теплые и соленые воды несет в Арктический бассейн Атлантика, пресные и богатые кремнием струи стекают в океан с материка, через Берингов пролив проникают в полярные моря тихоокеанские воды.

Если мысленно представить вертикальное сечение Полярного океана, то можно увидеть примерно такую картину. От поверхности до глубины 50—100 метров простираются так называемые арктические поверхностные воды с довольно низкой (до $-1,5^{\circ}\text{C}$) температурой и относительно небольшой соленостью.

От глубин 100—200 метров до горизонта 800—900 метров располагаются атлантические воды с температурой до $2-3^{\circ}\text{C}$ и высокой соленостью.

И далее, отделенные от атлантических километровой толщей промежуточных вод, залегают донные воды. Температура их примерно -1°C , соленость довольно велика.

Такова, однако, лишь средняя картина вертикальной структуры вод Арктического бассейна. От сезона к сезону и от года к году меняются атмосферные условия в высоких широтах северного полушария, меняется количество поступающих в Полярный океан вод различного происхождения и, следовательно, гидрологический режим Арктического бассейна. Изучение его сезонных и многолетних изменений и составляет одну из важных задач исследователей-океанологов. Данные, полученные на дрейфующих станциях, служат им при этом немалую службу.

Влекомый ветрами и течениями, движется наш ледяной остров по причудливой траектории, спроектированной самой природой. И через каждую сотню километров, не реже одного раза в месяц, мы проводим вертикальное зондирование океана, будто разрезаем этот «слоеный пирог» по линии своего дрейфа.

Сразу после выполнения батиметрической станции на те же горизонты опускаются буквопечатающие вертушки, которые автоматически регистрируют направления и скорости течений на различных горизонтах. Благодаря этому мы получаем не только картину распределения температуры и химических элементов по данной вертикали, но и картину динамики водных слоев, что позволяет объяснить различные характеристики поведения вод.

В отличие от метеоролога океанолог находится вне той среды, которую изучает. Метеоролог, по существу, работает на дне огромного воздушного океана, исследуя его свойства. И в этом его положение более выгодно. Океанологам же приходится проникать в толщу вод лишь с помощью приборов. При этом обычно не представляешь, как ведут себя приборы на глубинах, правильно ли расположились они на горизонте и сработал ли вообще тот или иной прибор. Об этом обычно узнаешь, лишь подняв приборы на поверхность. Так было еще совсем недавно.

Сейчас океанолог, вооруженный аквалангом, сам устремляется в морские глубины, его глазам открываются удивительные вещи, представить которые прежде не хватало воображения. Появились и полярные аквалангисты. В институте Арктики и Антарктики трудится группа океанологов-аквалангистов, возглавляемая Владимиром Грищенко. В течение нескольких дней эта группа работала вместе с нами на ледяном острове.

Саруханиян:

С появлением аквалангистов наш коллектив стало лихорадить. К Артуру подходили то Олег Смелков, то доктор, то еще кто-нибудь — и все просили об одном: разрешить окунуться.

— На всех желающих кислорода не хватит, — сказал вечером Артуру Володя Грищенко. — Два баллона я прихватил, пару человек могу опустить под лед, но не более.

— Ну, один уже есть, — сказал Артур, указывая на себя.

— Второй тоже, — тут же добавил я.

— Ты, Саруханиян, отдохнешь. У тебя дети...

— Прежде всего, я руководитель гидрологических работ. Это в-первых. А во-вторых, если кому нельзя опускаться, так это тебе. Как начальник ты не имеешь права оставлять станцию.

— На двоих у меня кислорода хватит, — повторил Володя.

— Да, но тут еще доктор просится и Олег. Скажут, что делаю поблажку другу. Ну, ладно. Первым спущусь я с Володи и минут двадцать поработаю. Потом поднимусь и спрошу кого-нибудь из

твоих, — обратился он к Володе, — есть ли кислород. Пусть отвечают: «Есть немного». Тогда я прикажу опуститься тебе. — Это уже относится ко мне. — Ты отказывайся, но не очень...

— Годится, — сказал Володя, — значит, завтра опустимся вместе, посмотрим нижнюю поверхность припая и отнаблюдаем поведение вертушки на горизонте.

Назавтра под приветственные возгласы собравшихся к гидрологической лунке двинулась процессия. Впереди волокуша с подводным снаряжением, за нею, одетые в легкие водолазные костюмы ярко-оранжевого цвета, Артур и Володя. Щелкают затворы фотокамер.

Подошли к лунке. Вертушка уже на глубине. Володя пошел первым. Последние напутственные слова. На спину Артуру прикрепляются кислородные баллоны, он почти ложится на снег и тяжело соскальзывает в лунку. Вода в проруби вскипает пузырями. Всплывают огромные льдины.

— Ну и ворочает... Надо очищать лунку, а то не выберется.

Вытаскиваем несколько обломков. Пузыри не исчезают. Такое впечатление, что Артур все еще здесь, у проруби. Так и есть. У края лунки возникает оранжевая голова. Муха, которая с группой собак расположилась у лунки, залиvisto лает и рвется к воде. Приняла начальника за нерпу.

Помогаем Артуру выбраться.

— Не иду на глубину. Не хватает веса, — отдышавшись, говорит он.

— Жиру много, — замечает доктор.

— Добавьте железа, — предлагает кто-то из ребят-аквалангистов.

Мы набиваем карманы комбинезона тяжелыми железными грузиками. Кажется, переложили... Из проруби раздалось только бульканье, и Артур сразу же ушел на глубину.

— Так, одним начальником меньше, — удовлетворенно вздохнули в кругу у проруби.

Вода в лунке успокаивается.

— Работают на десяти метрах, — докладывает Гена Кадачигов из группы аквалангистов. У него радиотелефонная связь с Артуром. — Все нормально.

Спустя минут двадцать вновь пузыри. Выбирается Артур, за ним — Володя. Артур бурно дышит:

— Здорово! Очень здорово!

По-моему, от восторга он забыл про нашу инсценировку. Наконец, поймав мой умоляющий взгляд, спохватывается:

— Да, а кислород остался?

В ответ молчание. Тоже забыли...

— Остался кислород?

— А кто его знает...

— Ну ладно. Саруханиян, опускайся...

— Не хочется, — промямлил я. Доктор, однако, подозрительно смотрит на меня.

— Я тебе приказываю, — настаивает Артур.

Повторения не требуется. Я несусь к палатке и на бегу слышу голос Гены Горбунова:

— Все ясно. Армяне сговорились!

Надев шерстяной костюм, я с помощью ребят натягиваю резиновый комбинезон со шлемом. Поверх него пояс с набором железных грузов. Гена подключает микрофон и наушники. Когда на спину подвешивают еще баллоны, я уже еле стою. А нужно еще подойти к проруби.

Промываю маску морской водой, чтобы не запотела. Первым опять уходит Володя. Я следом. Медленно погружаюсь. Мимо с трубным звуком проносятся пузыри воздуха. Вода постепенно обжимает комбинезон вокруг тела.

Еще ниже. Резкая боль в ушах. Вспомнил Володину инструкцию: сразу наверх. Ах, черт, неужели не удастся погрузиться? Поднимаюсь чуть повыше — боль несколько меньше.

— Что случилось? — слышу в наушниках.

— Уши... Резкая боль в ушах.

— Глотай.

Глотаю. Боль не утихает. Может, рвануть вниз и сразу пройдет? Нельзя. Вспоминаю Володину предостережение — проткнешь перепонку.

— Надо поднимать, — слышу голос доктора.

— Пусть доктор не беспокоится, не поднимаюсь.

Неужели придется выходить? Подплывает Володя. Знаками спрашивает, что случилось. Показываю на уши.

— Двигай нижней челюстью, — доносится сверху.

Пытаюсь. Вроде бы легче. Осторожно, держась за трос, на котором подвешена вертушка, опускаюсь на метр, еще на метр. Боль не усиливается. Терпеть можно.

Глубина 10 метров. Белое тело вертушки. Володя показывает: «За мной». Куда-то движемся. Боль вроде бы совсем утихла. Оглядываюсь вокруг.

Ну и красотища! Сквозь голубые окна снежниц льется свет. Вода то голубая, то зеленая; в ее подвижной, переливающейся массе зыбкие очертания ледяных скал, фантастические ледяные скульптуры, которые оживают в бликах света. Сталактитами свисают потоки талых вод, замерзшие в своем движении. Над головой, во льду, необычайной архитектуры пещеры. Как были бедны наши представления о нижней поверхности льда — она казалась нам ровной и гладкой, как стол. «Пошли обратно?» — показывает Володя. Трудно сказать, сколько времени прошло. Холод постепенно проникает сквозь комбинезон. Но уходить не хочется.

Приближаемся к вертушке. В руках у Грищенко фотоаппарат в специальном боксе. Несколько фотоснимков. Затем Володя поднимает большой палец. «Наверх».

В последний раз окинув взглядом все это подводное великолепие, поднимаюсь на поверхность.

От всех:

Аквалангистов, побывавших подо льдами Северного Ледовитого океана, пока еще можно пересчитать по пальцам. Но перспективность таких исследований очевидна. Многие загадки океана будут разрешены, если человек продолжит исследование океана «изнутри», находясь в непосредственном окружении среды.

Продолжая рассказ об изучении Полярного бассейна, необходимо заметить, что не всегда и не во всем удается следовать при этом букве программы, составленной еще в институте. «Местные условия» вносят свои поправки. Когда мы еще только готовились к дрейфу, предполагалось, что ледяной остров вскоре выйдет на большие глубины, а затем будет пересекать район, простирающийся над подводным хребтом Ломоносова. Исходя из этого ставились и задачи экспедиции: особое внимание требовалось уделить изучению глубинных течений. Случилось, однако, иначе. Вначале ледяной остров довольно долго петлял, кружился в одном районе, вблизи островов Де-Лонга, пока не налетел на мель. После этого события его дрейф заметно увеличился. Избавившись от одной пятой своего объема, наш «фрегат» словно сбросил с борта балласт и резко увеличил ход. В течение весны и начала лета мы шли на северо-запад так, что «только столбики мелькали». Остались за кормой острова. Гористая поверхность острова Беннетта долго белела на горизонте, но было уже трудно разобрать, остров ли это или арктический мираж.

К концу лета сильными северными ветрами остров был вновь отброшен почти к самой 77-й параллели, и совсем рядом мы увидели скалистые очертания острова Генриетты. Словом, к концу годичного дрейфа ледяной остров все еще находился «в предгорьях» хребта Ломоносова, и об изучении глубинных течений не могло быть и речи. Однако изучение подводных течений и особенно дрейфа ледяного острова в этом районе имело особый смысл. Во-первых, именно здесь, к северу от Новосибирских островов, наблюдаются довольно развитые приливные явления. Достаточно сказать, что высота полусуточного прилива у острова Котельного достигает 1,5–2 метров. Следовательно, именно в этом районе наиболее активно проявляются и приливо-отливные течения. Наблюдая их в районе, где материковая отмель переходит в ложе океана, мы получаем интересные данные о преобразовании приливной волны на мелководье. Этот вопрос еще во многом не исследован. Во-вторых, мало изучен вопрос о характере дрейфа ледяных островов. Имеются некоторые сведения о дрейфе ледяного острова «Т-3», на котором размещалась американская дрейфующая станция, но сведения эти довольно скудны.

Итак, все было за то, чтобы мы увеличили количество суточных станций при наблюдениях над течениями, выполнили станции продолжительностью пятнадцать суток. При этом необходимо было каждый час измерять дрейф острова простейшим, но довольно точным и надежным лотовым способом. Такие работы были выполнены, и, по-видимому, наши наблюдения помогут выяснению тех вопросов, о которых шла речь. Но даже сейчас построенная по этим данным траектория дрейфа острова в течение нескольких суток представляет очень любопытную картину. Перемещаясь под действием ветра в каком-то определенном направлении, остров в то же время каждые полсуток описывает эллипс, так что в целом его траектория представляет собой спираль.

Обычно дрейф острова ото дня ко дню определяется с помощью астрономических наблюдений по солнцу или по звездам. Выполнение таких определений — тоже один из разделов нашей программы. Однако астрономические определения, которые производятся раз в сутки, не дают столь детальной картины дрейфа, как ежечасные наблюдения с помощью обыкновенного лота, и не позволяют судить о приливных перемещениях льдов в течение суток.

В то же время, если внимательно посмотреть на траекторию дрейфа острова, построенную по данным астрономических наблюдений,

то можно заметить, что эллипсы и петли остров описывает уже не за половину суток, а в течение значительно больших периодов времени, достигающих иногда половины месяца.

Дело в том, что приливообразующие силы Луны и Солнца изменяются не только в полусуточном и суточном ритмах, но имеют также целый ряд долгопериодных изменений с периодами от трети месяца до девятнадцати лет. В колебаниях уровня арктических морей были обнаружены с помощью методов математической статистики вариации с периодами около девяти суток, полумесяца и месяца. Подобные колебания, как было показано по данным отдельных дрейфующих станций, существуют и в изменениях скорости и направления дрейфа льдов. Если учесть, что наш ледяной остров дрейфует сейчас в основном в зоне сильно развитых приливных явлений и в его дрейфе отчетливо проявляется влияние полусуточных приливных течений, то есть все основания предполагать, что совместно с ветром островом движут и приливные течения различной периодичности, в том числе и полумесячные и месячные. Если это так, то в дрейфе нашего острова отражаются закономерные явления, возникающие в Мировом океане под действием космических сил, ибо приливообразующие силы Луны и Солнца мы вправе отнести к силам космического происхождения. Впрочем, все это еще нужно исследовать, как нужно исследовать целый ряд интересных вопросов в большой и сложной проблеме изучения дрейфа льдов в Центральном Полярном бассейне. Нам уже многое известно о главных закономерностях этого движения льдов под действием ветра и течений, выяснены основные схемы перемещения вод и льдов, определены многие особенности микро- и макродрейфа. Схему генерального дрейфа льдов в Арктическом бассейне можно подразделить на три области. В одной из них, принадлежащей к Канадскому Арктическому архипелагу, льды движутся по часовой стрелке, образуя замкнутый, так называемый антициклонический круговорот. Вынос льдов отсюда в Гренландское море никогда не наблюдался. Наоборот, льды, находящиеся в области, прилегающей к Евразии, никогда не участвуют в антициклоническом круговороте: они либо вытаскиваются в пределах арктических морей, либо выносятся в Гренландское море. Между этими областями располагается переходная зона, из которой в одних случаях льды могут быть вынесены в Гренландское море, в других — вовлекаются в антициклонический круговорот. Материалы, накопленные за последние годы благодаря наблюдениям на дрейфующих станциях, ледовым авиаразведкам и изучению дрейфа

радиовех, позволили установить основные зависимости дрейфа льдов от атмосферных процессов и ледовой обстановки в различных районах Арктического бассейна.

Сейчас арктическое ледоведение переходит к изучению количественных закономерностей дрейфа льдов в связи с ветром и течениями, и здесь потребуются данные весьма точных инструментальных наблюдений.

В недавнее время выяснилось, что довольно интересные результаты получаются, если астрономические наблюдения за дрейфом осуществляются одновременно на трех дрейфующих станциях, в плане образующих треугольник со сторонами 150—200 километров. Именно такое расположение станций и наблюдалось зимой, и мы вместе с астрономами двух других дрейфующих станций принялись за осуществление этой программы наблюдений.

Два раза в сутки в один и тот же срок наводились на звезды трубы теодолитов и определялось местоположение всех трех станций. Один раз в месяц в точно указанный срок уходили на одни и те же горизонты буквопечатающие вертушки, фиксирующие в течение суток направление и скорости течений. Подобные совместные наблюдения проводились в зимний период впервые.

Но главное, получены новые данные для изучения так называемого глобального дрейфа, то есть дрейфа на значительных пространствах, по одновременным наблюдениям. И здесь могут обнаруживаться интересные вещи, как при изучении связи дрейфа льдов с ветровым режимом, так и в исследовании космических влияний на дрейф.

Читатель, вероятно, заметил, что мы неоднократно упоминаем о космических влияниях на Землю. Это не случайно. Представление о нашей планете как о космическом корабле, движущемся сквозь космические штормы и бури в океане Вселенной, все более проникает в науки о Земле. Еще полвека назад выдающийся русский ученый и мыслитель В. И. Вернадский писал: «Космические излучения вечно и непрерывно льют на лик Земли мощный поток сил, придающий совершенно особый, новый характер частям планеты, граничащим с космическим пространством. Лик Земли или меняется, или лепится. Он не есть только отражение нашей планеты, проявление ее вещества, он одновременно является и созданием внешних сил космоса».

Неудивительно поэтому, что, изучая любую область нашей планеты, мы обязательно сталкиваемся с внеземными явлениями, будь то магнитные бури и ионосферные возмущения под действием

солнечных вспышек, особенно интенсивных в годы наибольшей активности Солнца, или же приливные перемещения дрейфующих льдов.

Даже наш, в общем небольшой ледяной остров можно читать как своеобразную ледовую книгу, рассказывающую о космической жизни Земли.

В последние годы ученые все шире занимаются крупными изменениями климата Земли, стараясь понять характер климатических ритмов и причины их возникновения. Большинство из них склоняется к мысли, что крупные, или эпохальные, изменения климата связаны с положением Земли в космосе и влиянием на ее оболочки различных космических факторов. Но гипотезы требуют доказательств.

И тут неоченимым подспорьем служат материалы, доставленные нам из глубины веков самой природой. Кольца деревьев, ленточные глины, илистые отложения озер хранят летопись климатических изменений. Они отразились в межгодовых изменениях площади колец гигантской секвойи и толщины слоев ледникового покрова Антарктиды.

Подобные же слои можно обнаружить, сделав вертикальный разрез ледяного острова. Задача эта очень сложная и трудоемкая. Но и здесь на помощь нам пришла природа. Как говорится, нет худа без добра. В момент разлома ледяного острова некоторые обломки переворачивались вверх «килем», другие же опрокидывались на бок, открывая полностью свой «борт». Тут уж слоистая история острова предстала во всей красе. Сквозь изморозь и налет серого ила проглядывали слои различной толщины и даже различного цвета. По виду они были очень похожи на те, что можно обнаружить, разглядывая выходы геологических пород по берегу реки.

Очевидно, что столь различная толщина и структура слоев явились следствием неоднородных климатических условий, сказавшихся на таянии и накоплении льда на поверхности острова в разные годы, и в том числе тогда, когда остров был еще частью шельфового ледника. Следовательно, по изменениям толщины слоев мы можем судить о колебаниях климата Арктики в течение длительного периода. Невольно вспоминаются слова американского геофизика А. Крэри, дрейфовавшего на ледяном острове «Т-3»: «Возможно, что наиболее важное значение имеют не сами ледяные острова, а их прошлое, о котором можно судить по следам, сохранившимся в этих массивных остатках минувшей истории арктических районов».

Однако нас интересовало не только прошлое, но и настоящее ледяного острова. Дрейфующая станция на ледяном острове такой толщины создавалась впервые, и все здесь было неизведанным.

Помнится, еще в период подготовки в отделе экспедиций возник спор о том, какую температуру имеет лед в центре ледяного острова. Мнения были самые различные: назывались величины от минус двух до минус тридцати градусов. Неясны были и другие свойства льда: его прочность, соленость, кристаллическая структура.

Паспортные данные острова указывались весьма приблизительно: родился, по-видимому, у Канадского архипелага, а когда — бог весть. И возраст льда, из которого состоит остров, тоже представлял тайну, покрытую мраком. Словом, перед нашими исследователями Михаилом Ивановичем Сериковым и Олегом Смелковым лежала целина, которую нужно было поднимать и осваивать.

Олег Смелков:

Пылесос — ледоисследовательский инструмент! Пылесос и ледоведение! Пылесос — новая веха в науке об изучении льда! И еще массой такого рода сенсационных заглавий можно начать рассказ о том, как обычное приспособление для домохозяек и остроумная идея разрешили довольно трудную задачу. А требовалось ни много ни мало, как с помощью обычного кольцевого бура выбурить в толще ледяного острова десятиметровую скважину, чтобы поместить в нее термометрическую установку.

Всем хорош этот кольцевой бур, но работать им можно на относительно тонком двухметровом льду. С увеличением толщины льда возникает дополнительная и очень неприятная трудность. Пока выбуриваемая колонка льда (кern) не достигает двухметровой длины, ледяная стружка, возникающая при бурении, особых хлопот не доставляет. Стенка керна и стенка скважины образуют вертикальный желоб, по которому на кольце бура стружка извлекается на поверхность. Но, достигнув двухметровой длины, столбик льда становится довольно хрупкой конструкцией, ломается у самого основания, и тогда стружку уже не достать, не выудить на белый свет. И оставлять в скважине нельзя — бур не идет.

И тут родилась прекрасная мысль, достойная, пожалуй, самого Остапа Бендера. Трудно сказать, кто оказался этим стационарным «Бендером». Но гениальная мысль увидела свет, и теперь все было

просто. Пройдя 5—6 сантиметров, мы вытаскивали бур и опускали в скважину лампочку и удлиненный шланг пылесоса. Несколько минут работы пылесосом — и скважина чиста. Можно продолжать бурение.

И так сантиметр за сантиметром, час за часом двое суток на морозном ветру. Но данные о температуре ледяного острова получили уникальные.

Однако этим не исчерпывался круг ледоисследовательских работ. Нужно было изучить плотность и соленость льда, слагающего остров, его кристаллическую структуру — и эти исследования выполнить по всей толще ледяного острова.

Но как это сделать? Принялись с Михаилом Ивановичем за устройство шурфа. С помощью бензопилы выпиливали кубы льда и выдавали их «на гора». Углубились на три метра. Впереди еще тридцать. Неизвестно, хватило бы нас на всю глубину, но тут опять счастливое обстоятельство. Спустя два месяца после разлома километрах в двух от нового лагеря мы обнаружили лежащий на боку обломок острова. Он был весь перед нами, от поверхности до дна. Только бери образцы. Решили начать бурение со дна в горизонтальном направлении, постепенно продвигаясь к поверхности обломка.

Первый двухметровый керн берем без труда. Но дальше бур стало зажимать, и приходится тратить массу усилий, чтобы выбурить несколько сантиметров. По очереди меняемся у бура. Круг за кругом, круг за кругом... Вращательное движение рукой: одно, второе, третье... десятое... сотое. Ритмичное шуршание бура: «Шорх, шорх, шорх...».

От постоянного вращения рука немеет, полусогнутые ноги начинают дрожать от напряжения. Сантиметр, еще сантиметр, еще! Интересно, кто-нибудь подсчитывал физическую нагрузку полярников? Раньше, ведя спортивный дневник, я знал, что в дни тренировок, только занимаясь со штангой, поднимал по 3—4,5 тонны. Но, уходя со склада или из аэропорта после погрузки оборудования для станции, чувствовал себя не менее уставшим, чем после тренировок.

Великое дело — физическая подготовка. Артур Чилингаров — легкоатлет, Гена Горбунов — велосипедист, Миша Судаков — мастер водно-моторного спорта, Боря Ремез — самбист-перворазрядник, Володя Волдаев натренирован занятиями в балетной труппе. Не станция, а олимпийская сборная. Но как пригодилось нам это в дни всяческих передышек! Техника техникой, но сколько еще приходится делать с помощью одной далеко не лошадиной силы.

Крак! Керн надломился. Не страшно — образец будет метра два длиной. Вытаскиваем. В толще острова — горизонтальный тоннель. Прошли метров восемь. На сегодня можно закончить.

Но существуют еще боковые стенки обломка. И мы ползаем, рассматривая срезы, кроша и шлифуя стенки, описывая слои. Поверхность обломка усыпана топорами, рубанками, ножами, пилами, пещнями. На боковых стенках следы костров, которые разводили, чтобы разогреть консервы и обсушиться.

Потом грузим образцы на волокушу. Трактора не видно, значит, впрягайся — и пару километров до лагеря.

Успеть бы к ужину...

От всех:

Загадки ледяного острова постепенно раскрывались: по своему строению остров очень напоминал обломки шельфового ледника, сползающего с берега острова Элсмир. Но более подробно о его происхождении можно будет судить, сделав подробный анализ образцов в ледоисследовательской лаборатории института.

Да, в институте будет чем заняться — материалов по ходу дрейфа накапливается все больше. Часть из них уже сейчас в работе — в практике оперативного обслуживания навигации. Метеорологические данные идут в бюро погоды при штабах морских операций, данные астрономических наблюдений за дрейфом острова каждые сутки поступают к гидрологам-прогнозидам. Они используют их при составлении прогнозов ледовой обстановки на трассе Северного морского пути, поскольку ледовые условия в арктических морях тесно связаны с характером дрейфа льдов в Центральном Полярном бассейне. Навигация на Севере, как сельскохозяйственная страда, — день год кормит. И знание погодных и ледовых условий очень помогает морякам использовать каждый день, каждый час для переброски потока грузов.

*Артур Николаевич Чилингаров с Президентом России
Владимиром Владимировичем Путиным*

*Сергей Иванов, Президент Исландии Олафур Рагнар Гримссон, Князь Монако
Альбер II, Владимир Путин, Сергей Шойгу и Артур Чилингаров*

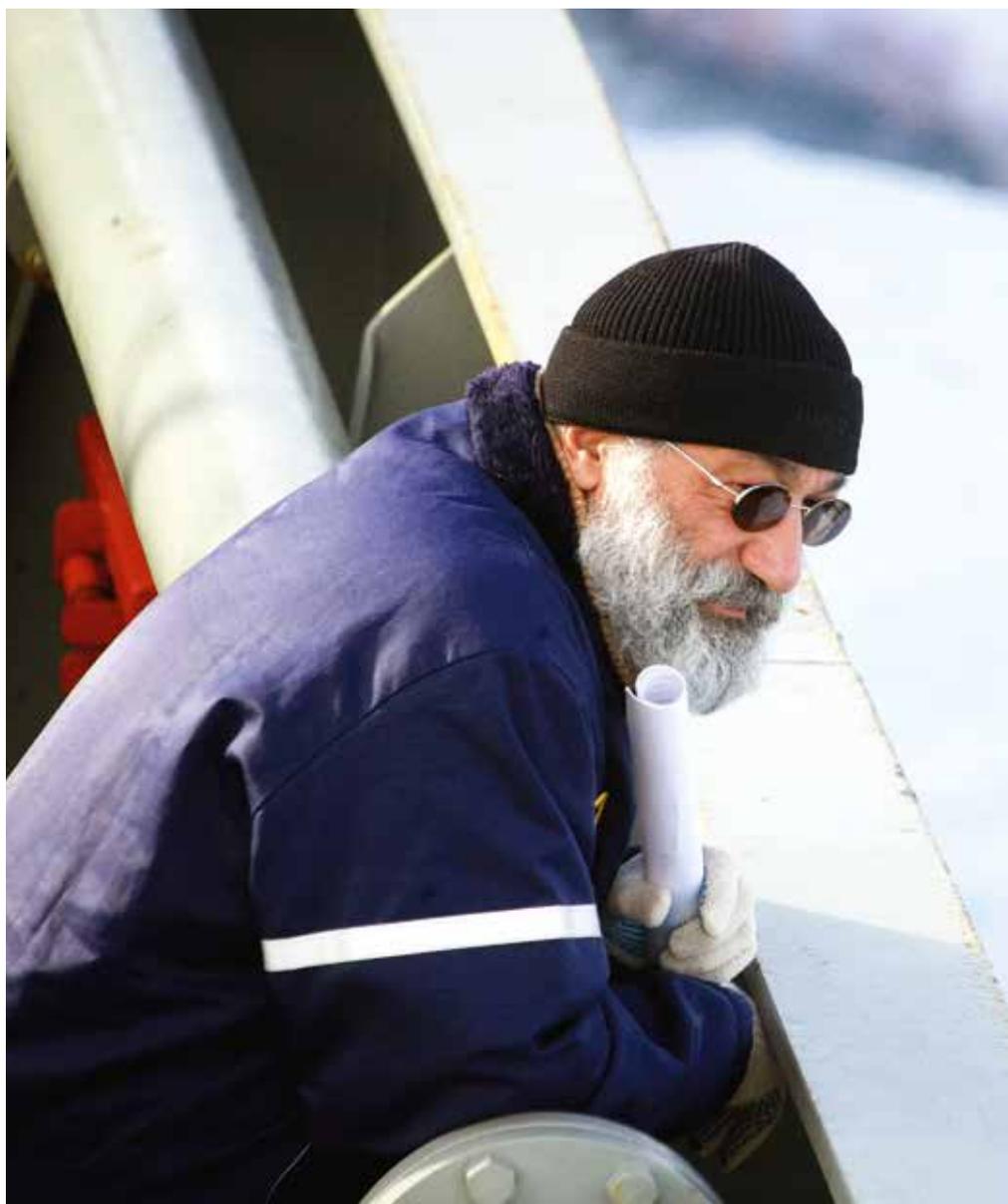

Артур Чилингаров и Первый вице-премьер Сергей Иванов

Артур Николаевич Чилингаров, Герой России

*Полярник Артур Чилингаров за несколько минут до спуска на дно Ледовитого океана.
Северный полюс. 2007*

*Погружение глубоководного аппарата «Мир-1» на дно Ледовитого океана.
Северный полюс. 2007*

Встреча экспедиции после спуска на глубоководном аппарате «Мир-1» на дно Северного Ледовитого океана. 2007

Владимир Груздев, Анатолий Сагалевич, Евгений Черняев и Артур Чилингаров перед погружением глубоководных аппаратов «Мир-1» и «Мир-2»

Экипаж «Мир-1» перед отправлением в Мурманск. Владимир Груздев, Анатолий Сагалевич, Артур Чилингаров

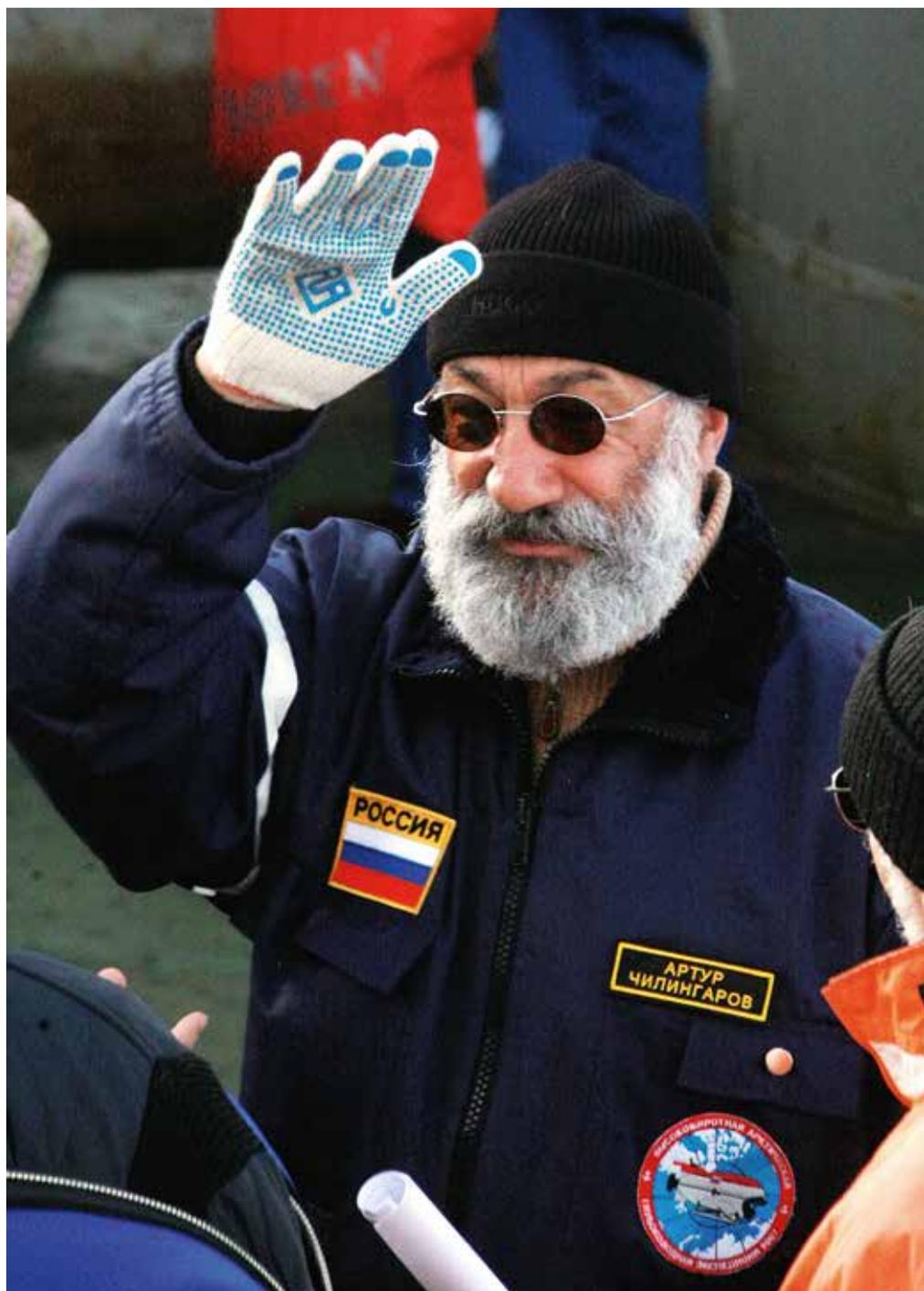

Глубоководная экспедиция на Северный полюс, 2007. Фредерик Паулсен, Владимир Груздев, Анатолий Сагалевич, Майк Макдауэлл, Евгений Черняев, Артур Чилингаров

Артур Николаевич Чилингаров перед первым пробным погружением аппаратов «Мир-1» и «Мир-2» в рубке на капитанском мостике

Встреча начальника американской станции «Амундсен-Скотт» Джерри Марти и Артура Чилингарова

Артур Чилингаров, Михаил Слипечук, капитан судна Михаил Спирин и Михаил Гришанков на Северном полюсе. 2007

Остров Кинг-Джордж. Полярная станция «Беллинсгаузен». Экспедиция на Южный полюс, 2007

*Благополучное завершение вертолетной экспедиции на Южный полюс.
Высокоширотная воздушная экспедиция, 2007*

*Американская станция «Амундсен-Скотт». Директор ФСБ Николай Патрушев
и Артур Чилингаров докладывают Президенту России о прибытии
на Южный полюс, 2007*

Остров Визе. Открытие станции СП-38

ВСПОМИНАЕТ

● *Владимир Николаевич Лизун*
 советник первого вице-президента Русского
 географического общества

И снова – вперед!

Ученый в политике или политик в науке?.. Для А. Н. Чилингарова актуально и то, и другое, и можно добавить, что он при этом – хозяйственник государственного масштаба. Один из примеров – его деятельность в качестве руководителя Некоммерческого партнерства по координации использования Северного морского пути. Пожалуй, согласование усилий всех, кто причастен к бесперебойной работе СМП, это процесс не менее напряженный, чем работа на СП-19. Координировать работу более 30 организаций, чтобы в итоге решались вопросы безопасного торгового мореплавания, были учтены имущественные и экономические интересы его членов, – это задача огромной значимости. Ведь в итоге принятые предложения по налоговой, страховой и антимонопольной политике прямо или косвенно стимулируют инвестиционную активность в Арктической зоне и в районе Севморпути. И если огромные и богатые арктические территории до сих пор остаются без реального хозяина – это не может не волновать Артура Николаевича, потому что Крайний Север – его планида и его судьба. На мой взгляд, заслуживает безусловного внимания его идея создания корпорации с примерным названием «Главсевморпуть», состоящей из государственных (предприятия-поставщики, транспорт, атомный флот) и коммерческих структур (акционерный банк, фирмы по перевозкам и т. п.), которая бы полностью финансировала все операции, связанные с освоением северных территорий. Серьезные коммерсанты придут на Север, если получат налоговые и финансовые льготы, как в других странах. Пока же в арсенале – недешевые парашютные прыжки на Северный полюс и прогулки на атомных ледоколах... Чилингаров, как и все годы своей работы, хорошо понимая специфику Крайнего Севера, в очередной раз предлагает нечто эффективное, стремится не стоять на месте, а искать, пробовать, двигаться вперед.

• Юрий Константинович Бурлаков

Почетный полярник

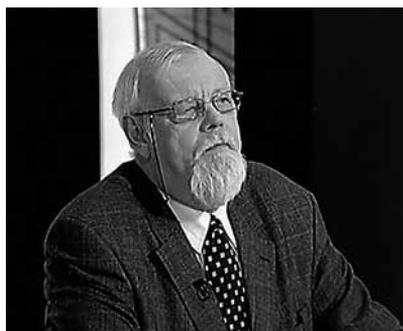
Про Чилингарова и котенка Артура

Это случилось летом 1968 года: Якутский обком ВЛКСМ сделал нам царский подарок! Меня – первого секретаря Оймяконского райкома комсомола – послали делегатом на Всемирный фестиваль молодежи в Болгарию, а Артура Чилингарова – секретаря Булунского райкома – на Олимпийские игры в Мексику. Впечатлений по возвращении, естественно, было выше головы, и мы несколько дней делились ими в Якутске в гостинице «Лена», где поселили участников Пленума обкома комсомола. Несколько дней – потому что существовала традиция: мы собирались и вылетали все вместе, когда позволит погода, но в тот октябрь зарядили дожди и с обычной для Якутии последовательностью закрывались аэропорты Алдана, Ленска, Мирного, Тикси и Усть-Неры, поэтому районные делегации отсиживались в гостинице, пили «про запас» дефицитное пиво и вели бесконечные разговоры. На четвертый день открылась Усть-Нера, центр Оймяконского района, и Артур предложил мне воспользоваться ситуацией и улететь, а чтобы я не чувствовал себя предателем, слетать со мной туда и обратно, якобы для обмена опытом. Сказано – сделано. Пробираясь между луж по проспекту Ленина Якутска, наткнулись на мокрого котенка, сидевшего сиротливо на деревянном тротуаре. Артур подобрал его и сунул за пазуху. Пошутили по этому поводу, но не придали особого значения. Летели в Усть-Неру долго, с посадками в Хандыге и Оймяконе. Самолет не обогревался, приходилось пользоваться подручными средствами, с пилотами и проводницами, естественно, обменялись клятвами в вечной дружбе. Дома в Усть-Нере нас встретила моя супруга в новом блочном четырехэтажном «особняке», которыми мы решили вести дальнейшую застройку поселка. Раздеваясь, Артур замешкался, а потом вытащил из-за пазухи несчастного дрожащего котенка: «Это вам на новоселье!»... Улетел он в Якутск

следующим утром на том же самолете, экипаж которого мужественно ожидал его. А котенок, получивший имя своего спасителя, вскоре превратился в пушистого красавца, грозу малочисленного кошачьего населения Солнечного городка – так назывался наш квартал. С тех пор Артур Николаевич за 40 лет не пропустил ни одной Олимпиады, стал своеобразным символом наших сборных команд, и кстати, сам он был мастером спорта по якутским национальным видам – прыжкам через нарты.

Когда-то директору Арктического института Трёшникову на 70-летие устроили поездку в Арктику – это была целая история, его сопровождали и оберегали, везли со всевозможными почестями. Артур уже перерос Трёшникова по возрасту и продолжает летать сам, не делая себе никаких поблажек. Это такая мальчишеская преданность Арктике, причем никогда – для показухи. Сейчас некоторые молодые ребята ходят по небоскребам – им нужны острые впечатления, экстрим. А ему не нужны прыжки с высоток на парашютах – зачем? Ему интереснее сделать опасное, но нужное дело, выполнить реальные хозяйственные задачи, связанные с гораздо большим риском, трудом, но и с большей пользой. И это то, что сохранилось в нем с юности.

● *Валерий Владимирович Лукин*
 ученый-океанолог, полярник

Полярное братство

Обычно все воспоминания о Чилингарове связаны с полярными регионами нашей планеты, а я расскажу историю, в которой, на мой взгляд, должным образом проявились его чисто человеческие качества. Хотя истоки тоже связаны с высокими широтами. В 1987 году мы на атомном ледоколе «Сибирь» открывали дрейфующую станцию СП-29, и в составе моей станции

был молодой сотрудник, выпускник Ленинградского университета, который только-только пришел к нам на работу в Арктический антарктический НИИ. Естественно, что Чилингаров о нем и знать не знал. Мы вернулись после зимовки, шел 1988 год, в стране перестройка, и очень многие люди подумывали заняться бизнесом. Этот молодой сотрудник изменил своей специальности и, заработав небольшие деньги для старта, начал свой бизнес. Стремясь продвинуться, поучаствовал в одной схеме по торговле цветными металлами. И в результате на него возбудили уголовное дело и «закрыли». Он сидел полтора года в нашем ленинградском изоляторе Кресты. Самое интересное, что суд так и не возбуждал производство по этому делу и не рассматривал никакие вопросы. Я обратился к Чилингарову, который был депутатом, вице-спикером ГД, и он, несмотря ни на что, послал депутатский запрос непосредственно в Ленинградскую городскую прокуратуру. Вскоре началось-таки рассмотрение этого судебного процесса, и все решилось очень быстро. Буквально на первом заседании суда человека освободили из-под стражи! Вот так вмешательство Артура Николаевича круто изменило ситуацию и помогло человеку. Я понимаю, что у него слишком много дел, он занят очень большими проблемами государственного масштаба, но несмотря на все это, он нашел и время,

и возможность заняться конкретной человеческой судьбой. На мой взгляд, это просто уникальное качество, которое присуще характеру этого очень известного и выдающегося человека.

Точный политический прогноз

В августе 1991 года Чилингаров возглавил перелет на самолете Ил-76 из Москвы в Кейптаун и далее на антарктическую станцию «Молодежная». Задача – вывезти часть экипажа и экспедицию, которая находилась на «Михаиле Сомове», застрявшем во льдах. В то время межконтинентальные полеты нашей авиации в Антарктиду практически не осуществлялись, и это был первый полет через Кейптаун, самое короткое расстояние до «Молодежной», кстати, вопрос тоже был решен благодаря усилиям Чилингарова. Накануне нашего отлета было 19 августа 1991 года. Находясь в Кейптаунской гостинице, мы включаем телевизор и ничего не можем понять – показывают Москву, по которой идут танки! Комментарии юаровского телевидения не на английском, а на африкаанс, позвонить в Москву невозможно – все каналы связи отключены. Что происходит??? Совершенно непонятно. Никакого посольства или консульства в ЮАР нет – у нас нет дипломатических отношений, и никаких соотечественников, которые помогли бы нам разобраться в этой ситуации, тоже нет. Позже в этот же день мы узнали о том, что власть в стране захватил ГКЧП, объявлено военное положение, но получить какие-то подробности невозможно. При этом многочисленные корреспонденты всеми способами пытаются выяснить наше отношение. И вот Чилингаров находит в себе мужество и дает интервью нескольким десяткам юаровских журналистов! Он рассказывает ту реальную ситуацию в стране, которая была перед нашим вылетом, и дает происшедшему правильную (как оказалось впоследствии) оценку. Это был пример колоссальной ответственности и воли, принятия решения в таких экстремальных условиях. Все завершилось через несколько дней, и именно так, как говорил Артур Николаевич. Во многом, на мой взгляд, он смог достичь больших постов и стать государственным именно благодаря такому предвидению и своей целеустремленной и открытой позиции.

*Где-то возле полюса,
Вот уж скоро год,
Мы с тобой работаем,
Не боясь невзгод.
Но, бывает, станется,
Сердце затуманится,
Если долго телеграмм
Милая не шлет.*

*Текст песни участника
дрейфа «СП» В. Пигузова.*

Глава 7

Будни и праздники

От всех:

21 мая проводили последний самолет на Большую Землю. Почти на пять месяцев мы опять остаемся одни. Только теперь нас не семнадцать, а двадцать.

Три Юры уже собрали два домика: один жилой, другой рабочий. Рядом с домиками взметнулась в небо двадцатичетырехметровая мачта с антенной.

— Ну, теперь через недельку начнем наблюдения, — довольно улыбаясь, говорит за ужином Юра Струин.

— Ох уж эта ионосфера, — ворчит Леня Васильев, — теперь конец нормальной работе.

— Через каждый час в течение двух минут будем давать мощный радиосигнал, — невозмутимо подтвердил Юра Иванов, — в эфире все забьет. Придется вам, радистам, в это время не работать.

— Хоть бы ваша мачта поскорее подтаяла да упала, — сказал Леня и рассмеялся собственным словам.

— Сам же и ставить будешь, — отпарировал Юра Молочников.

— Интересно, а как у нас будет таять? — спросил доктор.

Это уже вопрос серьезный. О таянии льда в летнее время мы говорили много и долго. Сейчас оно должно вот-вот начаться.

— У нас на пятнадцатой, помню, вначале воды было много, — вспоминает Виталий. — Пробурили лед насквозь, и вся вода с поверхности льда ушла в океан.

Да, в этом смысле на тонком льду проще. А тридцать метров не пробуришь. Если таяние будет интенсивным, борьба с водой предстоит тяжелая.

— Будем пробивать канавы и отводить воду в речку, — сказал Артур...

С середины июня температура воздуха поднялась до нуля. Густой тяжелый туман окутал станцию со всех сторон. Сырой воздух неприятно холодит кожу лица. Ноги проваливаются в мокрый и рыхлый снег. В углублениях следов показывается вода.

Лето в Центральной Арктике — это туманы, низкая облачность, морось или снежные зерна. Лишь изредка сквозь пелену тумана покажется свежий диск Солнца и, не в силах пробиться сквозь плотную слоистую облачность, скроется вновь.

Евсеев:

21 июня пелена тумана неожиданно исчезла. С голубого неба хлынул поток солнечных лучей, температура воздуха повысилась до +1°C. С юга, с материка пришел теплый воздух. Но недолго светило солнце. Через несколько часов на южной стороне горизонта собрались тяжелые плотные облака. Вот они уже закрыли солнце, затянули все небо. Внезапно посвежел ветер, и на лед хлынули дождевые потоки.

Это был какой-то неистовый ливень. Вода, обрушившаяся с неба, вмиг просочилась через неплотно прижатые щиты на крышах, и в домиках начался потоп. В ход пошли ведра, тазы, банки и даже стаканы.

Ливень продолжался, к счастью, недолго. Примерно через час небо посветлело, через разрывы в облаках робко блеснули солнечные лучи. Из домиков выносили ведра и тазы, полные воды.

— В двенадцать часов начинаю кино! — громко закричал Володя Волдаев, высунувшись из кают-компания, — «Угрюм-река», первая серия.

«Священное время» для демонстрации кинофильмов выделялось каждый день. Только какое-нибудь чрезвычайное событие могло нарушить эту традицию.

В кают-компания все усаживаются на свои излюбленные места. Артур и Толя Воробьев сидят обычно слева у стены; Эд, Володя Сафронов, Миша Судаков и я — справа. Толя Быков любит сидеть у самого входа, на «помойке», как пошутил однажды Олег, имея в виду то, что под стулом Анатолия обычно стояло ведро с окурками. Остальные рассаживались посередине.

— Ребята, тише, сейчас Анфису увидим... Чурсину... — просит Артур.

На экране мелькают первые кадры фильма. Внезапно, загородив луч прожектора, на пороге появляется доктор.

— Вода прибывает, сейчас залет ледник!

Кино прекращается. Все вскакивают со своих мест и выбегают наружу.

Позади дизельной, у палатки, под которой находится ледник, образовалась большая снежница, озерко талой воды на поверхности льда.

Ледник сделан совсем недавно в круглом колодце трехметровой глубины, который образовался в результате протаивания льда мощной электрической лампой. Образовавшаяся вода откачивалась в дизельную, в баню и для нужд камбуза. Потом для заготовки воды сделали новый колодец, а на дне прежнего прорубили горизонтальный тоннель, который использовался для хранения в теплое время года скоропортящихся продуктов.

Прошедший ливень вызвал интенсивное таяние снега, и талая вода, стекая с возвышенных мест, собиралась в неглубокой ложбине перед ледником, угрожая прорваться в колодец и затопить тоннель с продуктами.

— Прорубайте канаву, — сказал Артур, осмотрев поверхность льда. — Вот здесь, — указал он рукой. — Отсюда идет понижение к речке, надо прорубить несколько метров через этот бугор, он мешает стоку воды в речку.

Работа закипела. В воздухе мелькают кайла. Летят в сторону куски льда, звенят ломы, в толще льда прорезается глубокая извилистая канава.

— Глубже, глубже, — командует доктор, отвечающий за сохранность продовольствия.

Миша Судаков вошел в снежницу и погнал воду в канаву:

— Идет?

Гена внимательно смотрит, как вода заполняет канаву.

— Вроде идет, — отвечает он с облегчением.

Опасность затопления миновала.

Впоследствии Гена еще не раз будет подправлять эту канаву, делать другие, осушая многочисленные снежницы на территории лагеря. И в благодарность мы присвоим ему титул «ирригационных дел мастера».

— Кончили, — сказал Артур. — Пошли досмотрим Анфису. — И первый побежал в кают-компанию.

От всех:

Прошедший ливень положил начало бурному таянию снега и льда. Во многих местах образовались глубокие снежницы, на буграх обнажился лед. Быстро наполнялась водой речка, протекавшая рядом с лагерем.

— Пусть заполняется, — сказал Артур, когда спустя несколько дней мы осматривали лагерь. — Через пару недель воды в ней будет много, и тогда запрудим. А осенью, когда вода замерзнет, сделаем на этой речке аэродром.

Увы, надеждам этим не суждено было сбыться. Интенсивное таяние вскоре замедлилось. Вода в речке прибывала мало и не растекалась вширь, как ожидалось, а уходила вглубь, отчего в скором времени на месте широкой речки возник узкий ручей с крутыми обрывистыми берегами.

Разумеется, нечего было и думать об устройстве на нем аэродрома.

— Что будем делать? — задал вопрос Артур, собрав однажды вечером старших групп, и, не дожидаясь ответа, продолжил:

— Мы с Эдом и Олегом осмотрели часть острова до нашего бывшего аэродрома. В пути встретили несколько речек, берега у них обрывистые и крутые. Там, где был наш аэродром, — река, но и в ней воды мало. Я предлагаю строить ВПП на буграх, на водоразделе между двумя речками, прямо у лагеря. Строительство начнем сейчас, в июле. Пока тает, мы легко можем срезать подтаявшие бугры и засыпать ложбины. Толя, как ты думаешь? — обратился он к Быкову.

— Видишь, какое дело, — сказал Толя, с минуту помолчав, — надо делать бульдозер. Ножом срежем верхний слой, потом укатаем гладилкой и оставим все так до осени, пока не замерзнет.

— Ну, все бульдозером не сделать, — заметил Воробьев, — пологие бугры останутся, их нужно кайлить.

— Наверное, придется немножко, — ответил Быков. — Там посмотрим, как дела пойдут. Еще не знаю, сможем ли мы придумать к трактору нож бульдозера. Это довольно сложно.

— Я согласен с Артуром. ВПП надо делать у лагеря, чтобы не ездить за несколько километров, — вставил Леня Васильев.

На том и порешили.

Золотые руки Анатолия не подвели и на этот раз. Бульдозер был сделан, и вскоре началась работа по расчистке и строительству ВПП. Бульдозером и гладилкой наши механики владели виртуозно. Были срезаны все бугры и засыпаны ямы; только два раза пришлось ребя-

там выходить на авральные работы: разгрести лопатами отдельные пологие ледяные бугры. Лед приходилось именно разгрести, так как во время таяния верхний слой льда на глубину в несколько десятков сантиметров превращается в пористую массу, рассыпающуюся при прикосновении лопатой на отдельные кристаллы. К осени у нас уже была новая расчищенная полоса, и ждали только мороза, чтобы он сцементировал ледяную кашу.

Сарухания:

В конце августа в спокойное и размеренное течение нашей жизни вторгается будоражащее событие: на днях нам сбросят почту. Уже десять месяцев мы вне дома, почти три месяца не имеем писем. Обмениваемся с родными только телеграммами. Материковая жизнь где-то далеко-далеко. Как о чем-то давно прошедшем, вспоминаем о той жизни, о событиях тех дней.

Первые полгода ты все еще близок к тому, оставленному тобой миру, живешь его интересами. Но постепенно стираются, уходят детали, в памяти остается лишь главное, а недостаток информации только помогает этому процессу. Повседневность жизни затягивает тебя, и только такие события, как сброс почты, изредка нарушают устоявшуюся оболочку твоего мира.

Артур с утра на рации. Борт ледовой разведки, на котором находится наша почта, уже вылетел с материка и находится от нас в шести часах лета.

С каждым часом нетерпение нарастает. И вот наконец телефонный звонок. Валерий сообщает:

— Борт на подходе! Готовьте шашку.

Володя Волдаев с длинным цилиндром дымовой шашки в руках бежит на просторную, относительно ровную площадку. Примерно сюда должен упасть сброшенный с самолета мешок.

— Зажигай!

Ярко-оранжевое облако дыма, растекаясь, образует причудливую фигуру.

— Вот тебе вся турбулентность налицо, — замечает Миша Евсеев. Дар исследователя не изменяет ему даже в столь волнующей обстановке. Большинству же не до турбулентности. Запрокинув головы, мы следим за серебристо-белым с ярко-красным хвостом самолетом, который в эту минуту проносится над станцией. Распахивается люк — из него вываливается груз.

— Ну, Миша, прямо на твои будки, — пугает Евсеева Леня. Но мешок, постепенно вырастая в размерах, падает значительно левее будок, туда, где все еще виднеется оранжевое облако. Забыв о самолете, ребята устремляются к месту падения.

Я вместе с Артуром захожу на рацию. Артур благодарит летчиков за удачный сброс. С борта самолета доносится знакомый голос руководителя отдела ледовых прогнозов ААНИИ Николая Александровича Волкова:

— Ну как, ребята, тяжело? Ведь уже десять месяцев...

— Да ничего, держимся...

— Ну теперь недолго, скоро будем вас встречать. В институте все шлют вам приветы, желают успешного окончания вашего нелегкого дрейфа.

— Спасибо, Николай Александрович, спасибо. Передайте привет друзьям. Настроение бодрое. Начинаем упаковывать чемоданы.

— Ну, счастливого дрейфа!

— Счастливого полета. Будем следить за вами...

Самолет уходит на СП-18. Там тоже ждут почту. А мы бегом в уют-компанию. Мешок уже вскрыт. Разложены пачки писем, газеты, журналы.

Забрав с собой пачку писем, я ухожу в гидрологическую палатку.

Уже пятый день мы выполняем пятнадцатисуточную станцию, наблюдая течения и дрейф ледяного острова. По очереди по восемь часов просиживаем в палатке: Артур, Паша Селезнев и я, каждый час выполняя наблюдения. В промежутках между наблюдениями можно уходить в лагерь. Но вокруг палатки большие снежницы, и чтобы пройти триста метров, отделяющие нас от лагеря, нужно три раза лезть в воду чуть ли не по пояс. А вчера Артур провалился с головой. Сдав ему вахту, я уже засыпал, как вдруг услышал шумное, как у моржа, дыхание — и в домик ввалился Артур. С него текло ручьями, сапоги были полны до краев, из карманов кожанки выливалась вода.

— Что с тобой случилось?

— Уф! Попал в трещину чуть не с головой. Вода ледяная... Ну и бежал, чтоб не замерзнуть.

— Может быть, сменить на вахте?

— Не надо, сейчас переоденусь и пойду.

— Пусть хоть дежурный последит... А когда придешь, позвони...

Сейчас моя вахта. Под палаткой журчит, сливаясь в лунку, талая вода. Озера воды вперемежку с торосами. Солнце сгладило острые

края торосов, и они грузно осели, оплыли, обвешались сосульками. Метров через пятьсот припай оканчивается, и до горизонта простирается серая поверхность моря, подернутая рябью. Кажется, погладь ладонью — и ощутишь ее шершавость.

Тишину нарушают крики чаек, тархтенье движка и журчанье воды. Но к этим звукам привыкаешь, и возникает иллюзия полной тишины. Слепит глаза полоска разлитого по воде солнца... Какое-то удивительное чувство покоя во всем.

Замерив дрейф, я поудобнее расположился за столом, разложил письма и начал читать, постепенно погружаясь в тот мир ожидания, тревог, радостей и забот, которыми наполнены письма родных и друзей.

Почта СП — это не только письма родных и близких. Жадный интерес к путешествиям, к дальним краям и необычным условиям жизни живет в наших современниках и заставляет их писать и вкладывать письма в конверты с коротким адресом «Северный полюс». Это не только и даже не столько филателия. Дружеским участием, неподдельным интересом к нашей работе, заботой о нас дышат маленькие строчки, исписанные то неустоявшимся детским почерком, то стремительными разгонистыми словами, которым тесно на странице, то мелкой вязью букв.

«Единственная роскошь на свете — это роскошь человеческого общения», — сказал Сент-Экзюпери. Мне вспомнились его слова, когда здесь, в палатке, в центре Арктики, читал я эти письма. От них исходило тепло человеческих рук.

Зазвенел будильник. Срок наблюдения. Сделав измерения, вышел из палатки размяться. Посмотрел в сторону разводья — и замер. Оттуда, то скрываясь, то выходя из-за торосов, шел медведь.

После памятного всем майского посещения медведя началось подлинное нашествие хозяев Арктики на лагерь. Их заходы, к счастью, ограничивались лишь пределами помойки, где они подолгу рылись в бочках с отбросами. В конце концов установилось что-то вроде мирного сосуществования людей и медведей. Первые старались не выходить за пределы лагеря, наблюдая непрошенных гостей издали, а вторые, казалось, не обращали на людей никакого внимания, занятые добычей «хлеба насущного».

Между тем медведь приближался. Схватив стоявший у входа карабин, я зарядил его и, не спуская глаз с медведя, пошел по направлению к лагерю, стараясь идти медленно, размеренным шагом. На середине

пути я остановился и выстрелил в воздух. Медведь приостановился. Повернувшись к лагерю, я увидел, что от домиков бегут люди и собаки. Опередив всех, неся Варнак, за ним — Васька. Не пробежав и половины пути, Васька повернул обратно и побежал в лагерь, стыдливо поджав хвост. Варнак, перемахнув через несколько ручьев, уже был на припае и бегал вокруг медведя, стараясь отогнать его подальше.

Зверь, по-видимому, был настроен миролюбиво. Почти не реагируя на наскоки Варнака, он повернулся и не спеша отправился в торосы. В бинокль было хорошо видно, как он взбирается на глыбы льда. Выбрав подходящую льдину, медведь улегся и стал спокойно наблюдать сверху за возбужденной собакой.

— Залег!

— Да, попробуй выгони его, — усмехнулся подошедший Толя Воробьев.

Варнак не вернулся в лагерь до тех пор, пока медведь не ушел совсем. Тяжело дыша, собака легла на брезентовую подстилку около кают-компаний.

До чего же все-таки умный пес Варнак! Он один может заменить всю нашу собачью свору. И в трудный момент всегда выручит из беды. Правда, чувствовалось, что силы понемногу оставляют верного пса. Старость брала свое — ведь более восьми лет он служит человеку на дрейфующих льдах. Часто Варнак часами лежит на брезенте, преследование медведей сильно утомляет его. Да и псу Ваське уже не дать отпора. Этот молодой, сильный, но глупый пес, чувствуя, видимо, что симпатии ребят на стороне Варнака, частенько затевал с ним драку.

Варнак тяжело вздохнул, поднялся с брезента и медленно подошел к двери кают-компаний. Он никогда не лез ни к Вале, ни к другим ребятам за куском мяса, как другие собаки. Он стоял в стороне и ждал своей очереди, пропуская вперед этих нетерпеливых и глупых собак, которых он в глубине души немного презирал.

Евсеев:

Арктическое лето длится недолго. В конце августа погода изменилась — задули сильные западные ветры, чаще выпадает снег, метет поземка. И хотя еще круглосуточно светит солнце и сравнительно тепло, ясно, что наступает короткая арктическая осень, очень быстро переходящая в зиму. Сильный западный ветер стал вновь сносить наш ледяной «фрегат» на юго-восток. Однажды утром, выйдя из домика и оглядев по привычке горизонт, в черной воде небольшого разводья

мы увидели конусообразную ледяную шапку, окаймленную черными скалами. Это был остров Генриетты. Он находился не дальше чем в десяти милях от нас.

— Неужели снова сядем на мель? — с этими словами ребята входили в кают-компанию и вопросительно смотрели на Эда.

— Не должны, — отвечает Эд. — Запас под килем есть.

— Ну, а если мы врежемся в остров с ходу? — спрашивает Леонид Васильев.

— Все может быть, но опыт у нас уже есть.

К счастью, ветер стих, и в течение трех последующих дней стоял полный штиль. Затем южными ветрами наш остров понесло на северо-восток, и неприступный необитаемый остров скрылся из виду.

Сентябрь, пожалуй, самый неприятный месяц в Арктике. Часто дуют сильные порывистые ветры, глухо гудят металлические мачты, лицо залепляет мокрый снег. В перерывах между снегопадами в разрывах облаков виднеется небо, озаренное багровым светом заходящего солнца, и тогда рваные края черных клочковатых облаков окрашиваются в красный цвет.

Этот медведь появился в лагере совсем с другой стороны. Он шел от аэродрома прямо к домику аэрологов. Первым из окна его увидел Толя Воробьев. Позвонив Артуру, он взял ракетницу и вышел из домика. Медведь продолжал идти прямо в лагерь. Он казался очень большим.

Из домиков вышли ребята и, собравшись у аэрологии, наблюдали за зверем. Из-за кают-компания молча выскочил Варнак и стремглав понесся к медведю. Не добежав до него несколько метров, он остановился, преграждая ему путь в лагерь, и залаял.

Огромный медведь, а теперь вблизи можно было видеть, что это действительно большой и сильный взрослый зверь, подобрал передние лапы и пригнул голову. Варнак отскочил в сторону и вдруг беспомощно забарахтался в глубоком снегу. Медведь прыгнул и накрыл Варнака передними лапами.

— Варнака задавил, стреляй! — крикнул кто-то.

В ту же секунду раздался выстрел из ракетницы. Ракета, шипя, упала рядом с медведем. Удивленный новыми звуками, медведь поднялся и отпустил Варнака. Тот вскочил и опрометью понесся в сторону.

Раздался залп по крайней мере из пяти ракетниц. Разноцветные огненные трассы потянулись к медведю. Тот недовольно замотал головой и, повернувшись, быстро пошел прочь от лагеря.

Ребята побежали к Варнаку. Собака неподвижно лежала метрах в двухстах от домика аэрологов. На голове и на шее виднелись большие рваные раны. Вся шерсть была в крови. Варнак тяжело дышал, из пасти шла желтая пена.

— Да... — с сожалением проговорил кто-то, — наверное, не выживет.

— Это человек не выживет, а собака поправится, — сказал подошедший Гена. Он наклонился к Варнаку, достал из сумки вату и инструмент. Тщательно промыл раны. — Пускай полежит здесь, не надо его сейчас трогать.

Через несколько дней Варнак встал на ноги. Медленно представляя лапы, шатаясь, он добрел до своего места у кают-компания. Понадобилось еще несколько дней, чтобы пес окреп настолько, что мог свободно ходить по лагерю.

Но недолго после этого случая суждено было жить собаке. Примерно через месяц, уже во время завоза, попал Варнак под винты садившегося самолета. Как обычно, он первым из собак выскочил на полосу встречать самолет...

Во второй половине сентября температура воздуха упала до минус 15—20 градусов. Наступили ясные морозные дни. Зима полностью вступила в свои права.

Толя Быков и Миша Судаков возобновили работу на ВПП. Предстояло расчистить полосу от снега и заново укатать волокушей: прошедшие снегопады и метели полностью засыпали ее снегом. Кроме того, сбоку полосы предстояло расчистить так называемый карман — площадку для разгрузки самолетов. С Большой Земли торопят — осенний завоз планируется начать с нашей станции.

Близится конец нашего дрейфа. В каждом домике на видном месте лежит или висит календарь, по которому аккуратно зачеркиваются прошедшие дни и считаются оставшиеся. В кают-компания спорят о дате вылета.

— Последние дни самые тяжелые, — говорит Толя Быков. — Очень долго тянутся.

Да, год жизни на дрейфующем льду утомляет. По тому нетерпению, которое охватило ребят в эти дни, видно было, что все в той или иной степени устали, мечтают о доме, думают о скорой встрече с родными и близкими.

В начале октября полоса была готова. Тысяча метров ровно укатанного льда, слегка припорошенного снегом. При входе на ВПП

стоят два больших деревянных щита, на которых красной краской выведено: аэропорт «Домобыково», карман «Судаково».

— Борт вылетает завтра, — говорит Валерий. Он сидит в наушниках за рабочим столом. Пальцы на клавишах пишущей машинки. На бланке радиограммы отпечатываются буквы: «Ли-2 04174 13 октября вылет 0400 Черский СП-19 СП-18 Черский».

Этот первый рейс Ли-2 для нас много значит. Летчики скажут свое мнение о полосе: пригодна она для посадки Ил-14 или нет.

День прошел в томительном ожидании. Уже начали опускаться сумерки, когда Леонид наконец сообщил:

— Летит!

Встречать самолет вышла вся станция. На темнеющем небе зажигаются звезды. Полный штиль. Артур озабоченно смотрит на небо.

— Миша, как с видимостью?

— Горизонтальная видимость десять километров, — отвечаю я, — а наверху, как только стемнеет, образуется тонкая пелена облаков.

От радиорубки в небо взлетает ракета. Это Леня дает летчикам ориентир. Значит, самолет уже совсем близко. Все напряженно всматриваются в небо.

— Вот он! — воскликнул Олег.

Пролетев над сугробами, самолет коснулся колесами льда, пролетел мимо нас в вихре снежной пыли, качнулся на середине полосы и, взревев моторами, остановился. Медленно развернувшись, покатил в «карман».

Объятия, поцелуи, рукопожатия.

— Лев Афанасьевич, как полоса?

— Для Ли-2 — как Шереметьево, — отвечает Вепрев, — а для Ил-14 — посмотрим.

Илья Романов, начальник экспедиции «Север-22», дает указания Артуру:

— Мало катали полосу, катайте еще раз. С шестнадцатого октября начнем завоз, готовьте домик для РП.

ВСПОМИНАЕТ

● *Владимир Сергеевич Груздев*
 губернатор Тульской области, член Совета Федерации

Арту Чилингаров мне учитель, коллега и единомышленник. Нашу дружбу я очень ценю. Сказать, что он разносторонний человек, значит не сказать ничего. Он, как никто другой, преуспел, работая на стыке политики, науки и практических исследований.

По-настоящему прочувствовать характер Артура Чилингарова мне довелось во время совместной арктической экспедиции. Полярные широты – это ведь постоянный риск. Это дрейфующий лед, низкие температуры, экстремальные погодные условия.

Но в Артуре Чилингарове я никогда не замечал даже намека на страх или желание отступить от задуманного. В нем есть живейший ко всему вокруг интерес, пытливость и азарт исследователя – думаю, это, в первую очередь, и движет им по жизни, помогая совершать столь важные для страны открытия.

Артур Чилингаров сегодня один из немногих, кто тонко понимает специфику Севера – тем ценнее его опыт для обеспечения интересов жителей северных регионов, освоения малоизученных, стратегически важных территорий России. Это задачи, ради которых он пришел когда-то в большую политику, и я желаю ему успехов и удачи!

ВСПОМИНАЕТ

● *Владимир Иванович Скоропуов*
помощник А. Н. Чилингарова

Такой характер

Тикси – в переводе с якутского «Бухта встреч». Это слияние трех направлений устья реки Лены – Севморпути и Полярной Авиации. Мы – молодые, отовсюду прибывавшие в Тикси специалисты, формировали такой центр, где концентрировался весь потенциал интеллектуальной молодежи. В то время я работал секретарем комсомольской организации, и появившийся у нас в 1963 году Чилингаров стал заводилой, организатором всех дел, требующих реализации нашей молодой энергии. Сначала он возглавлял спортивную работу в районе, затем его избрали Первым секретарем Булунского райкома комсомола. Чилингаров покорял всех своим обаянием. Он, хоть и блокадник, но кавказец, и все смотрели на него, не отрываясь! Привлекал к себе инициативой, каким-то внутренним мотором. Булунская районная комсомольская организация была одной из первых во всех молодежных делах, Чилингарова знали во всех уголках района. Чего стоили в то время встречи с Евгением Евтушенко, который по реке Лене прибыл на плоту в бухту Тикси под лозунгом «Без авто и без такси – доберемся до Тикси». Эти встречи, организованные Чилингаровым в клубах Тикси и Булунского района, были необыкновенно впечатляющими и ценными.

Нами был создан ВИА, который вскоре стал востребован на многих предприятиях района. Тогда же возникла идея проведения комсомольских свадеб. Одна из них была организована А. Чилингаровым для молодой пары техника аэропорта Славы Куценко и дочери Хейдера, начальника морского порта. Позже состоялась и моя свадьба с Линой Гордиенко, где Чилингаров был шафером. Незабываема и лезгинка с ножом в зубах в его исполнении, и наш совместный танец маленьких лебедей – без таких ярких моментов вечера не проходили! Позже Чилингаров ушел в полярники и возглавил первую комсомольско-молодежную дрейфующую станцию СП-19.

В 1982 году произошла интересная встреча в Тикси, где он, как член ЦК профсоюза авиаработников, заместитель председателя Гидрометслужбы, вручал орден «Знак Почета» Тиксинскому управлению. И, так получилось, что это оказалось встречей Бюро райкома комсомола 60-х годов. И, как в старые времена, в полярный день на ГАЗ-69 мы объехали всю территорию Тикси по местам нашей комсомольской жизни.

Артур Николаевич всегда был среди людей, доступный, с доверительным отношением и уважением к людям, умеющий в силу своих возможностей быть обязательным, в чем бы это ни проявлялось. Соответственно, и отношение к нему у людей было неформальное, искреннее, как отзыв на то, что исходит из его души. Главная его черта – это чувство общности, братства, присущее тем, кто посвятил свою жизнь Северу. Видимо поэтому, приехав 14 лет назад в Москву, я продолжаю с ним работать.

...Он перепрыгивал нарты, кидал тензэ (северное лассо), был чемпионом Якутии по национальным видам спорта, чемпионом! Я иногда думаю: интересно, если бы не Север – как бы он на Юге проявился?.. Да, наверное, все равно бы проявился! Такой характер.

*Но порой на сердце вдруг
Ляжет грусть-печаль...
Ведь на нем осталась, друг,
Арктики печать.*

*Текст песни участника
дрейфа «СП» В. Пигузова.*

Глава 8

Прощай, ледяной остров!

Евсеев:

— Летит смена! — закричал Валерий и, сбросив наушники, ринулся к телефону. Через несколько минут долгожданная новость облетела всю станцию.

Нервное напряжение, в котором я, да и не только я, а все мы, находились последние дни, вдруг исчезло. Я сел на топчан, медленно повторив несколько раз:

— Кажется, я лечу домой... я лечу домой!

Затем мысли мои смешались. Я представил себя дома, встречу в Ленинграде, а потом вдруг вспомнил первые дни на острове...

Пытаясь сосредоточиться, я огляделся. Передо мной рабочий стол, за которым сидел почти год, грубо сколоченный из неструганных досок, накрытых сверху плексигласом, но ставший таким привычным и необходимым. На стене неумолчно гудит электронный самописец, рядом в приемнике у радистов настойчиво пищит морзянка.

Сейчас, когда я смотрю на все эти вещи последние часы, вместе с чувством облегчения и радости где-то в тайниках души появляется грусть.

Почему? Неужели этот лед действительно стал нашим настоящим домом и мы, сами того не подозревая, привыкли к нему, сжились с ним? Или грустно потому, что не будет больше этого стола, гудящего самописца и я не буду больше видеть, как Леонид Васильев работает на ключе?

Мне всегда нравилось наблюдать, как Леня работает. Первоклассный радист, ас, он находил какую-то свою музыку в звуках морзянки,

но страшно раздражался при плохом прохождении или когда работал с менее опытным радистом, и тогда доставалось всем: и радистам, и их начальникам, и этим «ящикам», как называл он свои передатчики и приемники. Поработав, Леня успокаивался, ложился на топчан и начинал рассказывать какую-нибудь историю, приключившуюся с ним то в Ленинграде, то на Канарских островах, то в Адене, то на станции «Беллинсгаузен» в Антарктиде... И этого тоже больше не будет...

— Миша, все собрал?

Голос Леонида вывел меня из состояния оцепенения. Я поднялся с топчана и пошел в жилой домик. Там стояли уже собранные чемоданы, мешки, валялась бумага и газеты.

Начинаю собирать свои вещи. Книги, тетради с записями, сапоги, валенки — все в мешок.

В дверь заглядывает Валерий:

— Борт садится, пошли встречать!

Бросаю мешок и бегу с Валерием на полосу. Успели как раз вовремя. Самолет уже вырулил в «карман». Открылся люк. На лед спускаются люди в новых шапках и шубах. Наша смена...

— Артур, вот ты какой!

— Быков-то, Федорыч наш!

— Федя, Федя Заяц на смену прилетел!

— Миша Евсеев? — это уже ко мне.

— Я здесь.

Подходит невысокий, сухощавый человек с простым и приветливым лицом.

— Коля. Макурин... Тебе письмо от жены, последнее.

Здесь же, на аэродроме, разрываю конверт и начинаю жадно читать. Но ведь я же лечу домой!

— Ребята, не теряйте времени, — говорит Артур. — Старшие специалисты должны сдать свои обязанности. Остальные — грузить вещи.

Я иду с Олегом Ивановым на метеоплощадку. Показываю расположение приборов, знакомлю со станцией. Олег внимательно слушает и старается все запомнить: ведь наблюдения не прекращаются, и через час ему уже придется начать работу и послать первую метеосводку.

В домике аэрологов последняя «официальная церемония». Старшие специалисты, покидающие станцию, расписались в акте о сдаче своих объектов, а вновь прибывшие — в их принятии.

Все, станция сдана!

Отзимовавшие и вновь прибывшие собрались в кают-компани. На столах огурцы, помидоры, арбузы и... пиво, настоящее московское бочковое пиво! Но есть не хочется... Николай Еремин, новый начальник станции, желает нам счастливого пути и скорейшего возвращения домой.

Мешки и чемоданы уже на волокуше. Трактор заведен. Толя Быков последний раз садится за рычаги.

Залп ракет. Разноцветные огни прорезают серые октябрьские сумерки. Уже сумерки. Солнца нет. Несколько дней назад оно совсем скрылось за горизонтом.

Трактор рванул с места. Последние метры пути по ледяному острову.

У самолета — объятия, поцелуи, протянутые руки.

— До свидания, до встречи на материке!

— Счастливой зимовки!

Люк закрывается. Загудели моторы. Самолет вздрогнул и покатил на полосу.

— Ну, Толя, сейчас проверим, как ты сделал полосу, — говорит Эд.

Самолет разворачивается, несколько минут стоит неподвижно, затем, взревев моторами, несется по полосе, убыстряя и убыстряя свой бег.

Взлет. Прощай, ледяной остров!..

От всех:

Прощай, ледяной остров!

Впереди нас ждут радостные встречи с родными и близкими, и все-таки немного жаль покидать тебя. Почти год ты служил нам домом, пусть не всегда надежным, но все-таки домом. Мы оставили здесь частицу самих себя, и, наверное, поэтому так трудно расставаться с тобой навсегда...

Прощай, ледяной остров!

Чилингаров:

Восемь часов полета над льдами, и вдруг среди крошечной тьмы мы увидели под крылом россыпь огней.

— Смотри, Париж, — сказал кто-то из ребят, вспомнив, очевидно, шутовское прозвище Тикси — «Париж Арктики».

Но у поселка есть и другое неофициальное название, точнее, перевод с якутского: Тикси — Бухта Встреч. Не знаю, когда и по какому поводу возникло это название, но в этот вечер оно полностью соответствовало истине.

Много раз я возвращался в Тикси из дальних поездок, из тундры, с полетов над морем, но никогда прежде этот городок не казался мне столь родным, не встречал столь радушно, как в этот прилет.

Время позднее, мороз, метет поземка, но у трапа скандирует, машет флажками большая группа тиксинских ребят — пионеров и комсомольцев. Парни сходят по трапу, растерянно улыбаясь, не ожидали такой встречи.

Подбегает озабоченный Боря Дементьев, секретарь тиксинского райкома комсомола:

— Поехали, ребята, поехали. В клубе все заждались.

Старое, памятное и мне, и Эду, и другим тиксинцам здание поселкового клуба.

Сегодня здесь торжественное заседание, посвященное дню рождения комсомола. Для нас этот день становится двойным праздником — сегодня нас встречает Большая Земля. Встречает, как встречают сыновей, возвращающихся из дальнего и трудного похода.

В потертых кожанках, в унтах, исцарапанных острыми гранями льдов, заросшие и бородатые, но в белых рубашках с галстуками, входим мы в зал под рукоплескания и приветственные крики друзей. В зале сидят люди, которых я хорошо знаю, потому что четыре года работал с ними, был секретарем Тиксинского райкома.

И когда меня попросили рассказать о дрейфе, у меня было такое чувство, что я отчитываюсь за каждый день, прожитый во льдах океана.

360 дней прожили мы на дрейфующем ледяном острове. Многие из них походили друг на друга: наблюдения, вахты, дневники, доклады. Но не было ни одного скучного дня, ни одного дня, даже самого трудного, который бы мне хотелось вычеркнуть из своей жизни.

Участники экспедиции СП-19 о себе

Леонид Васильев,
начальник радиостанции СП-19

Родился я в Ленинграде в 1931 году. Когда началась война, наша семья решила — что бы ни случилось — оставаться в Ленинграде. Так вместе с тысячами ленинградцев мы очутились в блокаде. Помню, как из нашей и соседних квартир выносили мертвых. Люди умирали тихо. Вначале голод мучил, как пытка. Но потом все ощущения притуплялись. Даже есть уже не хотелось.

Голод — это запомнилось мне сильнее всего. Как-то незадолго до прорыва блокады мы с друзьями залили во дворе дома каток. Вытащили из чуланов коньки, прикрутили к валенкам, вышли на лед. А кататься не можем. Вспоминаю блокаду и вижу перед собой не мертвых, не бомбежки, не разваленные взрывами дома, а этот несчастный каток и на нем нас, отощавших ленинградских парней.

От одного знакомого узнал я о ЛАУ — Ленинградском арктическом училище. Понравилась форма у ребят — красивая: тельняшки, клеш... Вдобавок в училище радиотехнический факультет. Подал документы. Конкурс 8 человек на место, но я ничего — выдержал, поступил.

Ни о каком Севере понятия не имел. Впервые увидел его в 1954 году, когда проходил практику на Земле Бунге (Новосибирские острова), где строил радиомаяк для нужд Севморпути.

Городскому комфорту я не завидую. С чего у людей появилась такая тяга к вещам? Но ведь вещи — это еще не жизнь.

Жизнь — это когда на «Беллинсгаузене» в Антарктиде к нам прилетали белые куропатки. Их белизну невозможно описать. Мы их прикормили, и они, как домашние голуби, жили вокруг нас.

Я открывал станцию «Беллинсгаузен». Я был в числе русских людей, которые после 150-летнего перерыва вновь пришли в эти края. Можно ли это забыть?

Кстати сказать, я пытался. После Земли Бунге три года провел на мысе Раздольном. Надоело до чертиков. Ушел работать на Ленинградский телецентр.

Служба хорошая. Зарплата подходящая. А покоя нет. Терпел, терпел, три года терпел, думал, что пройдет, но не прошло. Видно, на Севере, кроме магнитного полюса, есть еще какой-то другой.

Что тянет меня туда? Что влечет? Не знаю. Не могу объяснить. Это тайна. Загадка. И дай бог, чтобы никто никогда ее не разгадал. Хорошо жить, когда в сердце есть место для тайн.

***Борис Ремез,
инженер-локаторщик***

Думал ли я когда-нибудь, что судьба занесет меня на полярную льдину? Нет. Никогда. Жизнь моя тихо и спокойно протекала в местах, где ветры, морозы и снегопады не превышают стандартных среднерусских величин. Учился я в электромеханическом институте имени Бонч-Бруевича, который, понятное дело, не специализируется на подготовке кадров для высоких широт. Поэтому Север для меня – это счастливая случайность. Это неожиданный выигрыш, который выпал на мою долю. И этот выигрыш теперь навсегда мой.

Почти все на СП оказалось не таким, каким я представлял. И сама льдина, и строительство лагеря, устройство отопления, и проводка электроэнергии, и даже баня. Но самое главное – трудности физические, несмотря на то, что их было достаточно, оказались легче трудностей моральных. Оторванность от Большой земли, от родных, жизнь в маленьком коллективе в течение длительного времени переносятся значительно тяжелее, чем самая трудная физическая работа.

В газетах и журналах часто приходится читать об «арктической болезни» — болезни, которая навсегда притягивает человека к Арктике. И хоть эти фразы стали уже довольно избитыми, я могу сказать, что испытываю нечто похожее... Хочется снова в Арктику, хочется снова полной грудью вдохнуть сухой морозный воздух, почувствовать грудью крепость арктического ветра.

Послушать — глазами — цветную симфонию полярного сияния. Это сбудется.

***Анатолий Быков,
главный механик станции***

У меня характер бродяги. Давно забыл, что это такое — сидеть на одном месте. Для меня сидеть дома и почитать газетки невмоготу.

Захватил войну. Успел повоевать. А потом началась моя рабочая и одновременно кочевая жизнь. Монтировал краны. Нынче здесь, завтра там. Такая у полярника жизнь — дома чувствуешь себя, словно в гостях. Засиделся малость, и уже неудобно становится. Дескать, пора и честь знать.

Работа везде работа. Только в городе немножко не так. Здесь бок о бок с тобой трудятся десятки, сотни, тысячи людей. Порой тебя среди них не разглядишь. А на СП мы с помощником у всех на виду. Можно сказать, в центре внимания.

Я с Севера не вылезая, бывал и в Антарктиде. У меня для жизни есть все — отличная квартира, машина и прочее... «Так какого же черта тебе дома не сидится? — спрашивает меня родня. — Везде побывал. Все повидал. Не пора ли угомониться?» А я не могу. По натуре я не лирик. Но есть чувство, которое нигде не испытаешь отчетливее и острее, чем на Севере. Я говорю о своей нужности людям, когда без твоей работы может остановиться общее дело, когда твой успех — это успех всей нашей братвы.

***Валерий Кривошеин,
метеоролог и радист***

О Севере я мечтал так давно, что теперь уже кажется, будто эта мечта вместе со мной родилась. С детства люблю Джека Лондона. Запоем прочел все его собрания сочинений. Разыгралось воображение. Стали одолевать вопросы. На что способен я сам? Что я могу? Кто я такой?

Родился я в 1946 году. Биография у меня, наверное, такая же, как и у всех моих ровесников.

За что же мне себя уважать, если я ничего в жизни не совершил? Лондонские герои были для меня людьми из другого мира. Мысленно следуя за ними сквозь льды и снега, я спрашивал себя: «А смог бы ты не оплошать на их месте?».

В Ленинграде тема Севера звучит громче, чем где-нибудь еще. Ленинград — это ворота в Арктику. Здесь формируются полярные экспедиции. Здесь находятся учебные заведения. Отсюда уходят и сюда возвращаются покорители высоких широт.

Встреча на улице с курсантом того же ЛАУ — ведь это, по сути дела, под-сказка молодому парню, куда поступать, как найти свою дорогу в жизнь.

Я окончил ЛАУ в 1965 году. Потом четыре года работал на Диксоне, на островах Виктория, Голомянном, Известий ЦИК.

Когда представилась возможность поехать на СП-19, я ухватился за нее с великой радостью. Прилетел на перевалочную базу. Работал, как каторжник. Каждый день грузили по 7–8 самолетов, уходящих на полюс.

На СП-19 я прилетел в числе последних. Почти весь коллектив был уже в сборе. Я — один из самых малоопытных, самых молодых. Никто меня толком не знает. Приживусь ли я? Сомнения так и одолевают.

Вылез на грешную землю, вернее сказать, на грешный лед. Осматриваюсь. Неуютно. Непривычно. А ребята вдруг как гаркнут: Ура! Ура!!!

И все гурьбой ко мне. Словно важная персона прибыла. Мигом моих сомнений и след простыл. Разве среди таких ребят можно чувствовать себя чужим? Никогда!

Владимир Сафронов,
аэролог

Жизнь на Севере многое проясняет в людях и в себе самом. Переставешь обращать внимание на мелочи, зато главное, основное встает перед тобой в полный рост. Тут, во льдах, яснее видишь свою цель и начинаешь относиться к работе не как мальчик, а как мужчина. Я родился в 1947 году. В 14 лет поступил в ЛАУ. В 1964 году во время годичной практики был на мысе Челюскин. Понравилось. Бывало, и меня «здравомыслящие люди» пугали Севером. Я был рад убедиться, что не ошибся в своем призвании, нашел на Севере самого себя.

Большинство моих товарищей по станции старше и опытней меня. У многих за плечами трудная, суровая жизнь. Однако никто не смотрел на меня свысока, никто не поучал.

Когда-то я боялся, что Север разлучает людей, рвет установившиеся между ними связи. Но на самом деле все это не так. Север — это испытание верности, испытание чувств. И если люди прошли через испытание разлукой, им уже ничего не страшно.

Я вспоминаю СП-19 и смешные, нелогичные письма моей жены. И будто открываю в ней новые черты.

«Знаешь, я хочу, чтоб вашу льдину закрыли в апреле и ты бы приехал домой».

«...Так хочется быть вместе, держать тебя у своей юбки и никуда не отпустить! А еще боюсь, что эта страсть к путешествиям захватит тебя и будет тянуть на Север, в Антарктиду».

Когда у нас дома заходит разговор на эту тему, я говорю, что в ближайшие десять лет ни под каким видом не покину свою квартиру. Но, если говорить честно, Антарктида давно снится мне по ночам.

***Михаил Судаков,
инженер-механик***

Двигатели — моя страсть. Я механик. И об ином здесь говорить излишне. Жил, и живу, и надеюсь жить нормально. Книги, театр, музыка, кино — все это и есть в жизни, разумеется в разном количестве, качестве и понимании. Так что, повторяю, все нормально.

Да, Север... Черт его знает, что сманило! Деньги? Бродячий дух? Или вот это: ах, Арктика, ах полюс? Не знаю, не копался в себе. А значит, непросто ответить.

Я ведь попал за Полярный круг уже семейным, далеко за тридцать было. Сначала Мангазея, потом вот это «ах, полюс»...

Все было просто. В один из летних дней А. Чилингаров сказал мне: «Ты утвержден инженером-механиком на СП-19». С этой поры все понеслось как на ускоренной съемке. Нужно было собрать воедино многопредметное хозяйство станции. С каждым днем подходило подкрепление в виде будущих участников СП. Дни становились короче, а дел, как всегда, все прибавлялось, но всему бывает конец, и вот мы летим пока еще не на СП, а опять же по делам СП, в Тикси.

Кто жил на Севере и ждал, как мы, нечастых прилетов с земли, тот поймет, до чего становится отзывчива душа на любое тепло людское...

Я много где бывал, бывал среди людей, занятых серьезным и опасным делом, но везде человек становится ЧЕЛОВЕКОМ только тогда, когда он ощущает себя частью коллектива и живет его интересами. На СП-19 я это ощутил в полную меру и не жалею, что прожил год среди мороза и льда. Я видел настоящих людей, я жил с ними.

Вадим Углев,
океанолог

В Арктике я двадцать пять лет подряд — год в год. Говорить о себе — значит рассказывать про Север. На материке все это время наездами. Погостишь — и на работу, в океан, на лед.

Зарботки немалые, это верно. Только ведь все ж 25 лет я здесь! На красивую жизнь и за тройку годков можно скопить, ежели рвач. Тут-то тратить негде. Нет, у нас в Питере лишь в пенсионном возрасте полярники оседают. Это я к чему: кто только за рублем едет к нам, долго не держится. Кишка тонка. Не рублем здесь мужская дружба и верность дел мерится.

Мне сорок. Повидал немало и пожил достаточно для ума. И для сердца тоже. Так вот: Арктику умом понял и сердцем полюбил.

Михаил Сериков,
гидролог

Для людей моей профессии Арктика — идеальная лаборатория. Факты, ценные сведения, полезная информация поджидают там ученого на каждом шагу. Скучать некогда.

О другом жалеешь — что в сутках всего 24 часа и твой мозг не настолько быстр, чтобы, как ЭВМ, выполнять миллион операций в минуту. Сидя в Ленинграде, я никогда не выполнил бы и десятой доли тех работ, которые одолел на СП-19.

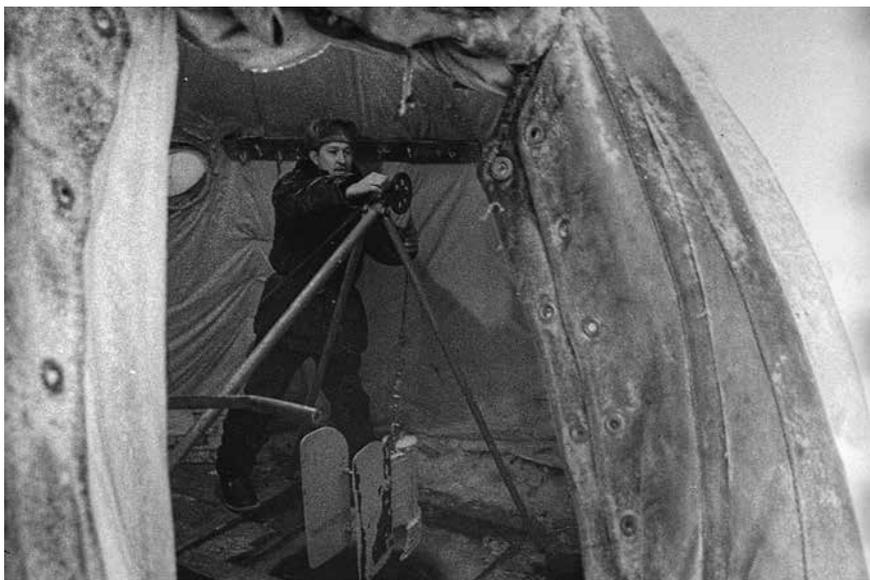

Полюс — это неразвязанный узел многих нерешенных проблем. Поэтому так настойчиво стремятся на купол земли и молодые, и не очень молодые ученые.

Льдом занимаюсь уже больше 20 лет. Иногда спрашивают: чего там изучать? Лед, мол, он и есть лед. А лед, скажу я вам, — это целая проблема. Математики десятки сложнейших формул составили, чтобы рассчитать его прочность, ничего не получается. Из формулы одно следует, на деле другое выходит.

Изучая лед, мы, советские ученые, преследуем мирные цели. В частности, наша помощь требуется каждый раз, когда организуется новая полярная станция. Чтобы построить хороший ледокол, вначале нужно испытать его модель. Делается это в бассейне, где намораживается лед. Модель много раз протаскивается по нему, колет лед... Делаются замеры, сравниваются результаты. Но чего стоит эта работа, если каждый раз мы получаем лед с разными характеристиками? Ничего. Все результаты насмарку. Так было до недавнего времени. А теперь мы научились стабильно намораживать лед, который обладает одними и теми же характеристиками. Поэтому в расчетах корпусов достигается точность, о которой вчера можно было только мечтать.

Диссертация моя близится к завершению. Но как за далью открывается другая даль, так в науке за одним решенным вопросом встает другой. Всегда ты чем-то недоволен, всегда находится дверца, к которой еще нет ключа. Когда создается такое положение, особенно тянет на Север, в Арктику. Там, в толще многолетних льдов, ищу я ключи к тайнам, над которыми ломаю голову уже много лет.

Олег Смелков,
гидролог

Не знаю, почему я поступил в Ленинградское арктическое училище. Скорее всего привлекло конкретное название «арктическое». Багаж моих знаний о Севере был в то время очень мал: слышал о Диксоне, Тикси, читал «Два капитана», видел полотна Рокуэлла Кента — вот, пожалуй, и все.

Знакомство с Севером началось с экспедиции в Чукотском море. Наше судно, пройдя по всему Чукотскому побережью, не раз поднималось в высокие широты. Вот там-то я впервые по-настоящему смог оценить работы Кента, увидев натуру воочию. Неподражаемая чистота, целомудренность, отсутствие недостатков, конкретность, строгость. Море то тяжелое, густое, то прозрачно-кружевное, черно-коричневые, покрытые белыми языками и шапками снега берега. Небо, облака всех цветов радуги.

Можно сколько угодно дискутировать о красоте, ее мерах, границах, постулатах, но ни одно сердце не устоит перед этой гаммой красок, света, форм.

А потом СП. Дрейфующие льды, солнце, парящее над самым горизонтом. Смотреть на него не возможно. Ослепнешь. И долго потом будешь созерцать красный след, оставленный светилом на память неосторожному, захлебывающемуся от восторга «певцу» северной красоты. Торосы преобразаются.

Розоватый свет смягчает их холодный, злой нрав. Трепетно колеблются изломанные края.

Когда мне задают стандартный вопрос: «Что тебе понравилось на Севере?» — я, не колеблясь, отвечаю: «Все».

Как известно, нравится только то, что красиво. А эта красота особенная: холодная, аскетичная, мужественная.

Скромный и талантливый живописец — природа. На огромном полотне земного шара она гениальной кистью сделала массу набросков, этюдов, каждый из которых поражает своей особенностью, неповторимым колоритом, неистощимой выдумкой.

PS. По возвращении с СП-19 Олег Смелков поступил учиться в Высшее художественное училище.

Анатолий Воробьев,
старший инженер-аэролог, заместитель
начальника станции, парторг СП-19

Первый мой дрейф на льдине закончился... в милиции. Высадились мы на невский лед у Тучкова моста и двинули... Вперед, «папанинцы», ура! Ни в милиции, ни дома внушения не были строгими, а наказаний и вовсе не было.

В блокаду жил в Ленинграде. Сожгли всю мебель, но все же спасла отцовская библиотека. Большая была — долго горела... Выхал из Питера со второй попытки. Два месяца добирался до Казани. Приехал прямо в госпиталь — дистрофия. Рядом кто-нибудь кашляет — от слабости падаю. Спас, как и положено, отец. Как он отыскал меня — не знаю. Но отыскал, и 800 кубиков его крови, влитых в меня, решили спор со смертью в мою пользу.

ЛАУ — Ленинградское арктическое училище — окрестило меня полярником. Через два года вручили мне первое полярное назначение. Мыс Челюскина. Это сейчас самолеты долетают туда за сутки, а тогда плыли неделями по океану.

Знаменитый Северный морской путь — на его тропе случились первые приключения. В Усть-Таймыре крепко припер нас лед. Так поднажал, что многотысячетонные корабли, как спичечные коробки, выбросило на мелководье. Пришлось разгружать. Везли мы на Челюскин кирпич и прочие стройматериалы — в общем, груз, для собственного горба мало приспособленный. Короче, после месячной эпопеи пробрались-таки дальше.

Год пятидесятый... для Арктики знаменательный. Впервые после папанинской станции готовились к высадке на дрейфующий лед. Вот уж где я

вспомнил свой «дрейф» по Неве! Снаряжала, обеспечивала и высаживала станцию специальная экспедиция «Север-5», участником которой был и я, двадцатидвухлетний, жадный до льдов парень.

Казалось, вот он, дрейфующий лед, рядом, но... Выпало мне еще десять лет обживать берега Ледовитого. Довелось открывать пункт зондирования в Дудинке и четыре года вкалывать там. Нормально, не жаловался. Комсомольской работы не чурался, вроде наоборот: избирали секретарем, получил грамоту ЦК ВЛКСМ. Вообще комсомольцы там жару давали, даже как-то металлолом ухитрялись собирать, и это в морозы ниже 50!

Потом Диксон. Здесь уже самому приходилось натаскивать молодежь. К 57-му году я уже ходил в ветеранах — как-никак 11-й год в Арктике.

Что сказать об СП-19? Нормально. Разлом? Так все мои СП без этого не обходились. Ломало все станции. Молодежь, мол, неопытная? Ребята все отличные, да и нас, старых ледовиков, все ж и я, и Михаил Иванович, и Вадим Углев, и Толя Быков... Так что ничего страшного.

Павел Селезнев,
гидролог

Как началась дорога на Север? Даже не знаю, что сказать. Больно уж странно звучит для меня этот вопрос. Дело в том, что я на Север не приходил. Здесь я родился. Здесь моя родина. Здесь моя жизнь. Я родился в 1948 году в Нижних Крестах. В 1951 году мы переехали в Тикси. В общем, все мое детство и юность прошли на Севере. В холодную северную землю пустил я такие глубокие корни, что никакой силой их теперь не вырвать.

Я ледовый разведчик 2-го класса. В 1963 году после окончания восьмилетки поступил в ЛАУ. Окончил. Начал работать. А с работой своей я познакомился еще до окончания училища, в школьные годы, когда подружился с ребятами из обсерватории ААНИИ. Они так здорово рассказывали о своих делах, что я соблазнился, начал приставать с расспросами. Мол, братва, а как же сделать, чтоб и мне тоже ваше дело изучить. Вот тогда дружок мой, Жора Большаков, и посоветовал: «Давай, Пашка, подавай в ЛАУ. Ругать потом не будешь. Спасибо скажешь».

В Тикси я познакомился с Артуром Чилингаровым. Произошло это по комсомольской линии. Он был секретарем райкома, а я секретарем организации радиометеорологического центра. Вначале просто встречались по делам. Потом подружились. Он-то и надоумил меня проситься на СП.

В 1969 году приехал я в Ленинград. Зашел в институт. Так и так, говорю,

хочу попасть на СП. «Оставьте, — отвечают, — заявление. Если появится в вас нужда, вызовем».

Я решил, что это просто-напросто замаскированный отказ, и в расстроенных чувствах вернулся домой. Проходит время. Вдруг как снег на голову вызов. Я от радости чуть под потолок не подпрыгнул. Так я попал на СП-19.

Мне эта зимовка очень многое дала. В профессиональном отношении на дрейфующей станции растешь очень быстро. Весь мир вокруг тебя — словно огромная лаборатория. Можно столько сделать, сколько на материке не успеешь и за пять лет. Север — моя родина. Там, на Севере, вся моя жизнь.

**Юрий Струин,
инженер-ионосферист**

Когда я вернулся в Ленинград в 44-м из эвакуации, поступил в речное училище. Стал радиотехником, работал на Сахалине.

Много работал там в комсомоле — был нештатным заведующим военно-физкультурным отделом Александровского горкома ВЛКСМ. В 1960 году окончил заочный политехнический институт и через год уже плыл в Антарктиду — 7-я САЭ. Ну а потом пошло... СП-13 — две смены, 13-я САЭ, СП-19 и вот сейчас 17-я САЭ.

Когда остановлюсь? Это уж не от желания, а скорее от здоровья зависит. Ну а пока, тьфу-тьфу, не жалуюсь. Так что судите сами.

**Юрий Молочников,
инженер-ионосферист**

СП-19 — мой первый дрейфующий лед. Ныне, после дрейфа, пока «списался на берег». Работаю в НИИ. Так что говорить много о своих полярных делах не буду.

Случайно ли попал? Отнюдь. У меня за плечами и ЛАУ и ЛВИМУ, так что и среднее, и высшее полярное образование имею.

Хотелось бы в Арктику или Антарктику? Скажу по-честному: очень.

**Виталий Прозоров,
метеоролог**

Считается, что будущую специальность нужно выбирать тщательно, неспешно, наверняка. А вот у меня все получилось, можно сказать, с места в карьер. Обычно в таких случаях добавляют «к сожалению». А я говорю: «к счастью». Окончил ЛАУ, геофизическое отделение. Подозреваю, что стремление к этой специальности сидело во мне давно, да только я до поры до времени его не осознавал.

После училища сразу женился. Так же скоропалительно, как в ЛАУ поступал. Но заметьте, опять же счастливо. Вышел из загса и в тот же день улетел на остров Хейса работать на обсерватории «Дружная». Вскоре и жену Нину туда перетащил.

У меня есть свойство, которое повсюду скрашивает жизнь, — люди никогда мне не надоедают. Пусть их по пальцам можно пересчитать, пусть

каждый час по несколько раз мозолят они тебе глаза, а все равно не надо-едают. Причем не только люди приятные во всех отношениях, но и колючие и занозистые тоже.

У нас, метеорологов, работа по часам. Хоть на четвереньках, а каждые три часа выходи на улицу, снимай показания приборов. Бывало, сидишь смотришь кино. Вдруг на самом интересном месте повар Валя Дондуков встает и идет на выход — пора готовить ребятам еду. Смотришь на часы (особые, полярные, на циферблате 24 деления, светятся в темноте) и тоже торопишься к своей работе. Идешь и знаешь, что через несколько минут следом за тобой побежит радист — данные, которые ты собрал, ему надо не мешкая передать на материк. Такая у нас, полярников, своего рода круговая порука. Каждый человек живет и чувствует, что он позарез нужен, что без него общее дело не пойдет. Оттого-то самая тяжелая работа не тяжела.

Владимир Волдав,
аэролог

В детстве я мечтал стать космонавтом, моряком, полярником, музыкантом, артистом, педагогом... Забегая вперед, скажу, что только космонавтику не удалось мне испытать на себе. Остальные профессии, одни больше, другие меньше, я все-таки попробовал. Нельзя учиться сразу в нескольких местах. Приходится выбирать. Вот я и выбрал для себя Ленинградское арктическое училище. В училище я приобрел качества, присущие и моряку, и полярнику, и педагогу... На всю жизнь полюбил я строгую

морскую форму, привык к дисциплине. Практические знания на Финском заливе, походы на кораблях подружили меня с морем — самой большой красотой на земле.

Моя дорога на Север началась сразу же по окончании училища. Год зимовки на острове Диксон, два года на острове Визе в Карском море и год на ледяном острове СП-19 позволили мне ощутить всю необычность и трудность работы полярника. За эти четыре года я крепко сдружился с Арктикой, полюбил ее природу и ее людей, готовых прийти тебе на помощь в любую минуту. И я старался вовсю, чтобы быть похожим на этих замечательных людей.

Вот и все. А год рождения мой — 1947-й.

Валентин Дондуков,
повар

Дома я не готовлю. Помню, уже после дрейфа приехал ко мне домой, в Ломоносов, журналист из Москвы. Он у нас на СП дважды бывал, ну и подружился там крепко. А у меня на кухне мать шурует с кастрюлями да сковородками. У него глаза на лоб: «Петрович, Случай (Случай — это мое полярное прозвище), ты что это мать эксплуатируешь? Или профессию сменил?»

Мы, повара, дома не готовим. Ну, отдых, что ли, рукам и сердцу. И едим дома, что попроще, без выкрутасов деликатесных: картошку жареную, яишенку и в таком роде... Устаешь на работе еще ведь и творчески, что ли... Разрядка нужна.

Меню

Ресторан «Остров невезения»

«А нам все равно»

ВОСКРЕСЕНЬЕ	<i>Завтрак</i> Омлет натуральный, какао, печенье	<i>Обед</i> Винегрет овощной, бульон с курой и до- машней лапшой, шаш- лык по-островитянски, компот консервирован- ный или сок	<i>Ужин</i> Пирожки с мясом, чай с лимоном, масло, сахар, конфеты
ПОНЕДЕЛЬНИК	<i>Завтрак</i> Консервы рыбные, икра кабачковая, ба- клажанная, кофе, чай, колбаса, масло	<i>Обед</i> Борщ флотский, котле- ты рубленые с гарни- ром, картофельные кот- леты с грибным соусом, кисель вишневый	<i>Ужин</i> Сосиски по-пражски с картофельным пюре, чай, сахар, масло, сухари
ВТОРНИК	<i>Завтрак</i> Каша рисовая на мо- локе, чай, кофе, сахар, масло, сыр	<i>Обед</i> Суп картофельный со сметками, лангеты с гарниром, компот из сухофруктов	<i>Ужин</i> Пельмени отварные с маслом, уксусом, чай, сахар, масло
СРЕДА	<i>Завтрак</i> Пудинг манный с киселем или варе- ньем, чай, кофе с лимо- ном, колбаса, масло	<i>Обед</i> Солянка мясная сбор- ная, гуляш с гарниром, компот из сухофруктов	<i>Ужин</i> Палтус жареный с картофелем, чай, масло, сахар, сыр
ЧЕТВЕРГ	<i>Завтрак</i> Яйца всмятку (в меш- почке), вкрутую, чай, кофе, масло, сухари	<i>Обед</i> Суп гороховый, рост- биф с гарниром, кисель ежевичный	<i>Ужин</i> Макароны по-флот- ски, чай, масло, сахар, сыр
ПЯТНИЦА	<i>Завтрак</i> Студень мясной, чай, кофе, масло, вафли	<i>Обед</i> Рассольник ленинград- ский, эскалоп из свини- ны с гарниром, компот из сухофруктов	<i>Ужин</i> Печенка по-строга- новски с гарниром, чай с лимоном, сахар, масло
СУББОТА	<i>Завтрак</i> Творог со сливками, чай, кофе, масло, колбаса	<i>Обед</i> Солянка грибная, суп рыбный, бефстроганов с гарниром, компот консервированный	<i>Ужин</i> Блины с маслом, сливками, вареньем или килькой, чай, кофе с молоком, масло, сахар

Директор ресторана *Чилингаров*

Шеф-повар *Дондуков*

Калькулятор *Горбунов*

СП — не только работа, но и дом. На год. На работу и с работы ездить не надо — она с тобой все двадцать четыре часа в сутки. Работа здесь, как жизнь, без перерыва на обед. Потому как для повара и обед — работа.

Училище кончал по 6-му разряду. Это считалось здорово. Таких нас лишь двое во всем выпуске было. Говорю это не хвляясь. Давалось уж больно все легко. А стало быть, большой резерв имеется, далеко-далеко мне до моего предела. Начал работать в ресторане гостиницы «Советская». Ресторан первоклассный. Кулинары соответственно. Втянулся, подровнялся быстро.

Объявили в Ленинграде конкурс молодых поваров. Мне двадцать два. Наш шеф-повар Нина Григорьевна Лобзова меня туда за ручку привела. Давай, выигрывай! За солянку рыбную, ассорти рыбное, эскалоп со сложным гарниром и компот досталось мне второе место. Помню, как представитель райкома комсомола пометил что-то в записной книжке. А через пару дней пришел в ресторан плотный черноусый парень. Сжевал ромштекс, допил коньяк и решительно двинулся к нам на кухню. Выражение лица — будто таракан в ромштексе попался. Что-то будет!

- Где тут Дондуков?
- Зачем я вам?
- На Северный полюс поедешь?
- ?!
- Что глаза вытаращил?

На том и закончился первый день переговоров. Черноусый ухмыльнулся и ушел. На второй день я отказался. Выслушав отказ, черноусый растянул губы в знакомой усмешке и протянул: «Заполнишь, принесешь по этому адресу». Ночью я не спал, а утром помчался на Фонтанку, в ААНИИ. Сдал заполненные анкеты. В общем, в Арктику попал как кур во щи. Так-то.

Если б нашелся ученый, взявшийся изучать такую штуку, как настоящая мужская дружба, то собирать людей не понадобилось бы. Одна командировка к нам, на СП-19, и все.

Геннадий Горбунов,
врач

Договоримся сразу — биографии у меня пока нет. «Родился — поступил — окончил — начал» — я по такой схеме свою биографию не числю. Моя формула такая: «сделал — выстоял — защитил». Ничего я пока не сделал и не добился, выстоять не перед чем особенно было, ну и не защитился я. Врачом стал, верно, но ведь это не мне медицина благодарна, а я ей — и по гроб жизни.

Отчет врача Горбунова

Подготовка станции производилась в период с 1 сентября по 26 октября 1969 года. Для организации медицинской помощи в комплект оборудования входили: операционный набор, автоклав, диодинамик, соллюкс, аппарат УВЧ, комбинированный облучатель, набор сельского врача-стоматолога, необходимый набор инструментов и дезинфицирующих средств.

Медпункт станции располагался в домике ПДКО, где в ¼ его был выделен отдельный кабинет с изоляцией от остальной части домика. В последней располагались двухъярусные нары и койки для осмотра сотрудников станции с расположенной над ней аппаратурой, необходимой для выполнения научной программы.

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ ПОЛЯРНИКОВ

В период зимы, в момент строительства станции было обращено особое внимание на профилактику отморожений и воспалительных процессов верхних дыхательных путей, в связи с чем были проведены беседы с личным составом станции, а также осуществлялось постоянное наблюдение за одеждой и состоянием кожных покровов как самих сотрудников станции, так и рядом работающих товарищей.

В первой половине зимовки у большей части сотрудников станции отмечались проходящие головные боли, раздражительность, нарушение сна, особенно в период повышения атмосферного давления. По мере появления смены дня и ночи состояние нормализовалось. К концу зимовки необходимо отметить незначительную тенденцию к повышению АД, учащение пульса, появление одышки при физической нагрузке.

За год зимовки у личного состава станции (20 человек) впервые было зарегистрировано 38 заболеваний, из них 11 случаев вызвали временную утрату трудоспособности, что составило 31,6 процента. Большой процент обращаемости падает на 5-й и 8-й месяцы зимовки. Из заболеваний на первом месте стоят болезни зубов и полости рта – 26,3 процента, затем пиодермиты – 13,4 процента, болезни мышц и сочленений – 10 процентов. Поверхностные травмы составляют в общем числе заболеваний 20,5 процента, из них 50 процентов вызвали временную утрату трудоспособности.

ДИСПАНСЕРНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

За время зимовки проводились ежемесячные медицинские осмотры личного состава

станции. Обращалось внимание на состояние сердечно-сосудистой системы, дыхательной системы, состояние кожных покровов, нервно-психическое состояние, на наличие признаков авитаминозов, неврозов.

В первый период зимовки у небольшой группы сотрудников отмечалось повышение веса с возвратом к норме в летний период. Во втором периоде отмечалось появление пиодермитов, в связи с чем большинство членов станции получили курс общего ультрафиолетового облучения.

С целью профилактики авитаминозов проводилась витаминизация пищи начиная с марта (добавление пищевого витамина С в третьи блюда, а также прием поливитаминов). На территории станции была построена волейбольная площадка, устраивались игры в футбол, волейбол, настольный теннис. В связи с проводимыми мероприятиями за весь год зимовки не отмечалось ни одного случая авитаминоза, появлялась бодрость, улучшалась работоспособность.

САНИТАРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА

Прочитана лекция о влиянии климатических условий Крайнего Севера на организм человека, проводились беседы о профилактике отморожений, гриппа, профилактике онкозаболеваний, о режиме питания и дня.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на высадку и строительство станции в осенний период, в условиях полярной ночи сколь-либо серьезных заболеваний у личного состава станции выявить не удалось.

Теперь об СП... Врачу-практику работы там почти нет. Хирургу, к примеру, вообще грозит дисквалификация. Что касается почвы для исследовательской работы — она, эта почва, здесь на льду прямо-таки черноземная, уж извините за каламбур. Рассказать подробнее? Возьмите отчет — там все сказано. Повторю, мне пока рановато давать интервью, а писать отчет — моя обязанность.

Юрий Иванов,
инженер-ионосферист

Я коренной ленинградец. Надолго уезжал только в эвакуацию да на СП или в Антарктиду. В Антарктиду попал инженером — начальником геофизического объекта на Диксоне. С тех пор я полярник. Диксон, 12-я антарктическая экспедиция, СП-19 — за шесть лет работы в ААНИИ.

Что сказать о Севере? Тут такое дело: с любимой объясняешься нежными словами наедине, так? А я, Юрий Николаевич Иванов, влюблен в Арктику по гроб жизни. И когда вижу белый лед да черную воду ее, говорю ей то, что положено говорить любимой. А сейчас увольте...

И еще одно. Вот многие говорят, как, мол, вырастает человек, кому обязан... И чаще так — своей воле, характеру и пр. Воля и характер важные штуки. Только кто их воспитывает в нас, как не мать! Своей матери, Александре Михайловне, всем обязан. Она меня учила всему. И прежде всего — быть честным человеком. Продолжает учить и сейчас, когда мне, ее сыну, уже за сорок... Спасибо тебе, мама, дорогая моя...

**Чилингаров А. Н., Евсеев М. П., Саруханян Э. И.
ПОД НОГАМИ ОСТРОВ ЛЕДЯНОЙ**

Редактор-составитель Раиса Неяглова-Колосова

Редактор-журналист Изабелла Савичева

Макет и верстка Наталья Гриц

Корректор Юлия Хамзина

Издательство «Паулсен». 107031, Москва, Звонарский пер., 7

Тел. (495) 624-86-05, www.paulsen.ru

Подписано в печать 18.08.2014. Формат 70 x 100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Заказ 3158. Тираж 2000 экз.

Отпечатано в типографии «Миттель Пресс».

127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14, стр. 6.

Тел./факс +7 (495) 619-08-30, 647-01-89

E-mail: mittelpress@mail.ru

